

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 6 · № 3 · МАЙ – ИЮНЬ · 2008

Содержание

- Эхо недавней истории *Фёдор Лукьянов* 5
- Строительство наций**
- Общество без традиций перед вызовами современности
Эмиль Паин 8
Надежды на решение современных российских проблем дедовскими методами государственной мобилизации тщетны и иллюзорны. Россия уже утратила свою традиционность – к сожалению, даже избыточно. И сегодня задача даже не столько в продвижении вперед, сколько в восстановлении равновесия между уже реформированными и отстающими элементами государства и общества.
- Миграционная политика США: уроки для России
Андрей Коробков 27
В миграционной политике Соединенных Штатов присутствует ряд черт и проблем, аналогичных тем, которые характерны сейчас и для российской действительности. Более того, некоторые из инноваций создают противоречия и вызывают опасения, которые в определенном смысле присущи и общественно-политическим силам в России.
- Наступить на чужие грабли или найти свои?
Владимир Мукомель 41
В России не сложились традиции социального диалога, способного оградить миграционную политику от популистских влияний. Многие нюансы общественных настроений по отношению к мигрантам невозможно понять, если не учитывать слабость институтов гражданского общества, неразвитость гражданского самосознания и отсутствие традиций гражданского контроля в России.
- Национальные страхи и будущее глобализации *Найан Чанда* 52
Ирония историй заключается в том, что в предприимчивых непосадах и переселенцах, которые когда-то стали застрельщиками глобализации, сегодня видят главную угрозу стабильности глобализованного мира. Западные нации, которые больше всех выиграли от открытости, теперь в панике отгораживаются от притока людей и капиталов.

Метаморфозы Европы

Мы и они *Джерри Мюллер* 60

В массе своей американцы преуменьшают роль этнического национализма в политике. Однако на самом деле он соответствует устойчивым устремлениям человеческого духа, и модернизация вдохнула в него новую жизнь. В той или иной форме национализм как двигатель глобальной политики унаследуют следующие поколения. И коль скоро этнический национализм стал знаменем различных групп в многонациональном обществе, этническое разукрупнение или размежевание часто может оказаться не худшим вариантом.

Европа: ориентация во времени и пространстве
Вячеслав Морозов 78

В отношении Евросоюза с окружающим миром сегодня, как никогда, явно выражен имперский момент: объединенная Европа озабочена не только и не столько достижением однородности внутреннего пространства, сколько проецированием собственной власти во внешний мир. Возникновение европейского супергосударства может оказаться вопросом не столь отдаленного будущего, как думают многие.

«Балканизация» Европы vs «европеизация» Балкан
Павел Кандель 90

Сделав допуск в свои ряды инструментом балканского умиротворения, Евросоюз вынужден смягчать критерии для не вполне созревших кандидатов. Соответственно возрастает и цена расхождения между формальным «возвращением в Европу» стран Балканского региона и их подлинной «европеизацией». А для Европейского союза адаптация «вернувшихся» создаст проблемы, выходящие далеко за рамки региональных.

Разговор по существу

«Мы слишком много требуем от современности»
Даниель Кон-Бендит 102

Европа — это целостная концепция. Вы с ней либо соглашаетесь и воспринимаете ее всю целиком, без купюр, либо отвергаете, но тоже целиком. В будущем основные дебаты и развернутся между теми странами, которые принимают все общеевропейские принципы, и теми, которые норовят выдирать что-то одно и требуют к себе особого отношения.

Игра с нулевой суммой?

О прошлом, которое продолжается *Анатолий Адамишин* 114

Избавившись от конфронтации, Соединенные Штаты и Советский Союз могли стать подлинно стратегическими партнерами. Но Вашингтон прошел мимо уникального исторического момента. Верх взяли сиюминутная целесообразность и приземленный прагматизм. Возможно, не хватило далекого стратегического видения таких великих американских президентов, как Вудро Вильсон и Франклин Делано Рузвельт.

Противоракетная оборона: история и перспективы
Павел Золотарёв 130

Системы ПРО способны снизить мотивацию пороговых стран к обладанию ракетно-ядерным потенциалом, а также уменьшить либо предотвратить ущерб от возможного применения ракетно-ядерного оружия. Но проблему противоракетной обороны необходимо решать так, чтобы это не приводило к нарушению стратегического баланса сил между основными ядерными государствами.

Содержание

- Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ *Сергей Минасян* 143
Если после выхода России из ДОВСЕ страны НАТО решат, что придерживаться этого договора впредь бессмысленно либо начнут создавать альтернативный механизм контроля над вооружениями в Европе без участия России, на Южном Кавказе появятся все предпосылки для полномасштабной гонки вооружений.

Совсем холодная война

- Таяние арктических льдов *Скотт Борджерсон* 154
Глобальное потепление вызывает быстрое таяние арктических льдов. А это открывает доступ к богатым природным ресурсам и новые пути для судоходства, использование которых позволило бы ежегодно экономить миллиарды долларов. Но до сих пор нет ясных правил, которые регулировали бы деятельность в этом экономически и стратегически важном регионе. Если Вашингтон не возьмет на себя ответственность по выработке многостороннего дипломатического решения, Арктика может оказаться ввернутой в вооруженный конфликт.
- На страже белого безмолвия *Юрий Голотюк* 169
Арктика всегда воспринималась российскими военными как северный стратегический бастион, принципиально важный для обеспечения национальной безопасности. Гонка за полезными ископаемыми, скрытыми в недрах вечной мерзлоты, усложняет задачу России – привычные подходы времен идеологического противостояния нужно приспособить к эпохе экономической конкуренции.

Полемика

- Не разбрасывать камни в стеклянном доме *Алексей Арбатов* 182
Москва вполне обоснованно взяла направление на изменение «правил игры» в отношениях с Западом, сложившихся в 90-х годах прошлого века. Но дело в том, что сказать «нет» совершенно недостаточно. Необходимо сформулировать конструктивную и конкретную альтернативу по основным вопросам.

Отклики и рецензии

- Евросоюз и Россия: как спасти партнерство *Сабина Фишер* 196
- Новое соглашение с ЕС: экономические аспекты
Владимир Паньков 203
- Дебалканизация Юго-Восточной Европы? *Татьяна Юрьева* 210
- Демократия – урок или приговор истории? *Александр Кузяков* 214

Периодичность шесть раз в год

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАРДАНЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

ЗЮЗИН И.В.
ОАО «Мечел»

КУЗЬЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Издается Фондом исследований
мировой политики*

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
в МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 1177.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.

АХТИСААРИ Мартти
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)
(в личном качестве)

ВАЙНШТОК С.М.

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЫК Б.Н.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.

главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ДУБИНИН Ю.В.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

- Газеты «Время новостей», «Российская газета».
- Информационное агентство РИА «Новости» • Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов «КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Редактор
Александра Кобзева

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блишкова

Ответственный секретарь
Валерия Чистякова

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
op@globalaffairs.ru

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Иллюстрации
Александр Бобосов

© «Россия в глобальной политике», 2008

Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией редакции.

Эхо недавней истории

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Закончилась ли холодная война? Уже двадцать лет, с тех пор как в мае 1988 года советский генсек Михаил Горбачёв гулял по Красной площади с президентом США Рональдом Рейганом, на этот вопрос принято отвечать положительно. Отчего же противостояние вновь в моде? А пресса полна рассуждений о грядущей конфронтации между Россией и Западом?

Вопрос следовало бы поставить иначе: не «закончилась ли холодная война?», а как она закончилась? Так считает видный российский дипломат **Анатолий Адамишин**, который на рубеже 1980-х и 1990-х принимал участие в ключевых переговорах между Москвой и Вашингтоном. В своей статье он размышляет о том, был ли шанс закончить идеологический поединок не победой одной из сторон, а почетной ничьей. И почему само это идеологическое противостояние так надолго пережил его дух.

Публикуя этот материал, мы хотели бы начать широкую дискуссию на

животрепещущую тему, которая никак не желает становиться исторической. Надеемся, что свое мнение выскажут на страницах нашего журнала и другие участники тогдашних событий.

Павел Золотарёв обращается к проблеме противоракетной обороны. Одна из основных тем минувшей эпохи не только не утратила актуальность до сих пор, но и превратилась в чуть ли не главный камень преткновения между Россией и Союзными Штатами. **Сергей Минасян** пишет о другом наследии прошлого – Договоре об обычных вооруженных силах в Европе и о последствиях моратория на него. Наконец, по-настоящему «холодная» война – конкуренция северных стран за доступ к энергоресурсам в Арктике – в центре внимания **Скотта Боргерсона** и **Юрия Голотюка**.

Об идейных битвах сорокалетней давности вспоминает депутат Европейского парламента **Даниель Кон-Бендит**, лидер студенческих протестов мая 1968 года. Молодые радикалы искали «третий путь», альтернатив-

ный и буржуазному обществу потребления, и «реальному социализму». Тогда на парижских улицах рождалась современная Европа как часть глобального мира, способная совершать прорыв в будущее, считает остепенившийся бунтарь.

Вячеслав Морозов пытается вникнуть в причины интеграционных метаморфоз, которые переживает Старый Свет. Расширение ЕС в начале нынешнего столетия изменило суть проекта: его движущей силой стала не внутренняя трансформация, а экспансия на сопредельные территории. В результате напряжение внутри системы нарастает, в то же время Евросоюз вступил в зону несвойственной для него геополитической конкуренции.

Павел Кандель анализирует, что значит для Балкан и всей Европы провозглашение независимости Косово. На его взгляд, втягивание в Европейский союз стран, которые находятся на иной ступени социально-политического развития, оказывает негативный эффект на все объединение.

Джерри Мюллер поднимает тему национализма. Автор полагает, что национальная идентичность в ее классическом этническом виде и в XXI веке остается опорой государственности в Европе. Глобализация не подрывает основ этнического сознания, а может даже по-своему укреплять его.

О сложной судьбе российской идентичности пишет **Эмиль Паин**. Он призывает не путать традицию, на которой строится общество, и инерцию, препятствующую его прогрессу. Формирование нации в современном гражданском понимании этого слова — главная задача России, полагает автор. Национальное строительство, основанное на этническом принципе, чревато в многонациональной стране серьезными проблемами. Тем более что быстрый рост ксенофобии подхлестывается притоком иностранной рабочей силы, который неизбежен в нынешней демографической ситуации.

В связи с этим о богатом американском опыте иммиграции и уроках, которые следует извлечь России, — **Андрей Коробков** и **Владимир Мукомель**. А **Найан Чанда** обращает внимание на страх развитых стран, который они испытывают перед лицом подъема развивающегося мира. Реакцией на это становится стремление отгородиться от наплыва людей и капиталов.

Авторы следующего номера рисуют контуры нового мира — по-прежнему глобального, но лишено западного доминирования. Среди прочих тем — перспективы альтернативной энергетики, должно ли евро-атлантическое сообщество менять свои подходы к России и многое другое.

Строительство наций

“*Нынешняя инерция политической системы обусловлена не столько силой традиции, сколько слабостью импульсов для перемен политического режима в России. Провозглашенные «национальные проекты» на самом деле вовсе не национальные, то есть не опираются на общество-нацию. Это государственные проекты, которые используют инструменты, традиционные для цивилизации «особого пути», – мобилизацию и распределение ресурсов*”

Общество без традиций перед вызовами современности

Эмиль Паин

8

Иммиграционная политика США: уроки для России

Андрей Коробков

27

Наступить на чужие грабли или найти свои?

Владимир Мукомель

41

Национальные страхи и будущее глобализации *Найан Чанда*

52

Общество без традиций перед вызовами современности

Почему стереотипы поведения столь устойчивы

Эмиль Паин

Что такое застой? На мой взгляд, это историческая ситуация, при которой правящая элита не хочет, а оппозиционные силы не могут и не знают, как жить по-новому. В эпоху застоя у власти и у оппозиции в ходу один и тот же миф о фатальной предопределенности судьбы страны и ее «особом пути».

Либералы с гневом отвергают идею «особой цивилизации» как «тысячелетнего величия России», но охотно принимают тот же миф в другой упаковке как цивилизацию «тысячелетнего рабства».

«Особенности» — это наиболее часто повторяемое сегодня словечко. Вот только непонятно, по отношению к каким странам и в чем же проявляются российские особенности, — ведь сравнительные исследования крайне редки.

Как заклинание повторяется присказка: «Такая у народа ментальность». Идеологически противостоящие друг другу группы в равной степени не знают и, к сожалению, не хотят знать о реальных тенденциях, характеризующих динамику национальной культуры. Ближе познакомиться с этими тенденциями сильно мешает то, что популярные термины «культурный код», «цивилизационная матрица», «национальные архетипы» так и остались метафорами, поэтическими образами, к которым прибегают без объяснения механизма их действия.

В сложившихся условиях роль науки я вижу прежде всего в демифологизации общественного сознания, в том, чтобы противопоставить мифам рациональное знание. В этом смысл и данной ста-

---

Э.А. Паин — д. полит. н., профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, генеральный директор Центра этнополитических исследований.

ты. Постараюсь изложить свою гипотезу, отчего в российской жизни так устойчивы некоторые стереотипы поведения, которые лишь кажутся традиционными. И в чем в то же время состоят механизмы динамики не мнимых, а подлинных традиций под влиянием глобальных вызовов.

ТРАДИЦИИ И ИХ ПОДОБИЯ

В публицистике, а зачастую и в научной литературе почти всякое исторически устойчивое явление именуют традицией. И это в значительной мере затрудняет понимание многих современных социальных и политических явлений.

Традиция — это передача из поколения в поколение норм, стандартизированных образцов поведения, идей и ценностей, которым должны следовать все члены некоего сообщества. Традиция является предписанием, которое предыдущие поколения оставляют потомкам, и в этом качестве она определяет легитимность действий членов сообщества в тех или иных ситуациях.

Из определения понятно, что не всякое повторяющееся явление может быть названо традицией. Если люди зимой кутаются, а летом снимают с себя лишние одежды, — это не традиция, а *ситуативное приспособление к среде*. А вот что им следует надевать зимой и до какой степени позволительно оголяться летом, предписывала традиция. Для ее передачи необходимы институты, выступающие носителями, хранителями, а главное — контролерами соблюдения предписаний. Социальный контроль использует моральные поощрения при соблюдении традиций и моральные санкции за их нарушение.

Ныне в России механизмы социального контроля практически полностью демонтированы вместе с институтами, которые их хранили. О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 87 % православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придется.

Еще недавно были дворы, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидевшие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного меха-

низма социального контроля, действовавшего по принципу «Что люди скажут?». Сегодня и этого нет.

А родственные отношения? Их разрушение в российской, и прежде всего в русской, среде, доведение некогда плотных родственных контактов до уровня эпизодического общения – общепризнанный факт. В таких условиях не вызывает сомнений и то, что представление о российском обществе как коллективистском, соборном и общинном – миф. Напротив, сегодня оно – одно из наиболее атомизированных в современном мире.

Зигмунд Бауман пришел к выводу, что общество обречено на угасание, на полный коллапс социально-нормативной системы, если отмирание традиционных институтов коллективности не восполняется новыми институтами неформального общения, взаимопомощи и социального контроля. И такое замещение либо совмещение нового и старого происходит во многих странах.

В Германии, например, сохранились в значительной мере традиционные механизмы социальной регуляции. Наши бывшие соотечественники, переехавшие на жительство в эту страну, труднее всего привыкают не к новым законам (они-то как раз похожи на наши, только исполняются чаще), а к неформальному контролю, к тому, что соседи постоянно напоминают им о том, что должно и чего нельзя делать в доме или на улице. На традиционные институты наложилось новые: молодежные, гендерные, профессиональные, благотворительные и др. Неформальными объединениями, включающими как новые, так и традиционные (соседские и религиозные), там охвачено около 60 % взрослого населения, а в Скандинавских государствах эта доля еще выше – 69,5 %.

Еще один пример – США. Свыше 80 миллионов жителей страны, то есть 45 % населения старше 18 лет, тратят пять и более часов еженедельно на добровольную общественную деятельность, включая благотворительность и активность в религиозных общинах. Для 75 % американцев солидарность, ориентация на общественное благо являются далеко не меньшими ценностями, чем личная самореализация.

В России же традиционная институциональная среда разрушена, а новая не создана. И уже сам этот факт ставит под сомнение возможность передачи в таком обществе как традиционных, так и любых других норм.

А как же тогда объяснить историческую повторяемость однотипных коллизий и так называемую «традиционализацию», о которой

пишут как о несомненном признаке современной России? Как трактовать, например, такой исторический устойчивый стереотип поведения, как массовое неисполнение законов? Это явление, описанное еще Михаилом Салтыковым-Щедриным в XIX столетии, – словно фотография сегодняшнего времени.

Александр Герцен прямо указал на эту особенность как на этническую. Напомню его известное высказывание о том, что «русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; совершенно так же поступает и правительство». При всем уважении к мыслителю замечу, что ни он, ни многочисленные эксперты, цитировавшие это высказывание сотни, если не тысячи раз, не проводили сравнительных исследований и вряд ли могли бы сказать, по сравнению с какими странами и народами упомянутая черта российской жизни является особенной.

Такие кросскультурные исследования с использованием социологических опросов и социально-психологических тестов стали проводиться совсем недавно, и они дают удивительные на первый взгляд результаты. Материалы «Европейского социального исследования» (*ESS*), проведенного в 24 странах (2004–2005), показывают: граждане всех бывших социалистических стран очень сходны между собой и в то же время кардинально отличаются от других европейцев, и прежде всего в том, что проявляют наименьшую готовность уважать законы и, что наиболее примечательно, наибольшую склонность оправдать возможность их нарушения.

Я еще не раз буду обращаться к материалам этого исследования, кстати говоря единственного гуманитарного, получившего престижную премию имени Рене Декарта за всю историю ее существования. Пока же отмечу, что во многих обследованных посткоммунистических государствах неуважение к закону нельзя даже гипотетически отнести к традиции, поскольку оно сложилось за время жизни всего лишь одного поколения, попавшего в жернова тоталитарной системы.

Ее влияние объяснимо. Если порядок обеспечивается не в результате усвоения (интериоризации) личностью правовых норм, а насильно, путем вмешательства власти, то подобное сугубо принудительное подчинение закону неминуемо приводит к отчуждению людей от закона и от власти. В таких случаях строгость не

только российского или советского, но и чешского, польского, венгерского и других законов смягчалась необязательностью его исполнения.

Такая отчужденность не является следствием традиций, она продукт **ситуативного приспособления людей к однотипным условиям жизни**. При этом в обществах, сохраняющих важные элементы традиционной организации, процесс отчуждения от авторитарной власти приводит к совершенно иным последствиям, чем в обществах с разрушенными институтами.

Например, в республиках Северного Кавказа отчужденность от официальной власти и от ее законов замещается ростом влияния неформальных традиционных институтов — родственных, территориально-общинных и религиозных. На большей же части территории России и в большинстве других европейских стран бывшего социалистического лагеря (за исключением Польши, где велика роль церкви) такое не происходит. В традиционных обществах отчуждение от внешней социальной среды усиливает необходимость роста доверия к «своей» ближайшей среде. В ней деловые отношения обходятся без квитанций и расписок, но нет и обмана.

Там, где разрушена традиция, чужой становится и «своя» среда. Россия не принимала участия в упомянутом исследовании, зато там была представлена Украина. Так вот, свыше половины опрошенных в этой республике с подозрением относятся даже к своей ближайшей социальной среде, подчеркивая в анкете подсказку: «Большинство будет стараться вести себя с вами нечестно». Если сравнить Украину и Россию, то можно заметить, что уровень тревожности и подозрительности у нас несравненно выше, а уровень сохранности традиционных и зрелости новых гражданских институтов намного ниже, чем у ближайших соседей. Ниже в России и плотность человеческих контактов. Не структурированная и не институционализированная социальная среда — последний и слабейший проводник культурных норм. Если и она сегодня в России напоминает продранное решето, то как в ней могут храниться архетипы коллективных представлений и где угнездиться культурным кодам?

Когда традиционные институты хранения и воспроизводства культурных норм отключены либо даже ослаблены, социокультурная динамика подчиняется общесистемным законам инерции.

И Н Е Р Ц И Я

Со школьной скамьи известно: тело (объект, явление) сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, если не встречает сопротивления (трения) либо нового внешнего импульса. Этот принцип инерции хорошо объясняет основной механизм культурной динамики. Дольше всего, веками и даже тысячелетиями, сохраняются самоназвания народов: они не встречают сопротивления и не мешают адаптации людей к историческим переменам. Долго могут сохраняться обычаи, исходный смысл которых забыт, и потому они превратились только в ритуал. У каких-то народов принято при приветствии пожимать друг другу руки, у других – хлопать по рукам, а у третьих – прижимать их к груди. И кому это мешает?

Чем больше традиция наталкивается на сопротивление изменяющегося мира, тем быстрее она утрачивается. Так урбанизация расправилась с национальной одеждой, оставив ей место лишь в некоторых обрядовых действиях. Она же вытеснила национальное жилище в сферу декора, сделав нормой в городах всего мира унифицированные дома, приспособленные к централизованному тепло- и водоснабжению, канализации и к растущей стоимости муниципальной земли.

Традиции могут складываться веками, а исчезают они за считанные годы. Например, сиеста (проявление активности по утрам и после захода солнца при длительных дневных перерывах на отдых) столетиями была визитной карточкой образа жизни испанцев. Ссылаясь именно на этот обычай, многие великие европейцы утверждали, что Европа кончается за Пиренеями: «Не может называться европейским народ, который спит днем, а бодрствует ночью». Но вот пришла индустриализация и вытеснила сиесту из трудовой сферы. Она сохранилась лишь в сфере досуга. Массовые гуляния глубокой ночью на площадях испанских городов подчеркивают национальный колорит и привлекают туристов, не препятствуя ни экономическому развитию Испании, ни ее интеграции в Европейский союз.

Традиции не всегда стираются под воздействием изменяющейся среды, на какое-то время они могут даже укрепляться, особенно в случаях агрессии в отношении символов национальной и этнической идентичности, которая наталкивается на мощное сопротивление. Но сопротивляются не сами ментальные традиции, а социальные институты, которые их защищают. Если традиционное сознание живет, то благодаря следующим причинам: либо сохраняются

условия, которые его породили, либо возникли новые, выполняющие по отношению к нему роль своеобразной морозильной камеры или, наоборот, роль теплицы для повторного вызревания, казалось бы, зачихших традиционных норм. Зачастую именно эти институциональные условия ускользают от внимания обозревателей.

В России же, как я старался показать, защитный панцирь, сотканный из традиционных институтов, содран до кожи. Это создает возможность необычайной легкости проникновения в культуру любых заимствований, вплоть до самых нелепых. Только в России крупнейшие газеты публикуют астрологические прогнозы чаще, чем прогнозы погоды. Не знаю, есть ли еще такая страна, где так быстро прижились бы нетрадиционные для нее праздники – Святого Валентина и Святого Патрика. И уж точно в нашей стране сложились уникальные возможности для манипуляции массовым сознанием и конструирования практически любых настроений, хотя надолго они не сохраняются.

А как же архетипы сознания, которые якобы предопределяют такие ценности, как склонность к патернализму и ориентацию на сильную руку? Это вымысел. Доказательств, что архетипы могут влиять на выбор политического устройства или социальных отношений, не существует. Зато есть множество свидетельств быстрой и радикальной трансформации патернализма.

Менее чем за полвека произошла радикальная перестройка всей структуры массового сознания немцев. Еще в 1930-х годах в Германии господствовал патернализм и имело место тотальное преобладание ценностей «мы» над ценностями «я». По выражению Ульриха Бека, народ жил по принципу «Ты – ничто, государство – всё!». Сегодня же Германия является оплотом европейского либерализма с его опорой на личность, включенную в добровольные ассоциации. Тогда же германское общество было самым милитаризованным, а ныне превратилось в одно из самых миролюбивых.

Схожая метаморфоза, хотя и за более длительное время, произошла и с массовым сознанием скандинавов: потомки некогда грозных викингов являются сейчас одними из тишайших народов мира. Эти некогда самые пьющие народы сегодня не могут соревноваться в этом с россиянами и финнами.

Революционные перемены произошли *даже* в менталитете китайцев. Я подчеркиваю слово «даже», поскольку речь идет о стране, где все еще преобладает сельское население, и уже поэтому она в

большей мере, чем урбанизированные европейские державы, сохранила традиционные институты. Культурная уникальность Китая поддерживается высочайшей плотностью многочисленного и этнически почти однородного населения, а также крайне низким притоком иноэтнических иммигрантов. И вот эта страна, которая тысячелетиями хранила свою девственную самобытность, отгородившись не только Великой Китайской стеной от заимствований, стала ныне главным мировым подражателем. Здесь копируют и тиражируют все западное — от картин Рембрандта, продаваемых на дешевых китайских базарах, до западных автомобилей, компьютеров и одежды.

Все эти изменения малоизвестны или неинтересны среднему российскому интеллигенту, поэтому в этой среде только ленивый не говорит о неких мистических культурных кодах, которыми прошита жизнь разных народов. Они якобы и определяют восприимчивость к одним идеям и блокирование других. Но в реальности мы видим совершенно иное.

Испанский король Хуан Карлос I и венесуэльский лидер Уго Чавес используют один и тот же языковой код, принадлежат к одной религии и имеют общую имперскую историю, но взгляды друга друга не приемлют. В то же время представители разных культурных кодов — лидер иранцев мусульманин Махмуд Ахмадинежад, католик Чавес и «батька» белорусов православный атеист Александр Лукашенко прекрасно понимают и нежно любят друг друга. К ним можно добавить и представителя четвертой, совсем уже далекой корейско-буддистской цивилизации — Ким Чен Ира.

Один и тот же народ, разделенный границами, может строить совершенно разные политические системы (например, корейцы Севера и Юга), а разные народы создают фактически однотипные режимы — вспомним северокорейский и кубинский варианты социализма. Оба они признаются в качестве «своих» российскими коммунистами. Такого рода наблюдения доступны каждому. Давайте теперь обратимся к тому, что ускользает от не вооруженного наукой взгляда.

Многие перемены протекают незаметно, поскольку предстают в образе традиций. Японские социологи отмечают, что нынешний коллективизм в их обществе лишь по первому впечатлению кажется традиционным. На самом деле он противоположен традиционному — принудительному и во многом — стабильному. Речь идет о новой разновидности — осознанном и избирательном коллективизме «солидарного индивидуализма». Дело в том, что нынешний рост инди-

видуализма вызывает в качестве компенсаторной реакции потребность в новом коллективизме. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наибольшее число волонтерских организаций и разнообразных проявлений целенаправленных коллективных действий характерно именно для якобы индивидуалистских стран с «открытым обществом», будь они восточные или западные.

Другой пример — Россия. Сотни раз слышал, как явление штурмовщины — неритмичной работы предприятий по сезонам — связывают с особенностями российских природных условий, с традиционной сезонной активностью сельских жителей — бурной летом и затухающей в длительный зимний период. Но мы уже более полувека живем в урбанизированной стране, и поэтому штурмовщина не имеет ничего общего с сельским образом жизни. Она скорее отражает фундаментальную особенность социалистического хозяйства как экономики хронического дефицита, порождающего «недозавозы» и «недопоставки» большую часть года и неотвратимую, как рок, необходимость «освоить фонды» к его концу. Именно поэтому такая «традиция» в советское время проявлялась в равной мере в регионах с разным климатом — в Эстонии и Туркмении, в ГДР и Монголии.

Материалы уже упомянутого европейского исследования (*ESS-2004–2005*) показывают, что множество стереотипов поведения и сознания, приписываемых национальному характеру либо многовековой жизни в особых цивилизационных условиях (ландшафтно-географические, языковые, религиозные и пр.), на самом деле сформировались за исторически короткий коммунистический период.

Так, жители ряда посткоммунистических стран — Венгрии, Польши, Словакии, Словении, Украины, Чехии и Эстонии, принадлежащие к разным этническим и религиозным группам, живущие в разных природных условиях, демонстрируют больше сходства, чем различий. Например, они отстают от других стран Европы как по реальному участию их жителей в общественных организациях и гражданских движениях (в 2,5–6 раз в зависимости от типа организаций), так и по своему отношению к ценности таких объединений.

Реальная комфортность и безопасность жизни в посткоммунистических странах ниже, соответственно и восприятие ценности человеческой жизни здесь оказывается пониженным по сравнению с другими обследованными. Там, где люди привыкают к небезопасной, не гарантированной законом жизни, сама она обесценивается вне зависимости от того, живешь ли ты на юге или на севере. По доле лиц,

которые сталкивались с принуждением к взятке, все перечисленные выше посткоммунистические страны вышли в лидеры и занимают верхние десять строк рейтинга. Стоит ли удивляться тому, что и по готовности дать взятку эти же страны впереди всей Европы?

Любопытно, что по данному параметру лидируют не славяне, а эстонцы, в то время как их близкие этнические родственники — финны замыкают таблицу. Вывод: многовековое этническое родство и длительное проживание обеих этнических групп в Российской империи оказали меньшее влияние на особенности их актуального поведения и сознания, чем несколько десятилетий жизни эстонцев в составе СССР.

Сегодня в России необычайно популярны описания национального характера в стиле анекдотов о легкомысленных французах, педантичных немцах, чопорных англичанах или духовных русских. Но что такое этот знаменитый немецкий «порядок» либо известная английская «традиционность»? Это этнические маркеры, бренды — образы, возникающие в дискурсе, как правило, в художественной литературе. Эти образы исторически изменялись. Студентам-антропологам во всех вузах мира рассказывают, какие радикальные изменения претерпели образы французов и англичан. Сейчас принято считать французов легкомысленными, а англичан — чопорными, но в XVII—XVIII веках эти оценки были диаметрально противоположными. Еще Шарль Монтескье объяснял отсутствие тирании в Англии легкомыслием англичан. И это не покажется абсурдом, если вспомнить, какой из двух народов отказался от традиционной религии, признал женщин в качестве правителей, раньше посягнул на священную жизнь монарха и узаконил публичные дома.

Судя по материалам упомянутого социологического исследования, ныне «традиция» и «порядок» не входят в число доминирующих ценностей ни у англичан, ни у немцев, ни у французов. Это ценности охранительные, а для названных народов сегодня более значимо умение адаптироваться к быстро изменяющимся условиям жизни. По доле респондентов, поддерживающих ценности традиции, Англия размещается ближе к концу списка из 24 государств. Впереди те, где высок уровень религиозности населения: Греция, Португалия, Испания и Ирландия, которые опережают по уровню традиционности и посткоммунистические страны, что, однако, не мешает данной четверке государств — членом Евросоюза соответствовать нормам этого объединения и весьма динамично модернизироваться. Почему же особенно-

сти менее традиционного российского менталитета якобы так фатально предопределяют его «особый путь»? Впрочем, не будем отрицать и российские особенности. Только обусловлены они не традициями и не косным сознанием.

СИЛА ТРЕНИЯ

Почему сатира Салтыкова-Щедрина воспринимается как наблюдения нашего современника? Да потому, что фундаментальные черты российских условий жизни успешно прошли «испытание временем». Как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть и газ. Как сажали государи воевод и губернаторов «на кормление», так и сажают. Вот и воспроизводятся нравы города Глупова. Откуда возникает патернализм? От отчужденности.

В одной из республик Северного Кавказа я слышал такое объяснение результатов последних выборов: «Голоса не кровь — нам их не жалко, за кого начальство скажет, за того и проголосуем». Но стоило в той же республике задеть реальные интересы людей при разделе земли, как тому же начальству немедленно был дан массовый отпор. Чем больше человек отчужден от той или иной сферы жизни, тем больше он склонен к патернализму. О чуждой Думе — пусть начальник решает, а за свою землю либо пенсию сами постоим.

То, что приемлемо в одни времена, может стать нетерпимым в иные. Абсолютизм при Петре I являлся нормой для Европы, а в XIX столетии стал анахронизмом. И это было воспринято просвещенной частью российского общества как исторический вызов. Заметили этот вызов и власти, но ответили на него не изменением режима, а репрессиями и выдвиганием охранительных идей — предшественниц нынешней доктрины «особой цивилизации». В XIX веке от концепции народного суверенитета защищала особая «официальная народность», так же как ныне от идеи народовластия защищает особая «суверенная демократия». Поразительно, как в головах правящих особ сочетаются два взаимоисключающих убеждения: о предопределенности пути страны и — одновременно — о возможности сбить ее с праведного пути любым дуновением «чуждых влияний».

Как в XIX столетии не было в России общества, способного воздействовать на власть, так нет его и сейчас. Именно подобного рода общество, складывающееся в государственных границах и скрепленное единой идентичностью, в первую очередь осознанием себя в качестве суверена, хозяина страны, называют нацией — политиче-

ской нацией. Пока они возникли не везде. И здесь мы подходим к вопросу о цивилизационных особенностях, под которыми я понимаю прежде всего своеобразие условий в разных странах мира, которые и создают неодинаковые возможности, **разную силу трения для ответа на общие импульсы — вызовы времени.**

Политические нации быстрее формируются там, где в недрах традиционных обществ складываются социальные слои, способные возглавить противодействие концентрации власти. В Англии, например, уже в Средние века аристократия вынуждена была опереться на народ в борьбе с монархией, став лидером нации. Во Франции тот же процесс протекал сложнее и дольше, но в конечном счете роль национального лидера сыграло третье сословие. В России же аристократия сравнительно быстро превратилась в класс «служивых людей», целиком зависевший от самодержца. Что касается российского третьего сословия, то оно просто не успело сложиться как самостоятельный политический класс за те полвека, которые отделяли падение крепостного строя от социалистической революции. Становление третьего сословия как политического класса не завершено и поныне.

Чаще всего формированию политической нации предшествовала этническая консолидация. Ее отсутствие во многих случаях создает заметные преграды для политической сплоченности. В арабском мире есть государства, но нет наций; люди всё больше идентифицируют себя не с государством, а с некой единой надгосударственной арабской нацией, а еще чаще — с религией. Эти формы идентификации иногда позволяют объединяться, например, для протестных акций против публикации карикатур религиозного содержания в датской газете, но национальная консолидация внутри страны дается с трудом, и это в значительной мере сдерживает процесс модернизации в арабском мире.

В Латинской Америке есть государства, но в большинстве из них не сложились нации. Образу «мы» не за что зацепиться: одна религия (католицизм), практически один и тот же язык (кроме Бразилии) и разноплеменный этнический состав в каждой стране. В любой из них есть свои национальные сборные по футболу, и, когда они играют между собой, становится понятно, против кого «мы». Однако этого недостаточно для национальной консолидации.

По словам Эрнандо де Сото, в странах южноамериканского континента более 80 раз предпринимались попытки модернизации, которые раз за разом проваливались. Не может быть реализован национальный проект, если он не опирается на поддержку нации.

Трения не определяют направлений движения — они лишь обуславливают его разную скорость и сложность. Вот и специфичность заселения и формирования государств Латинской Америки не помешала некоторым из них вступить на путь созидания политических наций. В Бразилии и Мексике, в Аргентине и Чили сложились национальные культуры, укрепляется национально-государственная идентификация граждан, упрочивается их консолидация вокруг общих культурных (не этнических) символов, а главное — на основе возрастающей способности граждан к самоосознанию себя как хозяев своей страны. И все же в истории человечества именно этническая консолидация чаще всего предшествовала национально-политической.

В России есть государство, много веков назад сложился русский этнос, создавший великую культуру и множество национальных символов. Однако в условиях империи не наблюдалась консолидация на этнической основе. Социологические исследования советского времени показывают, что уровень этнического самосознания русских был ниже, чем у народов других союзных республик. То же показали исследования начала 1990-х годов — сравнение этнического большинства с другими народами РФ. Но вот с конца 1990-х ситуация изменилась: по темпам роста этнического самосознания русские стали опережать большинство других этнических групп. Последствия этого далеко не однозначны.

С одной стороны, весь комплекс социальных проблем все больше приобретает негативную этническую окраску: «это они, чужие, воруют, скупают квартиры, распространяют наркотики, плодят коррупцию и завозят болезни».

С другой стороны, в процессе роста этнического самосознания многие осваивают идею «мы должны стать хозяевами стран». Это та же идея народного суверенитета, с которой начиналось становление большинства политических наций. К сожалению, люди зачастую добиваются права быть хозяевами по отношению не к стране, а к этническим чужакам — «гостям». Однако напомним, что и во Франции, на родине идеи народного суверенитета, многие ее авторы — деятели Великой французской революции демонстрировали воинствующую ксенофобию как по отношению к соседним народам, особенно к немцам, так и к своим меньшинствам — бретонцам или корсиканцам.

В России при общем спаде участия в институтах гражданского общества быстро растут националистические организации. Дело не в особых национальных ценностях. Этнические признаки — это все-

го лишь простейший маркер для разграничения понятий «мы» и «они», особенно в условиях мнимой партийной стратификации. Не исключено, что этническая консолидация может стать в России трамплином для формирования политической нации (как и в большинстве стран Европы). Однако последствия развития наций в две стадии были отнюдь не одинаковыми.

В тех странах, где этнокультурная сплоченность являлась лишь инструментом для последующего объединения людей в решении насущных политических и социальных проблем (ликвидация деспотических режимов, борьба с бедностью, болезнями и пр.), происходила интеграция различных этнических и религиозных групп вокруг большинства. Этническая нация трансформировалась в гражданскую, ускорялся процесс модернизации. Так было не только у народов, боровшихся с империей за национальное освобождение (например, у голландцев в борьбе с Испанией либо у греков — с Османской империей), но и у этносов, составлявших ядро империи. Например, испанцы и турки в XX веке сплывались в противостоянии с внутренними защитниками имперских комплексов.

Известно и другое развитие событий, когда сами этнические ценности и цели становились доминирующими. На такой основе складывалась идеология этнической или расовой исключительности — возникал фашизм. Это радикальная расистская идеология, соединенная с мифом о мистической предопределенности «особого пути» — миссии избранного народа, расы либо цивилизации. Такой выбор, как показывает пример гитлеровской Германии, приводил к трагическим последствиям как для народа его принявшего, так и для миллионов невинных жертв в других странах.

По какому пути пойдет Россия? Если судить по программам и действиям националистических организаций, то большая их часть уже пронизана расизмом. Однако численность этих организаций не составляет и 2–3 % от общего числа людей, переживающих ныне процесс освоения этнического самосознания. Подавляющее большинство из них не расисты и не националисты, а дезориентированные люди, слабо понимающие причины реальных проблем и еще меньше знающие, как с ними справиться. Да и мудрено было бы ожидать иного в условиях, когда им со всех сторон вдалбливают идею ментальной, национальной исключительности и предопределенности «особого пути» да еще и запугивают чуждым влиянием, происками варваров, которые уже разрушили Византию, а сегодня якобы посягают на «Третий Рим».

И М П У Л Ь С Ы

Японский театр кабуки и русский театр Станиславского могут сохранять свою национальную уникальность: они не конкуренты, и их нельзя сравнивать между собой. А вот армии созданы как раз для конкуренции. Национальная армия, вооруженная луками и стрелами, не сможет отстоять свою самобытность перед лицом другой армии, с пушками и танками. Понятно, что и национальным экономическим системам так же трудно оставаться прежними в соперничестве с экономиками других стран и в ответах на общие вызовы времени. Все страны переходят от аграрного производства к индустриальному, а некоторые уже перешли к постиндустриальному. Невозможно уклониться и от урбанизации, которая в свою очередь влечет за собой перемену образа жизни, типа семьи, демографического поведения. Если в обществе возникает потребность в переменах, никакие ментальные «архетипы» помешать этому не могут. Но нужны и побудительные импульсы.

Известен эффект *qwerty* – стандартного расположения клавиш на английской клавиатуре пишущих машин (по первым шести буквам). Сейчас понятно, что оно было не самым удачным, но переделывать его дорого и нецелесообразно. Почему? Да потому, что импульс к перемене слаб. Вот когда в зарубежных аэропортах перестают принимать наши самолеты из-за превышения ими допустимого уровня шума – это уже импульс посильнее, и, несмотря на немалые затраты, самолетный парк приходится обновлять. Когда великая держава проигрывает Крымскую войну экспедиционному корпусу – это еще более весомый стимул для перемен.

Нынешняя инерция политической системы обусловлена не столько силой традиции, сколько слабостью импульсов для перемен политического режима в России. Даже осознанные обществом проблемы не сразу формируют необходимые предпосылки к их устранению.

Сегодня в России существует консенсус в осознании многих социально-экономических проблем. Это проявляется, например, в выдвижении «национальных проектов». Беда лишь в том, что они вовсе не национальные, то есть не опираются на общество-нацию. Речь идет о государственных проектах, которые используют традиционные для цивилизации «особого пути» инструменты – мобилизацию и распределение ресурсов. Одно это уже обрекает подобные проекты на неудачу.

Наука. Власти СССР хорошо осознавали значение научно-технического прогресса. Достаточно вспомнить известный лозунг: «Комму-

низм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Вместе с тем в советской мобилизационной модернизации эта идея отрывалась от своей естественной основы — эмансипации личности и поощрения свободы научного творчества. В результате великие научно-технические достижения становились достоянием лишь узкой сферы жизни, преимущественно оборонной. Власть могла произвольно подавлять важнейшие направления науки (например, генетику и кибернетику) и насаждать ложные. Наконец, несвободный характер развития науки приводил к тому, что узкий слой научной интеллигенции прореживался вследствие репрессий или вымывался миграционной «утечкой мозгов» при первой же возможности.

Ныне ситуация изменилась, но не во всем к лучшему. Престиж науки упал ниже, чем был в советское время, и дело здесь не только в оплате труда ученых. Ни в одной из развитых стран им не платят наравне с банкирами либо адвокатами, но занятие научной деятельностью лидирует по социальной престижности.

Такое происходит в обществах, в которых идея прогресса стала символом веры. У нас же она забыта, а все надежды на будущее связываются с тем, что в других странах «корова сдохнет» — возрастет потребность в ресурсах. Мы кичимся духовностью, а нарастает мракобесие — неизбежный спутник застоя. Какая уж тут наука! Великие достижения, отвечающие требованиям науки, возможны лишь в научном сообществе, а у нас оно распадается. Человек может сделать значительное открытие в провинциальном вузе, но оно здесь и умрет, если не будет украдено в Москве. Горизонтальные связи между учеными слабеют, а вертикализация научного и культурного пространства возрастает. Когда государство монополизует распределение ресурсов на науку и культуру, то делает это в строгом соответствии с иерархическим статусом данного населенного пункта.

Демография. Мобилизационная модернизация опирается на демографические ресурсы. Можно и войны выигрывать, «затрачивая» больше солдатских жизней, чем противник, и великие стройки осуществлять, не жалея чужих жизней. В Китае так жить еще можно, а у нас этот ресурс убывает.

Что делает государство? Мобилизует и распределяет ресурсы на повышение рождаемости. Однако по уровню рождаемости Россия мало отличается от других стран Европы, где на социальные нужды уже затрачивается средств больше, чем может позволить себе наша страна в 2020 году. Другое дело, что смертность — самая высокая и продолжи-

тельность жизни — самая низкая в Европе. Смертность в России выросла даже в сравнении с «ужасными девяностыми». Почему? Эта проблема не поддается решению с помощью мобилизационных методов.

Вот бывшие коммунистические страны, вошедшие в Европейский союз, еще недавно характеризовались такими же показателями смертности и продолжительности жизни, как Россия. Сегодня эти показатели заметно изменились во многом потому, что новые страны сообщества приняли его нормы в отношении к человеку как высшей ценности. В таких условиях здоровый образ жизни становится престижным и ценным. В национальном масштабе общество отказывается от курения. Люди занимаются спортом не столько для престижа великой державы, сколько для собственного блага.

Коррупция. Не нужно объяснять, что эта проблема при ее разрастании способна парализовать жизнь в стране. Однако пока еще многие наши сограждане не осознают, что одними лишь государственными усилиями такую болезнь не вылечить. Более того, концентрация власти в руках государства как раз и ведет к разрастанию этого тромба: больше проверяющих — выше объем взяток и шире зона коррупции.

Но мы же не первые столкнулись с данной проблемой. К примеру, в Италии в конце 1970-х, после 30-летнего доминирования одной партии, уровень коррупции был выше нашего, а полицию боялись больше, чем преступников, полагая, что это та же мафия, только защищенная государственной «крышей». Люди готовы были жить «по понятиям», но лишь до тех пор, пока норма взятки не превысила норму прибыли. И тогда началось движение «чистые руки», сплотившее нацию и сдвинувшее с мертвой точки проблему коррупции. Сегодня Италия лидирует среди стран — членов ЕС по числу волонтерских организаций, контролирующих деятельность судов, полиции и других правоохранительных органов.

Межэтнические отношения. В 2000-х годах в России ежегодно фиксируется рост насилия на этнической и расовой почве. Эта проблема не остается без внимания властей, что видно хотя бы по росту числа осужденных за преступления в указанной сфере. Не считаю себя противником подобного рода репрессивных действий, хотя понимаю их крайне малую эффективность в условиях пассивности общества, сочувствующего «своему» национализму.

Во многих странах ситуация в этнополитической сфере ухудшилась на рубеже прошлого и нынешнего веков. На это указывают бунты в

арабских кварталах Парижа, столкновения с иммигрантскими группами в Нидерландах, террористические акты в Испании и Англии. Обострение межэтнических столкновений — это глобальная проблема, обусловленная во многом очередной фазой демографического перехода.

Как известно, во всем мире он начинался с замещения высокой рождаемости и смертности, характерной для традиционных обществ, низкой рождаемостью и смертностью. Следующие его фазы связаны с ростом продолжительности жизни под влиянием как развития медицины, так и изменения образа жизни. Однако и это не компенсирует снижения рождаемости, а следовательно, и сокращения общей численности населения и трудовых ресурсов. Поэтому развитые страны вышли на новую стадию демографического перехода, при которой большую часть прироста населения в странах Европы и в Соединенных Штатах обеспечивает иммиграция.

Глобальная проблема подсказывает и универсальное направление ее решения — смену приоритетов, базовых основ самоидентификации людей: гражданские формы идентификации начинают превалировать в обществе над аскриптивными — расовой, этнической и религиозной. Во Франции, на родине шовинизма, впервые за всю историю лидером стал потомок недавних выходцев из Венгрии — Николя Саркози. В США возможно избрание президентом страны сына африканца — Барака Обамы. Рост популярности этого политика особенно поражает, поскольку происходит в государстве, где еще 40 лет назад свирепствовал бытовой расизм и, более того, существовали официальные нормы расовой сегрегации, особенно в законодательствах южных штатов.

Глубоко заблуждается тот, кто думает, что эти поразительные перемены, произошедшие в исторически кратчайшие сроки, обусловлены только усилиями властей. Президента Франклина Делано Рузвельта не назовешь сторонником расизма, но он даже подумать не смел об отмене сегрегационных норм, понимая, что это не встретит поддержку электората. Президент Джон Кеннеди начал такое реформирование, но лишь после того, как американская элита под влиянием расовых волнений в 1950-х годах кожей ощутила угрозу распада нации. В таких условиях началось наступление на расизм.

Этот процесс действительно стал необратимым в результате поддержки идеи межрасового равенства крупнейшими СМИ и, что немаловажно, «фабрикой грез» — Голливудом, а в конечном счете вследствие того, что изменилось общественное мнение. Опора на

общество сделала возможными реформы в сфере межрасовых отношений, она же обеспечила их эффективность.

На мой взгляд, идея народного суверенитета, опоры власти на общество, выдвинутая более двух веков назад, только сейчас начинает осваиваться. Пока ограниченным кругом стран и, к сожалению, исключительно для «внутреннего пользования», когда значимо лишь «свое» национальное общественное мнение, внутри государств. На международной арене те же США и Франция демонстрируют полное безразличие к общественному мнению во многих странах мира, что видно хотя бы из недавних решений по краю Косово. В России же общество практически не влияет на принятие важнейших решений даже в своей стране. В лучшем случае ему разрешают легитимировать уже принятые решения.

* * *

Надежды на решение современных проблем России дедовскими методами государственной мобилизации тщетны и иллюзорны. Россия уже утратила свою традиционность — к сожалению, даже избыточно. И сегодня задача не столько даже в продвижении вперед, сколько в восстановлении равновесия между уже реформированными и отстающими элементами государства и общества. В таких условиях продолжение фрагментарной модернизации при сохранении чахлого и сонного общества, развитие по принципу «Царь лучше знает, что нужно подданым» — путь тупиковый и в этом смысле действительно особый.

Однако и утверждения значительной части российских либералов о том, что уже исчерпаны ресурсы мобилизационной модернизации, — это тоже миф, самообман. Необходимо различать моральную устарелость конструкции и исчерпанность ее ресурса. Автомобиль «Волга» морально устарел 20 лет назад, но эксплуатируется и может оставаться в эксплуатации еще 20 лет. Ресурс этой машины будет исчерпан, когда на нее иссякнет спрос.

То же характерно и для модели политического развития. Исчерпание ресурса наступает лишь тогда, когда общество, по крайней мере активная его часть, осознаёт ее непригодность для решения насущных проблем. Тогда сами эти проблемы превратятся в вызов, побуждающий к переменам. Пока же потребительский бум свидетельствует: большая часть населения России считает, что в нынешних условиях жить можно. А когда грянет гром, мужик перекрестится — во всех смыслах этого слова, включая и смену символов политической веры.

Миграционная политика США: уроки для России

Америка между запретами и стимулами

Андрей Коробков

Соединенные Штаты остаются единственной высокоразвитой страной мира, в которой население продолжает расти, причем достаточно высокими темпами: на 2 млн человек в год за счет естественного прироста и на 1 млн вследствие иммиграции. Основанные в качестве переселенческой колонии, США привлекали иммигрантов со всего мира как пространство политической свободы и широких экономических возможностей.

Первоначально свобода иммиграции преимущественно означала свободу европейской протестантской иммиграции. Но даже тогда неоднократно слышались требования ограничить въезд отдельных этнических либо религиозных групп. Эта во многом парадоксальная ситуация возникла несмотря на то, что американцы представляют собой нацию иммигрантов.

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Бенджамин Франклин (наиболее терпимый и демократичный из «отцов-основателей») был озабочен масштабами иммиграции этнических немцев, в целом, по его мнению, недостаточно культурно развитых и образованных и с большим трудом осваивавших английский язык. Франклин опасался, что их присутствие породит «серьезные беспорядки в нашей среде». (Сегодня выходцы из Германии составляют самую многочисленную группу в населении США, а президентом страны является человек с немецкой фамилией Буш.)

В середине XIX столетия интенсивная иммиграция из католических стран Средиземноморья и Ирландии (последняя во многом

А.В. Коробков – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

была следствием «картофельного голода» 1850-х годов) породила боязнь изменения религиозного и этнического баланса и требования ввести иммиграционные квоты. Эти опасения усилились, когда стала расти доля выходцев из Азии и представителей нехристианских конфессий. В частности, во второй половине XIX века начался интенсивный приток контрактных рабочих из Китая и некоторых других азиатских стран. К 1880-му более чем 200 тыс. китайцев осели в Калифорнии, составив почти 10 % ее населения. В ответ были введены ограничения: в 1882 году Конгресс принял Акт об исключении китайцев, который на 10 лет запретил китайскую иммиграцию и натурализацию китайцев – постоянных жителей Соединенных Штатов.

В 1890-х возникли значительные миграционные потоки из Центральной и Восточной Европы, включая масштабную еврейскую иммиграцию: в 90-х годах XIX столетия доля западноевропейцев в притоке составила менее 50 %, в то время как в 1860-х она превышала 95 %. Одновременно масштаб прибытия продолжал расти: только через знаменитый нью-йоркский остров Эллис за 30 с небольшим лет (1892–1924) прошли более 12 млн человек.

Иммиграционный прирост достиг пика в первом десятилетии XX века, когда в страну въехали около 9 млн человек. И количество иммигрантов, и изменение их религиозного и этнического состава вызвали многочисленные требования или ограничить миграцию, или вообще закрыть двери для въезда на определенный срок.

Подобные настроения особенно усилились в 1910–1920-х годах, поскольку перемены в этническом составе мигрантов совпали с резким ростом их числа. В 1910-м 14,7 % жителей США составляли рожденные за пределами страны (в настоящее время – 10,4 %).

Был принят ряд жестких административных мер, направленных на ограничение иммиграции и регулирование ее региональной и этнической структуры. В частности, Иммиграционный акт 1917 года выделил категории лиц, не подлежащих приему, и внес уточнения в уже существовавший до этого ценз грамотности. Законодательные акты 1921-го и особенно Акт об ограничении иммиграции 1924 года закрепили наличие квот, которые должны были обеспечить сохранение существующих межэтнических и прочих пропорций в составе американского населения. Ежегодная иммиграция из отдельных стран и регионов не должна была превышать «одну шестую процента населения континентальной территории Соединен-

МАНХАТНЬ.—Торговая часть Нью-Йорка.

ных Штатов в 1920-м». За Великой депрессией 1929 года последовали ограничительные меры. В результате поток переселенцев снизился с 280 тыс. человек в 1929-м до 23 тыс. в 1933 году.

Новые изменения внесены в миграционное законодательство в 1952-м с принятием Конгрессом Акта об иммиграции и гражданстве Маккарена — Уолтера. Данный законодательный акт подтвердил наличие квот, введенных в 1924 году. Как и ранее, они не распространялись на выходцев из Западного полушария, на супругов и детей американских граждан. Ряд ограничений по расовому признаку был отменен, список же политических ограничений, появившийся в 1950-м, — расширен.

Реальные изменения, направленные на облегчение миграционного законодательства и ликвидацию дискриминационных льгот, начались в рамках общей либерализации и борьбы за гражданские права в 60-х годах XX столетия. В 1965 году Конгресс принял Акт об иммиграционной реформе, дополненный затем в 1976 и 1980 годах: устанавливался годовой лимит сначала в 170 тыс., а затем в 320 тыс. иммигрантов и беженцев. При этом из одной страны могли въехать не более 20 тыс. человек. Приоритет отдавался высококвалифицированным работникам и лицам, имевшим родственников в Соединенных Штатах.

Следствием этого нового подхода и фактической отмены дискриминационных квот было стремительное изменение региональ-

ной и этнической структуры иммиграционных потоков. Так, если перед 1965-м более 90 % иммигрантов приезжали в США из Европы, то спустя 20 лет доля европейцев оказалась ниже 10 %. Большинство иммигрантов теперь прибывают в Соединенные Штаты из развивающихся стран (в настоящее время половина родившихся за границей жителей США прибыли из Латинской Америки, а четверть — из Азии).

В последние десятилетия миграция, как легальная, так и нелегальная, вызывает непрекращающиеся споры в американском обществе. Предложения высказываются чрезвычайно разнообразные — от полной легализации незаконных переселенцев и либерализации режима миграции до полного ее запрещения. В число наиболее противоречивых мер входят периодические амнистии нелегалов.

Миграционная система получила дальнейшее развитие с принятием Конгрессом в 1986 году Акта об иммиграционной реформе и контроле. В отличие от предыдущих документов, этот был ориентирован прежде всего на решение проблемы незаконной трудовой иммиграции, которая достигла колоссальных масштабов и на сей раз в ней преобладали выходцы из Мексики и других стран Латинской Америки. По сути, данный акт представлял собой компромисс, направленный одновременно и на легализацию многих иммигрантов, уже находившихся в Соединенных Штатах, и на создание препятствий для расширения числа нелегалов в будущем.

Те, кто предъявлял доказательства непрерывного пребывания в США с 1 января 1982-го или ранее, мог получить амнистию и законный статус с перспективой приобретения права на постоянное жительство. Напротив, лица, незаконно оказавшиеся в стране после 1982 года, подлежали депортации. Вместе с тем работодатели, которые сознательно нанимали нелегальных мигрантов, с этого времени подвергались штрафам, а в случае повторных нарушений могли попасть за решетку.

Кардинально изменился и порядок приема на работу иностранных граждан. До 1986-го многие работодатели вначале нанимали иностранцев и лишь потом запрашивали разрешение у иммиграционных властей. Теперь эту процедуру предстояло проделать до начала трудовой деятельности. Более того, головные офисы компаний несли ответственность за решения, которые принимались в этой сфере их подразделениями. (Любопытно, что одновременно отказ в приеме на работу иностранцев, легально находящихся в стране и имеющих соответству-

ющее разрешение, по причине их гражданства, национальной, религиозной или расовой принадлежности, считался нарушением их гражданских прав. Это могло повлечь за собой штрафы и судебные иски, что создавало серьезные трудности как работодателям, так и иммиграционным и правоохранительным органам.)

До 4 мая 1987 года приблизительно 2 млн человек обратились в Службу иммиграции и натурализации (СИН) с просьбой о применении амнистии, более 70 % из них прибыли в Соединенные Штаты из Мексики. В то же время многие нелегалы не пытались изменить свой статус, так как не имели возможности документально подтвердить длительность своего пребывания в США и опасались, что даже в случае успеха некоторым членам их семей могла грозить депортация.

Аналогичная реформа была проведена и после принятия Конгрессом нового Иммиграционного акта, подписанного американским президентом 29 ноября 1990-го. Квоты вновь оказались увеличены, особенно в отношении членов семей. Это объяснялось необходимостью сократить нелегальную иммиграцию и усилить контроль правоохранительных органов над потоками переселенцев.

Годовая иммиграционная квота возросла до 700 тыс. человек, не считая беженцев. В 1995 году квота была несколько снижена (до 675 тыс. человек) и включала следующие основные категории: 465 тыс. человек, приезжающих по программе воссоединения семей, 140 тыс. трудовых мигрантов и 55 тыс. переселенцев, прибывающих по программе иммиграционной лотереи, направленной на увеличение этнического разнообразия американского общества. (После событий сентября 2001-го концепция лотереи подверглась резкой критике как потенциальный источник бесконтрольного проникновения в страну носителей враждебных Соединенным Штатам идеологий и лиц, связанных с террористическими организациями.)

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Причины относительной неэффективности мер, ограничивающих иммиграцию, очевидны. Это — фактическая прозрачность границ, относительная слабость защитных механизмов иммиграционных и других правоохранительных органов, ограниченных жесткими конституционными рамками, высокий уровень доходов американского населения и политические гарантии, предоставляемые американским законодательством, которые привлекают в США людей различ-

ных образовательных и профессиональных категорий со всего мира, но прежде всего из Мексики и других стран Латинской Америки.

Можно выделить шесть типов мигрантов, доминирующих в иммиграционном потоке:

- трудовые низкоквалифицированные кадры;
- специалисты-профессионалы высокой квалификации и студенты;
- беженцы;
- лица, прибывающие по линии воссоединения семей;
- лица, въезжающие в страну по программе иммиграционной лотереи;
- незаконные переселенцы.

После окончания холодной войны, а тем более после террористических актов в сентябре 2001 года особое внимание уделяется тем аспектам иммиграции, которые связаны с возможностью проникновения в страну террористов и членов организованных преступных группировок из-за рубежа. Усиливается контроль над международными финансовыми потоками, в том числе и денежными переводами мигрантов.

В начале 2004-го президент Джордж Буш выступил с новой законодательной инициативой, призванной частично решить проблему нелегальной иммиграции.

Примечательно, что Буш планировал выдвинуть эту программу еще в самом начале своего президентства. Но был вынужден отсрочить свое начинание в связи с терактами в сентябре 2001 года и последовавшим ужесточением иммиграционного контроля, а также по причине общего ухудшения отношений с Мексикой, отказавшейся поддержать американские действия в Ираке.

Необычным является и тот факт, что Буш, опирающийся на поддержку консервативных политических слоев, выступил с довольно либеральных позиций, пойдя против значительной части Республиканской партии. Это можно рассматривать как свидетельство серьезности проблемы, которую президент, как бывший губернатор граничащего с Мексикой штата Техас, осознаёт в полной мере.

Немаловажно, что быстро растущая доля носителей испанского языка среди американского населения превращает их в значительную политическую силу, приводя к усилению межпартийной борьбы за их голоса. Иммиграционная амнистия 1986-го, например, привела к увеличению числа избирателей на 3 млн человек. Доля испаноязычных избирателей возросла с 2 % в 1988 году до 7 % в

2000-м и 9 % в период выборов-2004. Между тем более 90 % жителей, говорящих на испанском языке, поддерживают идею легализации нелегальных иммигрантов.

Новая инициатива президента Буша состояла в следующем: незаконные переселенцы, находящиеся в настоящее время в Соединенных Штатах, получают юридическое разрешение на работу сроком на три года. Для этого им необходима поддержка работодателя, который обещает принять их на работу. В течение трехлетнего периода иммигранты могут, уплатив определенные налоги и штраф, обратиться в соответствующие органы за получением постоянного иммиграционного статуса или выехать из страны и вывезти свои сбережения на законных основаниях. Желающие въехать в США также могли бы обратиться за временной трехлетней визой в американские консульства за рубежом.

Идеи Джорджа Буша в целом не встретили политической поддержки. В 2006-м вопросами иммиграции вплотную занялся Конгресс. Законодательная инициатива Капитолия оказалась более консервативной: нелегалы должны были уехать и запрашивать новую рабочую визу у себя в стране. Незаконное проникновение в страну предлагалось квалифицировать как уголовное преступление, хотя сейчас оно считается административным правонарушением. Упор делался на запретительные и административные меры: быстрое расширение пограничной службы, создание иммиграционных тюрем и строительство заградительной стены вдоль части границы Соединенных Штатов с Мексикой. Причем из 1 900 миль границы заграждение должно было охватить лишь 300 миль. Палата представителей предлагала защитить 30 % границы, Сенат – 15 %. В конечном итоге Сенат отказался одобрить законопроект.

Летом 2007 года Палата представителей начала рассматривать новую, гораздо более либеральную, законодательную инициативу. Буш поставил на карту свою репутацию, лично приехав в Конгресс, чтобы поддержать законопроект, что случается крайне редко. Тем не менее и эта компромиссная, по сути, программа провалилась во многом из-за политической слабости президента, и трудно рассчитывать на принятие радикальных мер в этой сфере до прихода новой администрации.

ЭВОЛЮЦИЯ ИММИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Первоначально миграционными вопросами занималось Бюро иммиграции, созданное в 1891-м в качестве подразделения Министер-

ства финансов. В 1933 году функции этого учреждения были расширены, и на него была возложена ответственность за натурализацию, то есть предоставление гражданства.

В 1940-м Служба иммиграции и натурализации стала подразделением Министерства юстиции. Под контролем этой структуры в начале текущего столетия были три региональных управления, включающие 33 районных подразделения и 21 отделение пограничного контроля, обслуживающих свыше 3 700 терминалов на более чем 300 пограничных переходах, а также три зарубежных управления в Бангкоке, Мехико и Риме. Эта иммиграционная структура испытывает колоссальную нагрузку: ежегодно границы Соединенных Штатов пересекают 475 млн человек, 125 млн автомобилей и 21 млн импортных поставок. В числе пересекавших границу в течение 90-х годов XX века ежегодно в США легально прибывали от 800 тыс. до 1,5 млн мигрантов.

Шок, вызванный террористическими актами в сентябре 2001-го, вынудил американские власти пересмотреть функции и цели многих ведомств, занимающихся вопросами обеспечения безопасности, охраны границ, разведки и внешней политики. В рамках этой стратегии было создано Министерство внутренней безопасности, которое объединило 22 федеральных агентства, ранее бывших самостоятельными или входивших в состав других министерств. Таким образом, 1 марта 2003 года СИН стала частью «суперминистерства» под новым названием — Бюро гражданства и иммиграционных служб.

В целом эти изменения свидетельствуют об усилении централизации и возрастании роли правоохранительных органов, а также о повышении внимания к вопросам безопасности в миграционной сфере.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ИММИГРАЦИИ

Оценки экономических последствий иммиграции достаточно противоречивы. Экономическая «отдача» иммигрантов второй волны уменьшается — во многом вследствие снижения их среднего квалификационного уровня. Это тормозит рост заработной платы и создает серьезную нагрузку на рынок труда, финансовые системы и социальные службы ведущих по количеству иммигрантов штатов.

И все же в долгосрочной перспективе иммиграция продолжит играть очень важную роль и как фактор роста населения, и как стимулятор экономической активности. Она обеспечивает подпитку экономики и низкооплачиваемой рабочей силой, и высококвалифици-

цированными специалистами (а это и значительная экономия средств на их подготовку). Например, в 1998-м инженеры китайского и индийского происхождения контролировали приблизительно четверть высокотехнологичных бизнесов в калифорнийской Силиконовой долине с годовым объемом продаж в 17,8 млрд долларов.

В целом можно выделить три основных фактора, в первую очередь определяющие важность иммиграции:

- приток высококвалифицированных специалистов, облегчающий нагрузку на образовательную систему Соединенных Штатов и снижающий затраты на их подготовку;

- приток малоквалифицированной и низкооплачиваемой рабочей силы, обеспечивающий заполнение непривлекательных для американцев рабочих мест и позволяющий снизить производственные издержки и цены, особенно в строительстве, сельском хозяйстве и сфере услуг;

- широкомасштабная подготовка иностранных студентов в американских вузах, позволяющая осуществить отбор лучших кадров для предоставления им работы и местожительства в США и стимулировать формирование носителей новой политической культуры и идеологии среди тех, кто затем вернется домой.

Последний аспект иммиграции особенно важен, поскольку она обеспечивает расширение американского политического, экономического и культурного влияния в странах эмиграции.

Иммиграция важна также с точки зрения изменения демографической структуры населения. В частности, американское население заметно стареет, хотя и не столь быстро, как это происходит в Европе и России. Ожидается, что доля лиц в возрасте старше 65 лет, составлявшая в 1990 году 12 %, к 2030-му может возрасти до 22 %.

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что иммиграция из Латинской Америки способствует экономической стабилизации в государствах южнее Соединенных Штатов: она снижает давление на рынок труда в этих странах и обеспечивает поток денежных переводов – примерно 45 млрд долларов ежегодно. В Мексике, например, около 18 % населения получают переводы из США.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Несмотря на многие положительные аспекты иммиграции, она вызывает все больше противоречий в американском обществе. К началу нынешнего столетия число нелегальных мигрантов в Соединен-

ных Штатах составляло — в зависимости от методологии подсчета и политических пристрастий авторов оценок — от 5 до 20 млн человек (наиболее часто называется цифра в 11–12 млн).

40 % нелегалов находятся в Калифорнии (большинство из них прибывают через общую границу из Мексики), где данный вопрос вызывает ожесточенные споры и серьезные политические разногласия. Как ожидается, доля белых здесь составит меньше половины населения уже в течение текущего десятилетия. Следом по количеству нелегалов идут Техас, Нью-Йорк и Флорида. В целом более трех четвертей иммигрантов сосредоточены в шести американских штатах, а более половины — лишь в восьми урбанизированных зонах, в первую очередь в Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе, Хьюстоне, Бостоне и Майами.

При этом многие регионы имеют определенную этническую «специализацию». Так, Лос-Анджелес стал основным пунктом назначения для выходцев из Мексики и Азии, Майами — для кубинцев и некоторых других мигрантов из Латинской Америки. Одновременно наблюдается широкомасштабный отток коренного (особенно белого) населения из городских центров, приводящий к быстрому изменению расового, этнического и культурного облика ведущих городов Америки. В вышеперечисленных городских центрах на десять мигрантов приходится девять коренных жителей, которые отправляются в другие города и пригородные зоны. Среди крупных городов, куда еще продолжается приток белого населения, — Сан-Диего, Тампа, Сент-Питерсберг, Сиэтл, Феникс, Атланта и Лас-Вегас.

В целом же одним из очевидных последствий иммиграции является нарастающее разделение страны на космополитичные береговые, пограничные районы и крупные города, с одной стороны, и более традиционную «глубинку» — с другой (хотя и туда приток переселенцев тоже усиливается: в течение 1980–2000 годов численность испаноязычного населения приблизительно 30 штатов выросла более чем на 200 %).

Особую проблему составляет сегодня трудовая иммиграция, как легальная, так и нелегальная. Согласно оценкам, почти половина нелегалов въехала в страну законно по туристическим, студенческим и даже рабочим визам. Они относительно легко находят низкооплачиваемую и малоквалифицированную работу и в городе, и в сельской местности (скажем, как сезонные сельскохозяйственные либо строительные рабочие). И хотя предприниматели, работающие в этих сферах, заинтересованы в притоке подобных иммигрантов,

многие американцы, в том числе и представители бизнеса, выступают категорически против. Почти половина населения поддерживает меры, направленные на ограничение иммиграции.

Соответственно оппозиция как нелегальной, так нередко и легальной иммиграции растет на обоих концах политического спектра и имеет социально-экономическую, а также этнополитическую подоплеку. В рядах левой оппозиции роль профсоюзов особенно заметна в тех отраслях, работники которых испытывают конкуренцию иммигрантов, готовых на низкооплачиваемую работу без каких-либо социальных гарантий. Действительно, иммиграция не только обостряет конкуренцию на рынке труда, но и тормозит рост оплаты труда малоквалифицированных работников (которая за последние годы или вообще не выросла, или даже несколько снизилась с учетом покупательной способности).

В дополнение к этому широкомасштабный приток людей, принадлежащих к этническим и расовым меньшинствам, изменяет внутреннюю структуру в Соединенных Штатах. Это вызывает перераспределение субсидируемых ресурсов и рабочих мест в государственном секторе (где доля меньшинств традиционно очень высока) и недовольство «старых» меньшинств. Многие из льготных программ были созданы для компенсации афроамериканцам за эпоху рабства и сегрегации, однако теперь распространяются на вновь прибывающих мигрантов из неевропейских стран, а также и на другие группы населения, включая женщин, инвалидов и др. Таким образом, иммиграция не только снижает долю белых в населении, но и «отрезает» льготы у «традиционных» меньшинств.

Неудивительно, что четыре пятых опрошенных рядовых американцев (по сравнению, кстати, с 45 % среди представителей элит) рассматривают «защиту рабочих мест американских трудящихся» как одну из наиболее важных задач, стоящих перед страной.

С другой стороны, правая оппозиция, не афишируя этого, воспринимает иммиграцию, особенно из Мексики и Латинской Америки в целом, как угрозу существующей этнической, расовой, религиозной и языковой структуре и единству американского общества. Консерваторы указывают и на угрозу конкуренции со стороны иммигрантов для малого бизнеса — важнейшей опоры политического консерватизма в США.

Своеобразным выразителем этих взглядов стал политический обозреватель и журналист Патрик Бьюкенен, который провозгласил

угрозу иммиграции одной из основных тем своих президентских избирательных кампаний в 1992, 1996 и 2000 годах. Наряду с требованиями о выходе Вашингтона из Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), а затем из Всемирной торговой организации (ВТО) и Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), он настаивал на запрещении всех форм иммиграции на пять лет и сооружении постоянной стены или хотя бы проволочного ограждения на всем протяжении границы с Мексикой для предотвращения нелегальной иммиграции. Следует отметить, что последняя инициатива начала частично воплощаться в жизнь в 2006 году. Еще более агрессивную позицию занимает обозреватель *CNN* Лу Доббс, который утверждает, что нелегальная иммиграция способствует распространению инфекционных заболеваний, включая такие экзотические, как, например, проказа.

Между тем интенсивная иммиграция (наряду с различными темпами естественного прироста отдельных этнических, религиозных и расовых групп) ведет к достаточно быстрым изменениям структуры населения США. В частности, в 1996-м белые составляли 73,6 % населения страны. Доля афроамериканцев равнялась 12 %, а доля так называемых «испаноязычных» (преимущественно выходцы из Латинской Америки) — 10,2 %. Согласно оценкам, доля латиноамериканцев возрастет к 2050 году до 24,5 %, тогда как доля афроамериканцев составит 13,6 %. Значительно увеличится и доля выходцев из Азии, составив 8,2 %. Данные переписи населения-2001 подтверждают верность этих прогнозов. Так, «испаноязычные» уже обошли афроамериканцев, став крупнейшим меньшинством. Отметим также, что численность «испаноязычных» возросла с 500 тыс. в 1900 году до 41,3 млн в июле 2004-го. В настоящее время они обеспечивают около половины прироста населения.

Столь же любопытно и то, что количество мусульман в Соединенных Штатах в 2001 году впервые превысило количество евреев. Эти перемены очень важны, поскольку способны привести к изменению результатов голосования, перераспределению социальных благ между отдельными группами населения и переориентации внешней политики.

Особые опасения вызывает предсказываемый многими переход американского общества от традиционного «плавильного котла» к «мозаичной» модели. Тем самым создается ситуация, при которой иммигранты, некогда быстро становившиеся американцами не только в результате формальной перемены гражданства, но и с точ-

ки зрения их менталитета, языковой и культурной идентичности, окажутся в «мультикультурном» обществе, распавшемся на обособленные этнические, религиозные, культурные и языковые группы. По словам эксперта журнала *Forbs* Питера Браймлоу (кстати сказать, тоже иммигранта из Великобритании), Соединенные Штаты больше не в состоянии позволить себе быть нацией иммигрантов: «Что необычно для текущих американских дебатов об иммиграции, так это то, что американцев убеждают полностью отказаться от взаимосвязи, основанной на общей этничности, и вверить себя идеологии как связующей их государство силе».

Особую озабоченность у многих вызывает нежелание представителей испаноязычных иммигрантов интегрироваться в американское общество. По словам знаменитого политолога из Гарвардского университета Самьюэла Хантингтона, испаноязычная иммиграция является «наиболее... серьезным вызовом традиционной американской идентичности... Игнорируя эту проблему, американцы толкают [свое общество] к трансформации на две культуры (англо- и испаноязычную) и два языка». По его мнению, опасность представляют шесть специфических черт новой иммиграционной волны: наличие общей границы с Мексикой, масштабы иммиграции, ее незаконный характер, территориальная концентрация, последовательность и долгосрочный характер.

Оппоненты этого подхода указывают на возрастающее значение рынка и революции в области технологии и средств связи как факторов, стимулирующих интерес к изучению английского языка и принятию иммигрантами идеи ассимиляции. Например, главный редактор журнала *U.S. News & World Report* Мортимер Цукерман не видит «причин для пессимизма». Он пишет: «Имеются... свидетельства того, что мы сможем абсорбировать испаноязычных [иммигрантов] — так же, как мы абсорбировали предыдущие поколения европейцев, — в динамичное американское общество... Каждая новая волна иммигрантов научила нашу нацию чему-то новому и обогатила ее культуру. Другими словами, [новая иммиграционная волна создает] возможности, а не проблемы».

Согласно данным Национального исследовательского совета США, 60 % иммигрантов, приехавших в 80-х годах XX века, хорошо говорили по-английски. В целом опросы показывают, что современные мигранты ассимилируются столь же успешно, как и сто лет назад. Недавний опрос 2 500 латиноамериканцев показал, что 90 % из них считали необходимым как можно быстрее и эффективнее адаптироваться к аме-

риканской культуре. Но те же 90 % мигрантов считали необходимым и сохранение связи со своей национальной культурой.

Приведенный выше обзор показывает, что в миграционной политике Соединенных Штатов проявляются ряд черт и проблем, аналогичных тем, с которыми сталкивается сейчас Россия. Более того, некоторые из политических инноваций создают противоречия и вызывают опасения, которые в определенном смысле аналогичны тем, что высказываются российскими политическими силами. В частности, большое опасение вызывает вероятность утраты национального единства и развития этнических конфликтов. В то же время существует серьезная озабоченность относительно возможности бесконтрольного усиления — под предлогом борьбы с терроризмом и нелегальной миграцией — власти федерального правительства. Однако не будем забывать о том, что американский опыт говорит прежде всего о немалой пользе иммиграции и способности государства принять и ассимилировать значительные массы переселенцев, не подвергая опасности основ демократической власти.

Необходимо искать новые формы иммиграционной политики. С одной стороны, иммиграция несет в себе огромный положительный заряд, а с другой — остановить поток нелегалов демократическим путем практически невозможно, особенно когда относительно благополучная страна граничит с гораздо более бедными и трудоизбыточными государствами. Как недавно писал известный политолог Джозеф Най, современный мир характеризуется «размыванием границ». Этот процесс, стимулируемый как рыночными, так и технологическими факторами, ведет к интенсификации международного движения не только товаров и услуг, но и рабочей силы. Наряду с изменениями в отношении мирового сообщества к вопросам прав человека и государственного суверенитета, этот процесс вынуждает многие страны, в том числе и такие, как США и Россия, пересматривать свои взгляды на миграцию и методы миграционной политики.

Наступить на чужие грабли или найти свои?

Миграционные развилки России

Владимир Мукомель

Иммиграционная политика США, о которой идет речь в статье профессора Андрея Коробкова (с. 27–40), дает прекрасный материал для иллюстрации того, как осмысление соответствующего американского опыта происходит в России. При этом ряд уроков, которые мы могли бы извлечь, не пойдут впрок по той простой причине, что наше общество иное – со своей спецификой исторического и общественного сознания, а отдельные социальные институты еще только формируются. Вне контекста их функционирования невозможно учесть чужие реалии.

Опыт, извлеченный из иммиграционной политики Соединенных Штатов, можно разложить на три полочки: уроки понятные, частично осмысленные и освоенные, уроки проигнорированные и уроки на будущее.

НА ПУТИ РАЗМЫШЛЕНИЙ: ЗНАНИЕ – СИЛА

Урок 1. В глобализирующемся мире проблемы иммиграции не могут рассматриваться вне контекста национальной и общественной безопасности. Споры об иммиграции – споры о будущем страны. Российские и американские дискурсы в этом плане как будто списаны друг с друга. Истоком настроений против мигрантов в США является озабоченность тем, как сохранить традиционную американскую идентичность, основанную на английском языке и протестантской культуре. Аналогичная российская проблема вызвана тревогой за судьбу русско-православного культурного ядра.

В.И. Мукомель – д. с. н., заведующий сектором Института социологии РАН, директор Центра этнополитических и региональных исследований.

И в Соединенных Штатах, и в России противники иммиграции опасаются, что противостояние различных культур приведет к социальной напряженности и этническим конфликтам. Так, по мнению Самьюэла Хантингтона, существование культурного барьера между испано-американцами и англо-американцами способно глубоко расколоть общество, отодвинув на второй план «черно-белое» противостояние.

Урок 2. Наличие глубоко укоренившихся исторических традиций иммиграции не является панацеей от мигрантофобии. На фоне большинства россиян, одобряющих лозунг «Россия для русских!» или поддерживающих административные запреты на проживание в их местности выходцев с Кавказа и из Центральной Азии, оппозиция американцев, выступающих против иммиграции, выглядит детскими шалостями.

Любопытно, что некоторые аргументы противников иммиграции в США словно скопированы с российских. Утверждению Лу Доббса, будто иммиграция способствует распространению проказы, предшествовала сентенция Геннадия Онищенко, по мнению которого миграционные процессы способствуют распространению крыс в российских городах (письмо от 8 сентября 2006 г. № 0100/9673-06-32 «О реализации постановления главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 29.08.06 № 27»).

Урок 3. Маркеры этнокультурных различий, которые одна из сторон признает определяющими, подвижны. В Соединенных Штатах на первый план выходят проблемы языка и религии (точнее, культурных традиций и этики, базирующихся на религии), а не расы и цвета кожи.

Соответственно образ врага размыт и подвержен конъюнктуре. Подобно тому как Ку-клукс-клан (ККК) переключался с негров на евреев и католиков, наши доморожденные «патриоты», имеющие много общего с американскими, легко переходят с таджиков на негров. Примечательно, что в октябре 2006 года в Государственной думе РФ (!) состоялась встреча депутата Николая Курьяновича с бывшим лидером ККК на юге США Дэвидом Дьюком, в ходе которой обсуждались вопросы, связанные с «ситуацией в миграционной сфере, способами борьбы с незаконной иммиграцией».

Урок 4. Отношение к иммиграции мало связано с политическими пристрастиями и ориентациями. «Отец-основатель» Бенджамин Франклин сомневался в способности немецких иммигрантов интег-

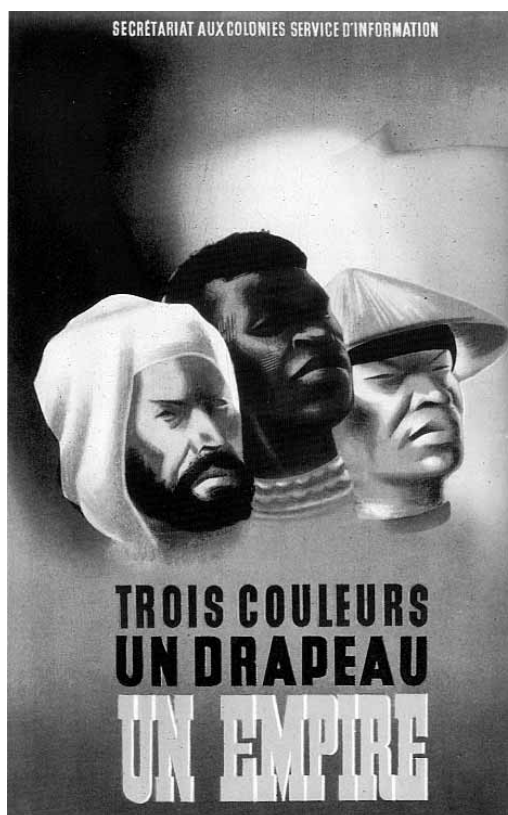
Наступить на чужие грабли или найти свои?

рироваться, а нынешний президент-консерватор Джордж Буш выступал с либеральными предложениями.

Тезис о том, что либералам могут быть свойственны ультраконсервативные взгляды на иммиграцию, а консерваторам – либеральные, полностью приложим к России. Общественные настроения откровенно проявились в ходе парламентских выборов-2003, когда, как выяснилось по итогам опросов, ксенофобия была более распространена среди потенциальных избирателей партий «Яблоко», «Единая Россия», СПС, чем ЛДПР, КПРФ или «Родина» (см.: *Леонова Анастасия*. Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. // *Вестник общественного мнения*. 2004. Июль – август. № 4 (72). С. 90).

Урок 5. Иммигранты – важный внешнеполитический ресурс давления на страны их происхождения. Введение (или угроза введения) визового режима, натурализация граждан непризнанных государств, инициация переговоров о реадмиссии, проведение съездов граждан других государств накануне выборов в этих странах, гонения на представителей титульной национальности сопредельных государств (включая и собственных граждан) стали обыденными инструментами внешней политики России на постсоветском пространстве.

Урок 6. Формирование этнотерриториальных анклавов, разного рода «таунов» и этнических гетто чревато обострением социальной напряженности и социальными взрывами. Указывая на негативные последствия появления таких «микросоциумов» для городской среды, Умберто Эко обозначил этот феномен как «развитие в городе средневековых черт».

Три цвета, один флаг, одна империя.
Французский плакат времен
Первой мировой войны

В настоящее время подобные процессы идут в российских мегаполисах — преимущественно вблизи крупных торговых точек и других мест массовой занятости иноэтничных мигрантов. Специфика городской застройки и рынка жилья, к счастью, лимитирует возможности анклавного расселения.

УРОКИ ПРОИГНОРИРОВАННЫЕ:
НЕДОУЧЕННЫЙ ХУЖЕ НЕУЧЕНОГО

Урок 7. Вызовы международного терроризма подталкивают к необходимости обеспечить действенный контроль за въездом и пребыванием в стране иммигрантов. Российская политическая элита осознала это задолго до Беслана и даже до 11 сентября 2001 года. Однако уроки, извлеченные из этих трагических событий американскими и российскими политиками, кардинально противоположны.

16 из 19 террористов, участвовавших в атаках на Нью-Йорк и Вашингтон, прибыли и находились там на законных основаниях, еще один получил разрешение на проживание спустя год, посмертно. С тех пор наиболее проблемной частью иммигрантов в представлении общественного мнения стали те, кто прибывает легально с террористическими намерениями. Пересмотр функций и организации правоохранительных ведомств был нацелен на ужесточение контроля в первую очередь за легальным въездом всех категорий мигрантов и их пребыванием в стране.

Совершенно иные выводы сделаны в России, где акцент был перенесен на борьбу с незаконными мигрантами из стран СНГ. Передача вопросов миграционной политики в систему МВД России имела печальные последствия: не решив и лишь усугубив проблему незаконной миграции, она многократно усилила коррупцию в системе внутренних дел.

Урок 8. Иммиграция обеспечивает подпитку экономики и низкооплачиваемой рабочей силой, и высококвалифицированными специалистами.

Уже сегодня в России сформировались ниши и сферы занятости, функционирующие в значительной мере благодаря мигрантам: строительство, оптовая и розничная торговля, коммунальные и персональные услуги, общественное питание, общественный транспорт.

Однако власти, вопреки очевидному, настаивают на том, что страна нуждается лишь в квалифицированных кадрах, формируя соответствующее общественное мнение и пытаясь загнать россиян на «плохие» рабочие места.

Урок 9. При грамотной постановке дела иммиграция позволяет плодить друзей, а не врагов.

Масштабная подготовка иностранных студентов в американских университетах не только способствует отбору лучших кадров для работы в Соединенных Штатах, но и стимулирует формирование проамериканских групп, обеспечивает расширение политического, экономического и культурного влияния в странах эмиграции.

С одной стороны, из подобного опыта извлечены соответствующие уроки: реформирование миграционного законодательства ориентировано на привлечение студентов из стран СНГ с перспективой их закрепления и натурализации в стране. Однако, как говаривал В.И. Ленин, «по форме правильно, а по существу – издевательство»: социальные практики взаимоотношений принимающего населения и иностранных студентов оставляют желать лучшего, а сама жизнь учащихся напоминает пребывание в осажденной крепости, а не в дружественной стране.

Без изменения социальной среды, без противодействия ксенофобии и мигрантофобиям потуги на конструктивную политику в области иммиграции обречены на провал.

УРОКИ ВПРОК

Урок 10. Дискуссии, ведущиеся в США и России, кардинально несходны: в отличие от американских коллег мы крайне мало знаем о социально-экономической стороне иммиграции, а сама полемика, где преобладают алармистские настроения, акцентирует внимание исключительно на негативных последствиях.

Урок 11. Ключевой проблемой иммиграционной политики должно быть не расовое или этническое происхождение приезжих, не цвет их кожи или форма носа, а интеграция иммигрантов, адекватное восприятие ими норм и ценностей принимающего общества. На передний план выходят вопросы не столько этнической принадлежности переселенцев, страны происхождения, сколько их лояльности к стране иммиграции, способности к социализации, то есть гражданская идентичность становится важнее этнической.

В России же миграционная и этническая политика рассматриваются властями, СМИ и общественностью в неразрывной связи. Особенностью российских дискуссий является преувеличенное значение этничности, выступающей ключевым маркером отношений «свой-чужой» и проецируемой на все сферы социальной жизни.

Урок 12. Остановить нелегальную иммиграцию (равно, впрочем, как и легальную) демократическим путем практически невозможно. Российское общество имеет глубочайшие традиции административно-запретительного подхода к решению социальных проблем, пренебрежения к правам и свободам человека. У нас отсутствует понимание того, что некоторые каналы иммиграции невозможно перекрыть, не прибегая к методам, несовместимым с принципами цивилизованного общества. Неприемлем ни опыт Узбекистана, минирующего границу с Таджикистаном, ни опыт стран, отказывающихся в праве на воссоединение семей.

Урок 13. Стремление обеспечить приток «желательных» иммигрантов трудно реализуемо.

В Соединенных Штатах постоянно снижается доля выходцев из Европы, Россия также обречена на возрастающее многообразие этнического состава и стран происхождения иммигрантов. Наивно полагать, что возможно еще сколько-нибудь масштабное переселение российских соотечественников из стран СНГ и Балтии. (Руководство Федеральной миграционной службы РФ проговаривается о десятках миллионов, тогда как специалисты полагают, что потенциал репатриации соотечественников не превышает 4–5 млн человек.)

Урок 14. За противодействием иммиграции скрываются конкретные интересы определенных социальных групп и слоев. В частности, профессор Коробков отмечает антимиграционизм малого бизнеса, опасющегося конкуренции.

Специфика российского политического пространства такова, что на сегодняшний день здесь нет политических партий и движений, артикулирующих и лоббирующих интересы конкретных социальных групп. В российских условиях, когда роль среднего бизнеса в экономике еле просматривается, а малый бизнес (в значительной мере принадлежащий этническим меньшинствам и остающийся в тени) заинтересован в труде иммигрантов, он скорее будет выступать в поддержку иммигрантов, чем их противников.

Урок 15. Централизация миграционной политики способствует росту озабоченности общества возможным бесконтрольным усилением власти федерального правительства под предлогом борьбы с терроризмом и нелегальной миграцией. (Хотя, как замечает автор, правоохранительные органы США ограничены «жесткими конституционными рамками».)

Наступить на чужие грабли или найти свои?

В России ситуация усугубляется тем, что миграционную политику, являющуюся прерогативой главы государства, «штормит» от президентских инициатив: курс на ужесточение на рубеже 2001 и 2002 годов был в 2005-м в очередной раз развернут на 180 градусов и закреплен летом 2006-го рядом законодательных инициатив, существенно либерализующих иммиграционную политику. Однако осенью того же года были приняты беспрецедентные меры преследования грузинских граждан, а также «выдавливания» иностранцев с российских рынков.

Урок 16. Антимиграционизм в Соединенных Штатах подпитывается озабоченностью населения в связи с тем, что иммигранты «отрезают» льготы, получаемые «традиционными» меньшинствами. Для россиян, не отягощенных подобными привилегиями, соображения такого рода просто непонятны. В то же время социологи полагают, что схожая логика «конкуренции за ресурсы» является ведущим фактором формирования мигрантофобий в российском обществе.

В ПОИСКАХ СОБСТВЕННЫХ ГРАБЛЕЙ

Реформирование миграционной политики в 2005–2006 годах шло в нескольких направлениях: пересмотр ее концептуальных основ; либерализация процедур получения иностранцами разрешения на пребывание (проживание) и занятие трудовой деятельностью на территории России; государственная поддержка, оказываемая русскоязычному населению при перемещении из стран СНГ и Балтии, упрощение процедур натурализации для мигрантов.

Летом 2006-го был принят соответствующий пакет федеральных законов (Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», изменения и дополнения в федеральные законы о гражданстве и правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и др.). Была утверждена Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников, пересматривается Концепция государственной миграционной политики.

Эти поистине революционные меры можно только приветствовать.

Однако, **во-первых**, по-прежнему отсутствует четкая артикуляция целей и задач миграционной политики.

Во-вторых, планируемые меры половинчаты: во главу угла поставлена задача привлечения соотечественников, хотя, по самым оптимистическим прогнозам, репатриация способна компенсировать

не более четверти естественной убыли трудовых ресурсов ближайших двух десятилетий.

В-третьих, идеология нового курса основывается на патернализме, предполагающем обеспечение части мигрантов рабочими местами, жильем, соответствующей инфраструктурой и т. д. И это при том, что мигранты нуждаются прежде всего в такой организации социальной среды, в которой им были бы гарантированы базовые социальные права: доступ на рынки труда, жилья, к сфере образования, социальному обслуживанию. Преференциальная политика способна лишь осложнить их взаимоотношения с принимающим населением.

В-четвертых, просматривающийся технократический подход исходит из посылки, что возможности регулирования миграционных потоков практически ничем не ограничены. Предполагается, например, что соотечественников будут направлять в первую очередь в регионы, теряющие население: Дальний Восток, Сибирь. Учитывая, что большинство потенциальных иммигрантов-соотечественников проживают в Центральной Азии, то есть в иных природно-климатических и социально-экономических условиях, эфемерность этой затеи очевидна.

Даже в советское время – в отсутствие свободы передвижения, выбора места жительства и пребывания – не удавалось решать задачи территориального перераспределения населения и трудовых ресурсов, ограничения роста крупнейших городов и пр.

В-пятых, ставка сделана на приоритетное привлечение из-за границы квалифицированных специалистов, тогда как российская экономика испытывает потребности в неквалифицированных и высококвалифицированных работниках.

В-шестых, федеральные законы и программа репатриации соотечественников были приняты без достаточного финансового обоснования и разграничения финансовых обязательств центра и регионов. Программа репатриации предполагает, что федеральный центр берет на себя минимум обязательств: оплату расходов на переезд, взывание госпошлины за оформление документов, выдача подъемных, предоставление ежемесячного пособия при отсутствии работы. Такие «мелочи», как социальная поддержка, трудоустройство, обеспечение репатриантов жильем, должны быть реализованы в рамках региональных программ.

В-седьмых, многие нормы принятых законов не имеют прямого действия, предполагая необходимость наличия подзаконных актов

Наступить на чужие грабли или найти свои?

правительства. Российский опыт свидетельствует о том, что дьявол скрывается в деталях: широко распространена практика, когда исполнительная власть искажает и букву, и дух закона.

Наконец, важную роль для реального разворота миграционной политики играет фактор времени. Принятые меры предполагалось реализовать с 2007 года, но предстоявшие в конце года парламентские, а в начале 2008-го президентские выборы внесли свои коррективы. Реализация декларируемого нового курса не могла состояться: слишком опасно было совершать подобный разворот в преддверии выборов.

Неадекватность целям и задачам стратегического развития России, патернализм, спонтанность, непоследовательность и непросчитанность последствий принимаемых технократических мер – уязвимые места новой миграционной политики. Главное же, ее идеология игнорирует ключевой момент – проблемы социальной интеграции мигрантов.

СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Представления и властей, и населения о миграционных процессах и их регулировании во многом базируются на опыте, приобретенном во времена «железного занавеса». Отсюда и постсоветский синдром доминирования политических и административных соображений над экономическими, равно как и предпочтение, отдаваемое решению конъюнктурных задач в ущерб долгосрочным.

Зачастую те или иные шаги в области миграционной политики диктуются неоимперским мышлением, при этом политико-исторические и геополитические представления часто доминируют над социально-экономическими.

В российских оценках отношения к мигрантам и миграционной политике отражаются и коллективистские представления, и политизированность мышления, идущие от советских времен. (Юрий Левада писал, что в 2003 году каждый третий из опрошенных россиян чувствовал себя «советским человеком» постоянно, еще 28 % – иногда.)

Представления о доминирующей роли государственных интересов (в ущерб групповым и личным) являются базовыми. Отношение к мигрантам основано прежде всего на абстрактных соображениях о государственной необходимости.

Общая политизированность сознания сочетается с крайне неразвитым экономическим мышлением: для большинства россиян, как свидетельствуют опросы, политические аргументы и слабо артикулированные страхи более актуальны, чем экономические доводы, а соображения личной выгоды от притока мигрантов отходят на второй или даже на третий план.

Среди специалистов и практиков распространены представления о жесткой экономической детерминированности миграционных процессов, о мотивации к миграции с позиций рационального выбора индивидуума. Недооценка социальных факторов принятия решения об эмиграции, новых условий развития экономики России, формирующей устойчивый спрос на иммигрантский труд, сочетается с преувеличением возможностей регулирования миграционных потоков. С этим связано и стремление к поиску чудодейственных простых решений: «поднять рождаемость — тогда обойдемся без иммигрантов», платить достойно местному населению, механизировать труд — и не будет нужды в гастарбайтерах. Это сопряжено и с непониманием иллюзорности таких подходов: социальные процессы имеют свою природу, с которой нельзя не считаться.

С досоветских времен в обществе доминирует представление о целесообразности, которая зачастую оказывается превыше закона.

Отсюда и кардинальное различие отношения в России и на Западе к представителям закона, к правоохранительным органам. Милиция не пользуется ни авторитетом, ни доверием, лидируя в списке властно-административных учреждений и организаций, ущемляющих законные интересы граждан.

Россиян отличает крайне низкий уровень доверия ко всем службам, входящим в состав МВД (миграционной политикой занимается подведомственная МВД Федеральная миграционная служба): 65 % россиян не доверяют милиции. Среди стран Восточной Европы уровень недоверия выше только в Украине — 75 %; в США и Западной Европе большинство жителей доверяют полиции.

Огромен традиционный для российского общества разрыв между законодательством и правоприменительной практикой («судить по закону или по понятиям?»). При таком отношении граждан к закону, а властей к правоприменению достаточно сложно обеспечить законопослушность иммигрантов, работодателей, населения.

Многие нюансы дискурсов, общественных настроений по отношению к мигрантам не могут быть поняты без учета слабости, при-

Наступить на чужие грабли или найти свои?

сущей институтам гражданского общества, неразвитости гражданского самосознания и отсутствия традиций гражданского контроля в России. Опыт россиян — это опыт подданных, но не граждан-налогоплательщиков.

В России и на Западе совершенно разные традиции политической культуры: разные представления о том, что приемлемо и прилично в публичной сфере, в публикациях СМИ и действиях властей, иное отношение к репутации и ответственности как личности (особенно человека публичного), так и социального института. Экспансия цинизма становится серьезной проблемой социального развития.

В России, в отличие от развитых стран Запада, не сложились традиции социального диалога, способного оградить политику в области миграции от популистских требований, помочь в формировании эффективного курса, пользующегося всеобщей поддержкой.

Незаполненное пространство между публичной сферой политики и частной жизнью, которое в демократическом обществе занимают добровольные объединения, способствует проявлению гражданского невнимания к сложившимся дискриминационным социальным практикам, проблемам обеспечения прав мигрантов.

Наконец, значительная часть проблем аккультурации и адаптации мигрантов, согласования интересов различных социальных групп решается в развитых странах не на национальном уровне, а на уровне органов самоуправления, которое в России находится в зачаточном состоянии.

Химеры прошлого, возможно, наиболее серьезный фактор, ограничивающий возможности трансформации социальной политики, в том числе и миграционной.

Национальные страхи и будущее глобализации

Почему взаимозависимость
не гарантирует от больших конфликтов

Найан Чанда

Существуют разные оценки того, в какой степени глобализация способствовала снижению уровня нищеты, достигнутого в последние годы в таких странах, как Китай и Индия. Но сами эти перемены, тем более такие стремительные, были бы невозможны без притока товаров, капитала и технологий.

Почти треть из 1,3 млрд китайцев преодолела порог бедности, а в Индии не столь значительная, но все же существенная часть населения поднялась до среднего класса. КНР превратилась в четвертую по размеру экономику мира и вышла на третье место по объему торговли. Благодаря растущим глобальным связям Индия получает возможность использовать свое сравнительное преимущество в сфере программного обеспечения, а также то, что ее граждане владеют английским. Так, страна смогла закрепить за собой половину рабочих мест на мировом рынке аутсорсинга.

В более продолжительной исторической перспективе Китай и Индия, на долю которых в 1700 году приходилось соответственно 22,3 % и 24,4 % мирового ВВП, возвращаются на лидирующие позиции после двух с половиной столетий упадка. Этот примечательный поворот событий не в последнюю очередь вызван экономическими реформами и развитием глобальной торговли, расширением обмена технологиями и инвестициями.

Найан Чанда — директор издательских программ Центра изучения глобализации Йельского университета, главный редактор Интернет-журнала *YaleGlobal*. Данная статья основана на выдержках из его книги *Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers and Warriors Shaped Globalization* («Связанные друг с другом: как трейдеры, проповедники, авантюристы и военные создавали глобализацию»), *Yale University Press*, 2007.

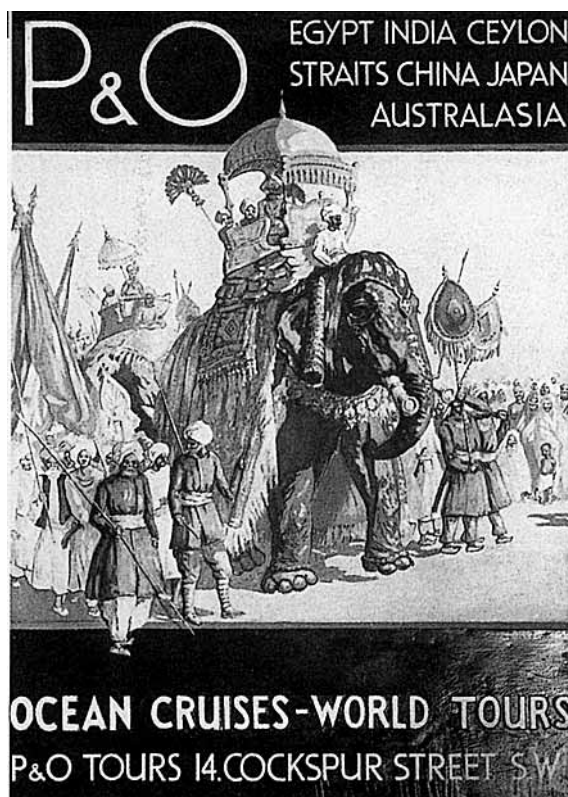
Однако заголовки международных новостей свидетельствуют: на планете растет озабоченность последствиями глобальной взаимозависимости. Население развивающихся стран продолжает нищать. В индустриальном же мире усугубляющееся экономическое неравенство, безработица и борьба за сохранение рабочих мест подстегивают протекционистские настроения и требования проводить более жесткую иммиграционную политику.

Ирония истории заключается в том, что главную угрозу стабильности глобализованного мира видят сегодня в предприимчивых непосадах и переселенцах, то есть тех, кто на заре времен были застрельщиками глобализации. Приток

неимущих переселенцев вызывает к жизни всё более строгие иммиграционные законы. А запланированное строительство 700-мильной стены вдоль американо-мексиканской границы рискует превратиться в настоящий символ антииммиграционной политики Запада.

В развитых странах экономические последствия расширяющейся международной интеграции вызвали недоверие к глобализации со стороны среднего класса – того самого, процветание которого издавна строилось на международной торговле и инвестициях. Электронные сделки и упрощенное банковское регулирование способствовали трансграничной мобильности финансистов, но не всегда служили выгоде обычных граждан. Даже те, кому пока удается сохранить свои рабочие места, опасаются, что их профессиональная квалификация окажется невостребованной в стремительно меняющемся мире.

Пока капитал, избавившись от оков, странствует в поисках менее дорогостоящей, но более квалифицированной рабочей силы, за-

нятое население США и Европы чувствует себя все менее защищенным. Автоматизация производства, а также перевод его в офшор привели к тому, что за три последних десятилетия в Америке ликвидированы тысячи рабочих мест.

Имеют место обоснованные страхи, что новые технологии и глобализованные рынки труда отчасти станут угрозой для рабочих мест среднего звена. Фабрики на Западе закрываются, потому что в КНР или Чехии условную единицу их продукции теперь можно изготовить на несколько центов дешевле. Огромный китайский экспорт в Соединенные Штаты, которые вынуждены в связи с этим закрывать свои мощности, чаще всего базируется на американских разработках. Перевод производства в офшор увеличил доходы компаний и количество дешевых товаров в универсамах *Wal-Mart*, но прибыль от их реализации оседает в карманах гендиректоров, а выгода расплывается среди миллионов потребителей, никак не компенсируя потери увольняемых. Многих беспокоит то, что практически неограниченное предложение дешевой рабочей силы за рубежом способно безвозвратно лишить Запад уже утраченных им рабочих мест.

Теория конструктивного разрушения, согласно которой постоянное повышение производительности ведет к отмиранию старых отраслей и подъему новых, на этот раз может и не сработать. Занятость сокращается, и нет надежды на то, что возникнет другая с аналогичной или более высокой оплатой труда. Классическое решение проблемы безработицы — переподготовка и получение новой профессии — может оказаться неприменимым в современной глобальной экономике: ведь вполне квалифицированные работники доступны ныне на другом конце высокоскоростного интернет-соединения за одну десятую часть той зарплаты, которую требуют в США либо Европе.

В Западной Европе тоже нарастает обеспокоенность. Мощные бастионы социального законодательства не позволяют европейцам, следуя примеру американцев, проводить массовые увольнения, но компаниям Старого Света все же удалось заморозить зарплаты, занеся над головами своих рабочих дамоклов меч аутсорсинга. Любопытно, что не только работники низшего звена, но и высокооплачиваемые руководители корпораций теперь боятся, что их потеснят соперники. Они могут появиться совершенно неожиданно, откуда их совершенно не ждали и предъявить рынку какой-нибудь потрясающий продукт или новый источник столь же квалифициро-

ванной, но низкооплачиваемой рабочей силы. Перебои с ростом занятости и повышение социальных расходов стимулировали подъем экономического национализма на Западе.

Неспособность властей многих европейских стран справиться с неизбежными диспропорциями спровоцировала волну протекционистских требований со стороны трудящихся. Сиюминутные политические соображения и популизм правительств не способствовали принятию сложных решений по сохранению открытости.

В тех развивающихся государствах, которые попытались интегрироваться в глобальную экономику, резко возросло неравенство, увеличился разрыв между селом и городом. Городской сектор и средний класс серьезно выгадали от подключения к глобальным транспортным и коммуникационным сетям, а малоимущее сельское население, не получившее образования, заметно отстало. По имеющейся оценке, менее 0,5 % китайских семей сейчас владеют более 60 % личных богатств страны. При этом свыше 150 млн рабочих-мигрантов, занятых в строительстве сияющих китайских городов, плюс миллионы тружеников обветшавших сельских фабрик влчат нищенское существование, достойное пера Чарльза Диккенса. На фоне процветания, связанного с глобализацией, также резко увеличился разрыв между богатыми и бедными в Индии.

История изобилует примерами того, как рост международных связей и внедрение новых технологий способствовали появлению немногих выигравших и множества проигравших. В прошлом последствия глобализации часто вызывали негативную реакцию, но разница между ростом международных связей тогда и теперь объясняется высоким уровнем развития информации и коммуникации.

В сегодняшней глобальной сфере, где все в высшей степени взаимосвязаны, любая негативная реакция возникает и распространяется быстрее, чем раньше. В начале 2006-го телеканалы и интернет-блоги немедленно сообщали всем о предполагаемых продажах компаний (имеется в виду, например, попытка враждебного поглощения франко-люксембургского стального гиганта *Arcelor* индийским мультимиллиардером Лакшми Митталом. — Ред.). Эти новости разжигали пламя экономического национализма в Европе и в Соединенных Штатах, заставляя правительства принимать срочные меры вопреки своим убеждениям.

В развивающемся мире коммуникационная революция также накаляет социальную напряженность. Огни больших городов боль-

ше не манят издалека. Зрители могут любоваться ими на маленьких экранах у себя дома, будь то в деревенских хижинах, городских трущобах либо самых отдаленных уголках периферии. Неимущим прекрасно известно, как живут состоятельные люди. А любые проблемы становятся достоянием всеобщей гласности намного раньше, чем удастся выработать или применить разумную политику по их разрешению.

Мгновенная передача новостей и изображений превратила представителей самых разных на свете профессий и приверженцев любых верований в массовых потребителей идей и информации. Картины стихийных бедствий и человеческого страдания вызывают инстинктивное чувство сопереживания. Трансляции Олимпийских игр и чемпионатов мира по футболу смотрит миллиард телезрителей, что сближает народы. Однако социальный, культурный и политический дискурс, свободно распространяемый с помощью спутникового телевидения и Интернета, сбивает с толку и способствует отчуждению людей, создавая почву для всякого рода предрассудков.

Точно так же, как спортивные каналы или телевизионные сериалы привлекают болельщиков и фанатов по всему миру, эфир способен сеять неприязнь. Покорив время и пространство, глобализация столкнула между собой разные эпохи. Людей, все еще живущих в условиях экономического развития XVIII века, поставили лицом к лицу с их давно разлученными братьями, живущими в XXI столетии. Вместо того чтобы содействовать диалогу и пониманию друг друга, всеобщий информационный поток вызывает шок и подхлестывает ксенофобию.

В то же время мир взаимозависим, и неспособность оценить долгосрочные последствия этого чревата риском сползания к гигантскому кризису. Международной системе явно недостает институционального потенциала для того, чтобы противостоять современным проблемам. Неэффективность Организации Объединенных Наций особенно ярко проявляется в отсутствии адекватной реакции на крупные гуманитарные катастрофы. Однако обвинять во всем ООН довольно бессмысленно. Глубинная причина кроется скорее в нежелании (или неспособности) ключевых действующих лиц мировой сцены привести эту организацию в соответствие с сегодняшними и завтрашними требованиями.

Итак, существует ли реальная угроза полного краха глобализации? Аргументы о том, что, дескать, мир слишком тесно переплетен бес-

численным количеством связей, чтобы развалиться, проникнуть благодушием. Оно неизбежно вызывает в памяти знаменитое предсказание британского писателя Нормана Эйнджелла накануне Первой мировой войны: этот мировой конфликт «экономически невозможен». История изобилует примерами того, как эмоции берут верх над соображениями разума и экономического прагматизма.

Будущее всегда таит в себе неожиданность и сюрпризы, но опыт истории не подтверждает вероятность того, что глобализация — эта форма интеграции, принявшая с течением времени гигантские масштабы, — когда-либо остановится. Сложный процесс, тысячелетиями набиравший скорость, нельзя остановить в одночасье, расплести составляющие его мириады нитей. Величайшие катаклизмы — от падения Римской империи и эпидемии «черной смерти» до спада торговли и миграции в межвоенный период XX века — замедляли это движение, временно нарушая взаимосвязи. Возможно, мы приближаемся именно к такой паузе.

Подобные сбои всегда причиняли огромные страдания, но сегодняшний кризис отличается от тех, что были раньше. Глобальная экономика интегрирована настолько, что ставки для всех слишком высоки. Трудно даже вообразить, как возможный конфликт отразится на сверкающих мегаполисах Азии и полупроводниковых лабораториях Тайваня и Южной Кореи, самом загруженном контейнерном порте мира в Сингапуре либо дельте Меконга во Вьетнаме, где кипит деловая активность, на когда-то сонных индийских городках, в которых нынче гудят переполненные магазины и интернет-кафе, или, скажем, на возрождающемся ирландском деловом районе Дублина.

Впервые в истории сотни миллионов человек воочию убедились в том, как преобразилась жизнь, и преисполнились надежды, что их дети будут жить еще лучше. Оптимизм миллионов в Азии, в быстро растущих экономиках — Ирландии, бывшем социалистическом блоке, странах Африки и Латинской Америки, и желание обычных граждан не упустить свой шанс, который дает открытая экономика, — вот реальность глобализованного мира. Но обратная ее сторона — тревога американского и европейского среднего класса, мучительная нищета и отчаяние тех, кто остался за бортом. Вопрос в том, не возобладают ли тревога и страх над оптимизмом и не повернут ли они мир вспять, к очередному мрачному периоду изоляции?

Экономическая интеграция, а с ней и культурная глобализация намного опередили нашу ментальность, которая все еще оперирует

понятиями национализма. Мы с выгодой пользуемся всем, что может предложить целый мир, но мыслим узкими категориями национальных рубежей — границ, которые были установлены лишь в современный период. Колючая проволока, сетчатые заграждения, подразделения сил безопасности, иммиграционные и таможенные службы, отделяющие нас от остального мира, не способны отменить тот факт, что все мы связаны невидимыми нитями истории.

Когда наши предки приблизились к кромке Красного моря, чтобы начать тысячелетний путь, их представление о мире простиралось лишь настолько, насколько хватало глаз. Сегодня перед нами не только общая картина событий — мы знаем, откуда пришли и что может нас ждать впереди. Нам известно, что тенёта человеческих желаний, стремлений и страхов, связавшие воедино наши судьбы, нельзя ни распутать, ни разорвать. И все же нам не дано предвидеть, каким образом эта стихия сформирует будущее нашей планеты. Но по сравнению с прошлым, когда все более плотные глобальные связи приносили сюрпризы, сегодня мы лучше оснащены, чтобы различить за горизонтом и опасности, и возможности. В нашем распоряжении — глобальные институты и десятки тысяч организаций гражданского общества. Они позволяют избежать регресса общемировой интеграции и полностью реализовать потенциал более светлого будущего для тех, кто еще находится вне глобализированного сообщества.

Альтернативы тому, чтобы подняться над узкоэтническими интересами, у нас нет: в предстоящие столетия судьбы всех живущих на Земле будут по-прежнему неразрывно связаны. Призывы остановить глобализацию не имеют под собой никаких оснований, ибо этот процесс никому не подвластен. Сообща же мы можем попытаться направить наш стремительно интегрирующийся мир в более правильное русло, потому что все мы в единой связке.

Метаморфозы Европы

Вернер Пайнер. Современная Европа,
1926 г.

“Этнический национализм играет более весомую роль в современной истории, чем принято считать. Процессы, которые привели к доминированию этнической государственности и размежеванию этнических групп в Европе, с большой вероятностью будут происходить и в других регионах. И национализм продолжит кроить мир по своим меркам и в XXI столетии”

Мы и они Джерри Мюллер
60

Европа: ориентация во времени и пространстве
Вячеслав Морозов
78

«Балканизация» Европы vs «европеизация» Балкан
Павел Кандель
90

МЫ И ОНИ

Устойчивость этнического национализма

Джерри Мюллер

Проецируя свой собственный опыт на остальной мир, американцы преуменьшают роль этнического национализма в политике. В Соединенных Штатах люди разных национальностей относительно мирно живут бок о бок. В течение двух или трех поколений после иммиграции этнические различия сглаживаются в результате культурной ассимиляции и межнациональных браков. Определенно, ситуация не может быть принципиально иной в других частях мира. Этнический национализм неприятен американцам с интеллектуальной и нравственной точек зрения. Социологи лезут из кожи вон, доказывая, что это противоестественный продукт культуры, подчас искусственно возвращаемый, а специалисты в области этики с презрением отвергают системы ценностей, основанные не на космополитизме, а на узком групповом индивидуализме.

Но от этого этнический национализм никуда не исчезает. Люди, иммигрирующие в США, обычно приезжают с большим желанием и готовностью вписаться в традиции новой родины и соответствующим образом изменить свои представления о мире. Но у тех, кто живет на земле предков, обосновавшихся там несколько поколений либо даже столетий тому назад, политическое самоопределение зачастую совпадает с этническим. В результате этнические общины начинают претендовать на собственную государственность. Мирному сосуществованию национальных государств в том или ином ре-

---

Джерри Мюллер — профессор истории в Католическом университете Америки. Последняя его книга называется «Разум и рынок: капитализм в современной европейской мысли». Опубликовано в журнале *Foreign Affairs*, № 2 (март — апрель) за 2008 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

Мы и они

гионе обычно предшествует процесс этнического размежевания, сопровождающийся насилием. Там, где такое размежевание еще не произошло, политика может принимать уродливые формы.

Из истории Европы XX века нам хорошо известно, что национализм дважды приводил к мировым войнам — в 1914, а впоследствии в 1939 году. После этого европейцы пришли к выводу, что национализм представляет собой угрозу, и постепенно отказались от него. В послевоенные десятилетия жители Западной Европы создали многочисленные транснациональные учреждения, кульминацией которых стал Европейский союз. После распада советской империи эта транснациональная модель распространилась на восток и охватила большую часть континента. Европейцы вступили в постнациональную эпоху, которая не только сама по себе благо, но и также служила образцом для других регионов. С этой точки зрения национализм был трагическим отступлением на пути к мирному, либеральному, демократическому порядку.

В такую трактовку свято верят образованные европейцы, но, наверно, в еще большей степени — образованные американцы. Не так давно видный американский историк Тони Джадт сообщил читателям *The New York Review of Books*, что Израилю необходимо отказаться от притязаний на еврейское государство и создать общее государство с палестинцами без деления людей по национальному признаку. «Проблема Израиля, — пишет Джадт, — в том, что он пытается осуществить проект сепаратистского государства, свойственного второй половине XIX века, в мире, который ушел вперед — в мире личных прав, открытых границ и международного права. Сама идея еврейского государства... является сегодня анахронизмом».

Вместе с тем печальный опыт африканцев и азиатов, десятки и сотни которых ежегодно гибнут в отчаянной попытке оказаться в Европе, высадившись на испанское либо итальянское побережье, показывает, что границы Старого Света не так уж и открыты. Примечательно, что если в 1900-м во многих европейских странах не было одной доминирующей национальности, то в 2007 году таких стран осталось только две; при этом одна из них (Бельгия) находится на грани раскола по этническому признаку. Другими словами, если не считать Швейцарии, где этническое равновесие в политическом устройстве защищено строгими законами о гражданстве, в Европе сепаратизм не просто не исчез, а даже восторжествовал.

Джерри Мюллер

Этнический национализм не только не изжил себя в 1945 году, но и во многих отношениях достиг своего апогея сразу после Второй мировой войны. Отчасти стабильность в Европе в эпоху холодной войны достигалась повсеместным проведением политики этнического национализма. И даже по окончании холодной войны он продолжал перекраивать границы европейских государств.

Короче говоря, этнический национализм в современной истории играл более весомую роль, чем принято считать, и процессы, которые привели к доминированию этнической государственности и размежеванию этнических групп в Европе, с большой вероятностью будут происходить и в других регионах. Усиливающаяся урбанизация, повышение уровня грамотности и политическая мобилизация широких масс населения, различные показатели рождаемости и экономической деятельности в разных этнических группах, а также иммиграция будут бросать вызов внутривнутриполитическому устройству государств и их границам. Этнический национализм продолжит кроить мир по своим меркам и в XXI столетии, вне зависимости от того, насколько он политически уместен.

ПОЛИТИКА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Существует два подхода к национальному самоопределению.

Согласно первой точке зрения, все люди, живущие в границах одной страны, составляют единую нацию независимо от их расовой, национальной либо религиозной принадлежности. Этот либеральный, или гражданский, национализм характерен для большинства современных американцев. Но подобные взгляды конкурируют с этническим национализмом и зачастую проигрывают ему. Суть этнического национализма состоит в том, что нации определяются по совместному наследию, включающему в себя общий язык, общую веру и общих предков.

Подход, основанный на этническом национализме, традиционно доминирует в Европе, а до недавнего времени он имел большое влияние даже в Соединенных Штатах. На протяжении значительной части американской истории считалось, что настоящими американцами можно считать только белых протестантов англо-саксонского происхождения либо выходцев из Северной Европы. И лишь в 1965 году был изменен закон об иммиграции и была упразднена система квот по национальному признаку, действовавшая в течение нескольких десятилетий. Она исключала иммиграцию азиатов и существенно ограничивала приток из Южной и Восточной Европы.

Мы и они

Свою эмоциональную силу этнический национализм в значительной степени черпает в учении, согласно которому представители одной нации считаются членами расширенной семьи, спаянной кровными узами. Это субъективная вера в реальность общего «мы», которая и имеет значение. Признаки, по которым определяется круг лиц с общими интересами, различны в каждом конкретном случае и в разные периоды, а субъективная природа общинных границ приводит к тому, что некоторые перестают придавать им практическое значение. Но, как отметил Уокер Коннор, мудрый исследователь национализма, «на поведение людей влияет не действительность, а их представления о действительности». Центральные положения этнического национализма заключаются в том, что нации существуют и каждая из них должна иметь свою государственность, а каждое государство должно включать в себя представителей одной нации.

Европейские историки традиционно считают, что на западе континента всегда преобладал либеральный тип национализма, но по мере продвижения на восток он приобретал все более выраженную этническую окраску. В этом есть доля истины, однако подобная трактовка маскирует многие факты и явления. Точнее было бы сказать, что когда начали создаваться современные государства, политические границы во многом совпали с границами национально-языковыми вдоль атлантического побережья Европы. То есть в государствах, которые уже имели высокую степень этнической однородности, вероятность возникновения либерального национализма была существенно выше. Задолго до начала XIX века такие страны, как Англия, Франция, Португалия, Испания и Швеция сформировались в качестве национальных государств, в которых этническое разделение смягчалось длительной историей социально-культурной гомогенизации.

В центре континента, где проживали люди, говорившие по-немецки и по-итальянски, политические структуры были раздроблены на сотни мелких образований. Но в шестидесятых и семидесятых годах XIX столетия эту раздробленность удалось преодолеть благодаря образованию новых государств — Италии и Германии. Почти все итальянцы стали жить в Италии, а большинство немцев поселились в Германии.

На востоке ситуация складывалась совершенно иначе. До 1914-го на большей части Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы существовали не национальные государства, а империи. В импе-

рию Габсбургов входили территории современных Австрии, Венгрии, Словакии, Чешской республики, и частично нынешних Боснии, Польши, Украины, Хорватии и другие земли. Империя Романовых, охватывавшая также значительную часть Азии, включала в себя современную Россию и частично Польшу, Украину и другие территории. Нынешняя Турция, часть современных Болгарии, Греции, Румынии и Сербии входили в Османскую империю. Ее владения распространились на большую часть Ближнего Востока и Северной Африки.

Каждая из этих империй состояла из множества этнических групп, но они не были многонациональными в смысле предоставления равного статуса населявшим их народам. Правящая монархия и класс землевладельцев и дворян зачастую отличались по своему языку и этническому происхождению от городского класса торговцев и ремесленников. Последний, в свою очередь, по языку, этническому происхождению, а иногда и религии обычно отличались от крестьянства. Например, в империях Габсбургов и Романовых купцами часто являлись немцы и евреи. В Османской империи — армяне, греки и евреи. Крестьянство в каждой из этих империй представляло собой этнически разнородное сословие.

До XIX века это были преимущественно аграрные общества, большинство в них представляли малограмотные крестьяне. Политическое и социально-экономическое расслоение обычно совпадало с этнической принадлежностью, и люди не ожидали изменения своего сословного положения при данном государственном устройстве. До появления современного национализма такое сословно-национальное расслоение не вызывало особых проблем. Более того, представители разных религий, языков или культур были рассредоточены по разным странам и империям. Например, этнические немцы обитали не только в тех областях, которые впоследствии стали Германией, но и в империях Габсбургов и Романовых. Греки жили не только в Греции: миллионы их были рассеяны на просторах Османской империи (не говоря уже о турках-мусульманах, поселившихся в Греции). Евреи проживали во всех странах, но не имели своего независимого государства.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Сегодня люди склонны воспринимать национальное государство как нечто само собой разумеющееся — естественную разновидность

политического объединения, а империи – считать аномалией. Однако в исторической ретроспективе ближе к истине было бы обратное утверждение. На протяжении большей части истории большинство людей жили в империях, национальное же государство было скорее исключением, чем правилом. Что же послужило толчком для изменения этого положения?

Возникновение этнического национализма, как объясняет социолог Эрнест Геллнер, было не странной исторической ошибкой, а следствием глубокой логики современной истории. Военная конкуренция между странами создала потребность в расширении государственных ресурсов и, следовательно, в непрерывном экономическом росте. В свою очередь, он зависел от всеобщей грамотности и легкости общения. Это стимулировало политику развития образования и единого языка, что приводило к конфликтам, связанным с языком и обеспечением равных возможностей для всех.

Современное общество построено на принципе равенства, согласно которому каждый, по крайней мере теоретически, может стремиться занять любое положение в обществе. Однако на практике вероятность улучшения экономического положения у разных людей разная, и дело тут не только в различии врожденных способностей, но в том, что экономисты называют «культурным капиталом». Это навыки и модели поведения, которые помогают людям и группам добиваться успеха. Группы, в которых люди традиционно имеют высокий уровень образования и занимаются коммерцией, обычно преуспевают, а те, что не имеют подобных традиций, как правило, не столь успешны.

Мигрируя в города и получая более высокое образование в XIX и начале XX столетия, этнические группы, имевшие преимущественно крестьянское прошлое, такие, как чехи, поляки, словаки и украинцы, обнаруживали, что ключевые места в правительстве и экономике уже заняты немцами, греками, армянами или евреями. У людей, говорящих на одном языке, развилось ощущение принадлежности к одной общности, и они стали противопоставлять себя другим общностям. В конечном итоге появилась потребность в создании собственного национального государства, в котором они чувствовали бы себя хозяевами и доминировали в политике, на государственной службе, в бизнесе и коммерции.

У этнического национализма имеется не только экономический, но и психологический фундамент. Создавая новые и прямые отноше-

ния между подданными государства и правительством, современное государство ослабляло традиционную привязанность людей к промежуточным социальным образованиям, таким, как семья, клан, гильдия и церковь. То же самое делала и рыночная экономика, стимулируя социальную и географическую мобильность населения, его самостоятельность и ответственность. В результате образовывался эмоциональный вакуум, часто заполнявшийся новыми формами идентичности, которые порой носили ярко выраженный этнический оттенок.

Идеология этнического национализма требовала совмещения государственности с границами обитания этнической нации и приводила к возникновению взрывоопасных ситуаций. Как признал в 1862 году лорд Эктон, «теоретически совмещая границы государства и нации, национализм практически ставит все другие народы, живущие в границах такого государства, в подчиненное положение. В зависимости от степени гуманности и цивилизованности доминирующей нации, которая претендует на все социальные права и привилегии, низшие расы подвергаются геноциду, поработаются, объявляются вне закона или ставятся в зависимое положение». Именно это и происходило в действительности.

ВЕЛИКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Подобно сторонникам современной глобализации, либералы XIX века считали: распространение международной коммерции приведет к тому, что люди признают взаимные выгоды мирной торговли как внутри отдельно взятого государства, так и между разными странами. С этим соглашались и социалисты, хотя они верили, что подлинная гармония возможна только при социализме. Однако истории XX столетия не суждено было пойти этим путем. Процесс «совмещения государства и нации» принимал разнообразные формы — от добровольной эмиграции (часто из-за государственной дискриминации национальных меньшинств) до вынужденной депортации (известной также как «вынужденное переселение») и геноцида. Хотя термин «этническая чистка» сравнительно недавно проник в английский язык, аналогичные понятия давно уже укоренились в чешском, французском, немецком и польском языках. Фактически большая часть европейской истории прошлого века представляла собой болезненный, затянувшийся процесс этнического разукрупнения.

Массовое размежевание по этническому принципу началось на границах Европы. Войны за расширение таких национальных госу-

дарств, как Болгария, Греция и Сербия, за счет угасающей Османской империи, развернувшиеся на этнически неоднородных Балканах, сопровождалось ужасающим межнациональным насилием. Во время Балканских войн (1912–1913) почти полмиллиона человек оставили обжитые места либо добровольно, либо принудительно. Мусульмане покидали территории, преимущественно населенные болгарами, греками и сербами; болгары уходили из тех областей Македонии, которые находились под контролем греков; греки бежали из македонских анклавов, которые отошли к Болгарии и Сербии.

Первая мировая война привела к гибели трех великих империй. В Османской империи массовые депортации и убийства в военные годы унесли жизнь миллиона проживавших в ней армян, когда турецкое большинство предприняло попытку осуществить этническую чистку, если не геноцид. В 1919-м греческие войска вторглись в местности, которые ныне являются частью современной Турции, с целью создать «великую Грецию» на всем этом пространстве до самого Константинополя. Добившись поначалу видимых успехов, они жгли селения и мародерствовали, пытаясь изгнать турецкое население из взятых под контроль областей. Однако в конечном счете турецкая армия перегруппировалась и дала отпор греческим оккупантам, в свою очередь осуществляя этнические чистки, направленные против греков. Затем процесс вынужденного переселения был формально закреплен в Лозаннском договоре 1923 года: все этнические греки должны были переселиться в Грецию, а все греки-мусульмане – в Турцию. В конце концов Турция изгнала почти 1,5 миллиона человек со своей территории, а Греция – почти 400 тысяч.

На руинах империй Габсбургов и Романовых возникло множество новых стран. Некоторые вообразили себя этническими образованиями, где государство существует только для того, чтобы защищать доминирующую этническую группу и способствовать ее процветанию. Тем не менее из почти 60 миллионов жителей Центральной и Восточной Европы 25 миллионов по-прежнему составляли этнические меньшинства в странах своего проживания. Как правило, большинство не считало нужным содействовать ассимиляции национальных меньшинств, да и сами меньшинства не особо к этому стремились. Националистические правительства осуществляли открытую дискриминацию в интересах доминирующей общины. Правительство той или иной страны проводило различные мероприятия исключительно на языке большинства населения, а

Джерри Мюллер

на государственную службу принимали лишь тех, кто свободно говорил на этом языке.

Во многих государствах Центральной и Восточной Европы евреи долгое время играли важную роль в торговле и коммерции. Когда в конце XIX века им были предоставлены гражданские права, они достигли немалых успехов в профессиях, которые требовали высшего образования, в частности, таких, как медицина и юриспруденция. Вскоре евреи либо люди еврейского происхождения составляли половину всех врачей и юристов в Будапеште, Вене и Варшаве. К тридцатым годам прошлого столетия правительства целого ряда стран начали проводить политику, препятствовавшую закреплению подобного положения, ограничивая прием евреев в высшие учебные заведения. Крайним проявлением широко распространенного в Европе этнического национализма стали национал-социалисты, пришедшие к власти в Германии в 1933 году и взявшие на вооружение идею великой арийской расы, которую они противопоставляли еврейскому влиянию.

Политика этнического национализма приняла еще более злое формы во время Второй мировой войны. Нацистский режим попытался силой переписать этническую карту континента. Самым радикальным выражением этой политики была попытка избавить Европу от евреев путем их уничтожения, в чем нацисты немало преуспели. Они также использовали этнические немецкие меньшинства в Чехословакии, Польше и других странах, чтобы насаждать идею национального превосходства, и многие режимы стали союзниками Германии, развернув в своих странах кампании против внутренних этнических врагов. Например, румынский режим уничтожил сотни тысяч евреев, не получив на то никаких указаний из Германии, а правительство Хорватии истребило не только множество евреев, но и сотни тысяч сербов и румын.

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

НАЦИОНАЛИЗМ НЕ БЫЛ ИСКОРЕНЕН

Можно было бы ожидать, что беспощадная политика нацистского режима и его сокрушительное поражение ознаменуют конец эпохи этнического национализма. В действительности все это оказалось прелюдией для новой массовой волны преобразований в духе этнического национализма. Политическая стабильность в Центральной Европе после Первой мировой войны была достигнута в основном путем из-

менения границ в соответствии с местами проживания этнических групп. После Второй мировой войны перемещали уже не границы, а население. Миллионы были изгнаны из своих домов и стран — по меньшей мере, с молчаливого согласия победивших союзников.

Уинстон Черчилль, Франклин Делано Рузвельт и Иосиф Сталин пришли к общему выводу, что изгнание этнических немцев из европейских стран является предпосылкой для стабильного послевоенного устройства. Выступая в 1944-м в британском парламенте Черчилль сказал: «Изгнание будет наиболее приемлемым и надежным методом, как нам это представляется. Население не будет смешиваться, и это не станет причиной бесконечных бед... Все будет выметено подчистую. Меня не тревожит перспектива искусственного разобщения населения, а также масштабное перемещение людей». Он привел в качестве примера Лозаннский договор, заявив, что даже лидеры либеральных демократий пришли к выводу: только радикальными и нелиберальными мерами можно устранить причины агрессивных устремлений этнического национализма.

С 1944 по 1945 год пять миллионов этнических немцев из восточных немецких земель бежали на запад, чтобы избежать встречи с Красной армией, которая прокладывала себе путь к Берлину через трупы и насилие. В промежутке между 1945 и 1947-м новые режимы, установившиеся в Венгрии, Польше, Чехословакии и Югославии после освобождения этих стран, изгнали еще семь миллионов немцев за их сотрудничество с нацистами. В совокупности эти меры стали самым крупным принудительным перемещением населения в европейской истории. Сотни тысяч вынужденных переселенцев умерли, так и не добравшись до нового местожительства.

Горстка уцелевших после нацистского геноцида евреев, вернувшись в свои дома в Восточной Европе, столкнулась с таким ярким антисемитизмом, что большинство их решили уехать навсегда из родных мест. Около 220 тысяч евреев укрылись на оккупированных американцами немецких землях, откуда многие в конечном итоге отправились в Израиль или Соединенные Штаты. Таким образом, евреев, по сути дела, не осталось ни в Центральной, ни в Восточной Европе, которые с XVI века были центрами еврейского рассеяния.

В послевоенные годы из своих домов были также изгнаны и переселены миллионы представителей других этнических групп. Отчасти это объяснялось тем, что границы Советского Союза отодвину-

лись на запад, в глубь Польши, а границы Польши тоже отодвинулись на запад, в глубь Германии. Таким образом, часть польских земель оказалась на территории СССР, а часть немецких земель — на территории Польши. Чтобы места компактного проживания национальных общин соответствовали новым границам, полтора миллиона поляков были депортированы в Польшу из тех областей, которые теперь принадлежали Советскому Союзу, а полмиллиона украинцев, проживавших в Польше, были депортированы в Украинскую Советскую Социалистическую Республику. Такой же обмен населением происходил между Чехословакией и Венгрией: словаков выселяли из Венгрии, а мадьяр — из Чехословакии. Небольшое число мадьяр также переселилось в Венгрию из Югославии, тогда как сербы и хорваты перебрались в Югославию.

Вследствие этого массового процесса этнического размежевания во многом был достигнут идеал этнического национализма: теперь у каждой европейской нации было свое государство, а каждое государство состояло почти исключительно из представителей одной национальной группы или общины. В годы холодной войны немногочисленными исключениями из этого правила был и Советский Союз, Чехословакия и Югославия. Однако последующая судьба этих стран лишней раз продемонстрировала живучесть этнического национализма. После крушения коммунизма Восточная и Западная Германия на удивление быстро объединились, Чехословакия мирно распалась на Чешскую и Словацкую республики, а Советский Союз — на многочисленные национальные образования. С тех пор этнические русские, став меньшинствами во многих постсоветских государствах, постепенно переселились в Россию, румынские мадьяры перебрались в Венгрию, а большинство немногочисленных этнических немцев уехали на постоянное место жительства в Германию. Примерно миллион евреев эмигрировал из бывшего Советского Союза в Израиль. Югославия пережила отделение Хорватии и Словении, а затем развязала этнические войны, чтобы удержать в своем составе Боснию и Косово.

Распад Югославии был последним актом в этой длинной пьесе. Однако сюжет данной пьесы — разобщение народов и торжество этнического национализма в современной Европе — редко признается, а это значит, что история, значение которой сопоставимо по масштабам с распространением демократии либо капитализма, во многом остается непризнанной и неоцененной.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Конечно, влияние этнического национализма едва ли ограничивалось Европой. Деколонизация для большинства стран развивающегося мира означала этническое разукрупнение посредством обмена миграционными потоками или изгнания национальных меньшинств.

Окончание британского господства в 1947-м стало началом разделения субконтинента на Индию и Пакистан, которое сопровождалось диким насилием, унесшим жизни сотен тысяч людей. Пятнадцать миллионов человек стали вынужденными переселенцами, включая мусульман, бежавших в Пакистан, и индусов, бежавших в Индию. В 1971 году Пакистан, первоначально объединенный религией, распался на Пакистан, жители которого говорили на языке урду, и Бангладеш, где общение велось на бенгальском.

В 1948-м на палестинских землях, находившихся под протекторатом Великобритании, было создано еврейское государство. Арабские страны встретили это событие бурей негодования и вооруженным вторжением. В результате последовавшей войны местности, находившиеся под контролем арабов, были очищены от еврейского населения, а арабы бежали из областей, подвластных евреям, и стали вынужденными переселенцами. Примерно 750 тысяч арабов покинули территорию современного Израиля, перебравшись в соседние арабские государства, а оставшиеся 150 тысяч человек составляли лишь шестую часть населения в новом еврейском государстве. Поднявшаяся под влиянием национализма волна насилия против евреев, живших в арабских странах, вынудила почти все еврейское население арабского мира, а это свыше полумиллиона человек, покинуть родные места и переселиться в Израиль.

Точно так же конец французского господства в Алжире в 1962 году ознаменовался массовым вынужденным исходом алжирцев европейского происхождения во Францию. Вскоре после этого этнические меньшинства азиатского происхождения были изгнаны из постколониальной Уганды. И даже тогда с наследием колониальной эпохи еще не покончили. Распад заморских империй великих европейских держав привел к искусственному образованию множества государств, границы которых зачастую не совпадали с географическим расселением этнических общин. Думать, будто эти границы останутся незыблемыми, — значит выдавать желаемое за действительное. По мере модернизации и урбанизации общества в бывшем колониальном мире местное население становится все более гра-

Джерри Мюллер

мотным и политически мобилизованным. А это означает, что силы, которые привели к возникновению этнического национализма и размежеванию в Европе, будут по-прежнему стремиться начать те же самые процессы в своих странах.

В ПОИСКАХ БАЛАНСА

Эксперты обычно акцентируют внимание на разрушительных последствиях этнического размежевания. И это вполне понятно, если учесть колоссальные человеческие страдания, которыми сопровождается вынужденная миграция. Однако подобный подход может исказить общую картину, так как он не учитывает менее очевидные негативные последствия, а также важные преимущества, которые приносит этническое размежевание.

Например, со времен Адама Смита экономисты утверждают, что эффективность конкурентных рынков возрастает с увеличением их размеров. Следовательно, распад Австро-Венгерской империи на небольшие национальные государства, каждое из которых воздвигало свои торговые барьеры и ограничения, был иррациональным с позиций экономики, поскольку он ослабил данный регион в межвоенный период. Впоследствии европейские нации попытались преодолеть экономическую раздробленность, в результате чего и был создан Европейский союз.

Этническое размежевание оказывает пагубное воздействие и на культуру. Большинство граждан национальных государств имеют общее культурно-лингвистическое наследие, и этнически однородные страны послевоенной Европы стали более изолированными в культурном плане в сравнении с их демографически разнородными предшественниками. Так, в Европе число выдающихся мыслителей вроде Франца Кафки значительно уменьшилось после того, как большая часть евреев покинули континент, а немцы оставили Прагу.

Вынужденная миграция обычно обедняет те государства, которые выдворяют этнические меньшинства, и обогащает принимающие страны. Мотивом изгнания часто является негодование коренной национальности по поводу успехов этнического меньшинства, от которых, как многие ошибочно полагают, никто не выигрывает. Однако страны, которые избавились от армян, немцев, греков, евреев и других успешных меньшинств, лишились по большей части самых талантливых своих граждан. Они просто забрали свои навыки, умения и знания в другие государства. И во многих случаях победа по-

Мы и они

литики этнического национализма означала победу традиционно сельских групп над урбанизированным населением, которое обладает навыками, необходимыми передовой индустриальной державе.

Хотя этнический национализм часто приводил к трениям и конфликтам, он способствовал также и единению нации, и стабилизации положения в стране. Когда во французских учебниках истории встречаешь выражение «наши предки галлы» или вспоминаешь обращение Черчилля к соотечественникам в военное время, когда он называл их «доблестными островитянами», то понимаешь, что эти фразы затрагивают чувствительные струны в душах и служат источником взаимного доверия и готовности к самопожертвованию. Либеральная демократия и этническая однородность не только совместимы, но и способны дополнять друг друга.

Можно утверждать, что Европа достигла гармонии в послевоенные годы не вследствие крушения этнического национализма, а благодаря его успеху, поскольку он устранил главные источники конфликта как внутри стран, так и в отношениях между ними. Тот факт, что этнические и государственные границы в настоящее время во многом совпадают, означает, что в наши дни ведется меньше споров о границах либо общинах экспатриантов, и это позволяет добиться самой устойчивой территориальной конфигурации в европейской истории.

Такие этнически однородные образования проявляют выдающуюся внутреннюю солидарность, что облегчает осуществление государственных программ, включая различные выплаты и пособия переселенцам. Когда шведские социал-демократы в период между двумя войнами разработали планы создания государства всеобщего благоденствия в Северной Европе, то, как заметил политолог Шерри Берман, они представили их населению страны как строительство *folkhemmet*, или «народного дома».

Несколько десятилетий жизни в сплоченных, этнически однородных государствах, возможно, даже истощили эмоциональный заряд этнического национализма. Многие европейцы теперь готовы и даже жаждут участвовать в межнациональных объединениях, таких, как Евросоюз, отчасти потому, что их потребность в коллективном самоопределении во многом удовлетворена.

НОВОЕ ЭТНИЧЕСКОЕ СМЕШИВАНИЕ

Наряду с принудительным этническим размежеванием в последние два века имеет место также процесс этнического смешивания под

влиянием добровольной эмиграции. Люди перемещаются из бедных, депрессивных регионов в более динамичные и богатые страны.

В Европе это преимущественно означало движение на запад и на север, прежде всего во Францию и Великобританию. Этот процесс продолжается и до сих пор: в результате недавней эмиграции полмиллиона поляков осели в Великобритании и 200 тысяч — в Ирландии. Люди, переезжающие из одной европейской страны в другую и остающиеся на постоянное жительство, как правило, легко ассимилируются и не создают больших проблем, несмотря на ворчание местного населения по поводу нашествия «польских слесарей».

Самое радикальное преобразование европейского этнического ландшафта в последние десятилетия стало следствием массовой иммиграции жителей Азии, Африки и Ближнего Востока. Результаты этой иммиграции неоднозначны. Некоторые этнические группы добились значительных успехов — к примеру, индийцы, наводнившие Великобританию. Однако с точки зрения получения образования и достижения экономических успехов мусульмане-иммигранты с трудом приживаются в таких странах, как Бельгия, Великобритания, Германия, Нидерланды, Франция, Швеция. Более того, их культурное отчуждение только возрастает.

Трудно определить, в чем кроется главная причина: в самих ли иммигрантах и их культурных отличиях, в дискриминации со стороны местного населения или в политике правительств большинства европейских стран? Однако ряд факторов — начиная с официальной политики терпимости к разным культурам, щедрых пособий от государств всеобщего благосостояния и кончая легкостью контактов с этнической родиной, — способствуют созданию национальных островов, которые не желают вливаться в культуру новой родины и активно участвовать в экономической деятельности.

Таким образом, некоторые традиционные контуры европейской политики претерпевают кардинальные изменения. Например, левые склонны приветствовать иммиграцию во имя всеобщего равенства, братства и терпимости к разным культурам. Но если на самом деле существует связь между этнической однородностью и желанием населения поддерживать щедрые программы перераспределения доходов, то поощрение этнически более разнородного общества может в результате закончиться размыванием более широкой политической платформы левых. Склонность Европы к культурному свободолою-

бию уже натолкнулась на нетерпимость, свойственную некоторым иммигрантским общинам.

Если иммигранты-мусульмане не захотят ассимилироваться и, напротив, будут усиленно развивать свое общинное самоопределение на религиозном фундаменте, одним из последствий может быть возрождение в некоторых странах традиционного самоопределения в духе этнического национализма. Возможно также развитие нового европейского самоопределения в противовес исламу. В этом контексте можно ждать увеличения числа европейцев, возражающих против предоставления Турции статуса полноправного члена ЕС, поскольку эта страна воспринимается как предвестник подобного рода перемен.

ЧЕГО ЖДАТЬ В БУДУЩЕМ

Поскольку этнический национализм является прямым следствием основных элементов модернизации, он, вероятнее всего, успешно приживется в обществе, где происходят эти процессы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он остается одной из наиболее жизнеспособных и разрушительных сил во многих странах современного мира.

Например, в более или менее утонченных формах этнический национализм проявляется в иммиграционной политике различных стран. Большинство государств, включая Армению, Болгарию, Венгрию, Германию, Израиль, Ирландию, Сербию, Турцию, Финляндию и Хорватию, автоматически или очень быстро предоставляет гражданство представителям диаспор доминирующей этнической группы по первому их требованию. Китайский закон об иммиграции предусматривает преимущественное право на получение гражданства китайцам, живущим в других странах. Испания и Португалия более благожелательно относятся к предоставлению гражданства жителям своих бывших колоний в Новом Свете. Другие же государства, в частности Словакия и Япония, выдают представителям доминирующей национально-этнической группы, которые не имеют гражданства данной страны, официальные бланки с удостоверением личности с правом проживания и работы. Американцы, приученные официальными правительственными инстанциями считать дифференцирование по национальному признаку нарушением принципа равноправия и универсализма, часто находят подобную политику странной, если не аморальной. Однако в мировом контексте именно универсализм представляется маргинальным явлением.

В ближайшие годы укрепляющееся общественное сознание и изменение этнического баланса неизбежно повлекут за собой самые разные последствия как внутри государств, так и в их внешней политике. Все больше стран вливаются в мировую экономику благодаря феномену глобализации, и первые плоды этого процесса почувствуют те этнические группы, которые в силу своей истории либо культуры могут воспользоваться новыми возможностями для повышения своего благосостояния. Таким образом, глобализация способна углубить, а не уменьшить социальный раскол в обществе. Более зажиточные и преуспевающие регионы могут попытаться отделиться от бедных и застойных областей, а отдельные местности с однородным составом населения — добиться суверенитета, что спровоцирует силовые акции защитников статус-кво.

Конечно, в мире существуют многонациональные государства, где этническое самосознание не выражено ярко, и даже если оно получит большее развитие, то приведет к политическим требованиям, не предусматривающим предоставления суверенитета. Иногда в государствах раздаются голоса, требующие предоставления этнической автономии или самоопределения. До сих пор запросы каталонцев в Испании, фламандцев в Бельгии и шотландцев в Великобритании удовлетворялись именно таким образом. Однако достигнутые договоренности весьма непрочны и могут быть пересмотрены в любой момент. Соответственно в развивающемся мире, где государственные образования возникли сравнительно недавно и географические границы часто не совпадают с границами компактного проживания разных этносов, могут продолжаться этническое размежевание и социальные конфликты между национальными общинами. Как отмечают такие ученые, как, к примеру, Хаим Кауфман, когда межнациональная вражда переходит определенную черту, за которой начинается насилие, удерживать враждующие общности внутри одного государственного образования становится все труднее.

Такое неблагоприятное развитие событий ставит в затруднительное положение сторонников гуманитарного вмешательства в подобные конфликты, поскольку умиротворение этнических групп, ненавидящих и опасаящихся друг друга, требует создания постоянно действующей, дорогостоящей военной миссии вместо относительно дешевых временных посредников в урегулировании конфликта. Более того, когда насилие переходит в этнические чистки, возвращение большого числа беженцев на свою историческую родину после

Мы и они

достижения соглашения о прекращении огня часто бывает нежелательным и неразумным, поскольку может спровоцировать новый виток конфликта.

Таким образом, размежевание может стать самым гуманным и надежным решением острых межэтнических конфликтов. Оно неизбежно создает новые потоки беженцев, но, по крайней мере, решает главную проблему. Задача международного сообщества в критических случаях межнациональной вражды заключается в том, чтобы разъединить этнические группы наиболее гуманным способом: обеспечить транспортом, предоставить беженцам гражданские права на новой родине, а также оказать им финансовую поддержку для обустройства на новом месте. Расходы на подобные программы будут колоссальными, но вряд ли более существенными, чем на ввод и содержание крупного иностранного миротворческого контингента или моральные издержки при пассивном созерцании человеческой трагедии.

Современные социологи, пишущие о национализме, склонны рассуждать об условности группового самоопределения, подчеркивая, что национальное самосознание зачастую искусственно подогревается политиками и идеологами для достижения политических и культурных целей. Они постоянно ссылаются на теорию «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона, который преуменьшает силу и влияние национализма, утверждая, что он является искусственной и надуманной конструкцией.

Конечно, этническое либо национальное самоопределение никогда не бывает таким естественным или неизбежным, как его представляют националисты. Но было бы ошибкой считать, что, поскольку национализм — это отчасти искусственно сконструированное явление, его можно легко ослабить либо изжить. Этнический национализм не был случайным регрессом в истории Европы: он стал выражением глубоких и устойчивых чаяний человеческого духа, которые усиливаются процессом образования современного государства. Этнический национализм одновременно порождает сплоченность и вражду. В той или иной форме он будет проявляться в грядущих поколениях. И мы только выиграем, если не будем закрывать на это глаза.

Европа: ориентация во времени и пространстве

Моральный эталон как чувство идентичности

Вячеслав Морозов

Ухудшение в последние годы отношений между Россией и Европейским союзом стало предметом оживленного обсуждения в российском внешнеполитическом сообществе. Основное внимание в ходе дискуссии уделяется специфическим факторам, негативное влияние которых ограничено собственно двусторонними отношениями между Москвой и Брюсселем. Чаще всего речь идет о вступлении в ЕС стран бывшего социалистического лагеря или о взаимозависимости в энергетической сфере и порожденных ею опасениях обеих сторон.

Гораздо меньше внимания уделяется идентичности самого Евросоюза и ее радикальной трансформации после окончания холодной войны. Но именно эта перемена повлекла за собой существенное изменение практик безопасности, определяющих отношения между Европейским союзом и его «ближним зарубежьем». Она в значительной степени предопределила и нынешний кризис в отношениях с Россией, а его результатом стало новое прочтение истории XX века и определение заново места Европы в прошлом и настоящем.

«НИКОГДА БОЛЬШЕ!»:

У ИСТОКОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕИ

Процесс самоидентификации любого политического сообщества, будь то нация-государство либо наднациональное объединение вроде ЕС, как правило, имеет временное и пространственное измерения: любое политическое «мы» нуждается в общей истории и в той или иной совокупности представлений о внешнем мире. Обязатель-

---

В.Е. Морозов — к. и. н., доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

но есть еще и третье – этическое – измерение, потому что в основе объединения людей вокруг политических целей всегда лежит представление об общем благе, соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего с определенной системой ценностей, которые и служат основой политического единства.

Уникальность Европейского сообщества как политического образования в первые десятилетия его развития состояла в том, что пространственные аспекты играли второстепенную роль в его самоидентификации. Разумеется, у него имелся формальный институт членства и, следовательно, определенная территория; более того, уже само наименование «*Европейское* сообщество» говорит о притязаниях на часть общего исторического и культурного наследия. Однако Сообщество никак не могло претендовать на роль ядра европейской цивилизации, единственного либо главного выразителя европейской идеи. Оно представляло собой лишь один из многочисленных элементов организации политического пространства, причем целиком принадлежавший западной части разделенной Европы.

Ключевым в дискурсе идентичности Евросоюза был временной аспект: Сообщество видело свою миссию в преодолении прошлого, его строительство и расширение происходили под лозунгом «*Никогда больше!*», относившимся в первую очередь к двум мировым войнам и Холокосту. Экономические доводы в пользу Общего рынка никогда не были стопроцентно убедительными, особенно в глазах таких стран, как Великобритания или Швеция, гораздо больше ориентированных на глобальную экономику, чем на континентальную Европу. В конечном итоге экономические успехи интеграции были важны как инструмент достижения политической цели – недопущения к власти диктатур, уничтожающих собственных граждан и грозящих смертью и разрушением всему миру.

Такая ориентация европейской идентичности во времени содержит в себе важный этический момент: она строилась на самокритичной рефлексии по поводу прошлого Европы, включая и историческое значение европейской идеи. Тот факт, что европейская цивилизация породила две мировые войны, концентрационные лагеря и тоталитарные диктатуры, нуждался в критическом осмыслении, заставлял постоянно возвращаться к урокам прошлого. Это темпоральное противостояние в принципе могло облекаться в одну из двух форм, этические следствия которых существенно различаются. Интерпретация прошлого с точки зрения понимания корруп-

ции, восходящего к античности, предполагает, что войны и диктатуры были пусть и катастрофическими, но не неизбежными отступлениями от предначертанного пути, искажениями подлинной сущности европейской идеи. В таком случае примирение через интеграцию может трактоваться как исправление случайных ошибок, возвращение к подлинной сущности Европы.

Возможно, однако, и более радикальное прочтение истории в духе иудео-христианской традиции, этика которой строится на абсолютных понятиях. Тогда катастрофы первой половины XX века предстают как изначально заложенные в проекте европейской Современности, как следствие преобладания (возможно, временного) зла над добром в европейском сознании. В числе наиболее последовательных сторонников этой точки зрения можно назвать, например, Зигмунта Баумана, который напрямую выводит Холокост из монологического рационализма Просвещения. Если нацизм есть не менее органичное порождение европейской мысли, чем, к примеру, гуманистическая наука, то достигнутое после победы над ним благополучие оказывается угрожающе хрупким. Тогда лозунг «Никогда больше!» требует не одномоментного осознания опасности тоталитарных идеологий, за которым следует беспроблемное движение к светлому демократическому будущему, а ежедневной бдительности, постоянной работы в целях недопущения возврата к тоталитаризму, который всегда маячит на горизонте.

Обе эти интерпретации присутствовали в дискурсе идентичности ЕС периода холодной войны, и едва ли какая-то из них преобладала. В любом случае, однако, наиболее важная особенность выстраивания идентичности в противостоянии собственному прошлому состояла в том, что отсутствовала необходимость привлекать для этого образ внешнего врага (который представляет собой структурную точку отсчета для формирования политического сообщества в философии Карла Шмитта).

Иными словами, даже в условиях блокового противостояния европейская интеграция как проект не нуждалась в возведении непроницаемой границы между внутренней сферой Сообщества и внешним миром. Не было необходимости в радикальных пространственных различиях, поскольку линия антагонизма, приводившего в движение весь механизм создания объединенной Европы, проводилась между настоящим и недавним прошлым политического субъекта, который таким образом обретал существование. Европа как бы создавала себя заново, поскольку не хотела повторять собственные фатальные ошибки.

В ОКРУЖЕНИИ СОБСТВЕННОГО ПРОШЛОГО

В последние годы, однако, многие исследователи (Томас Диц, Пертти Йоэнниemi и др.) стали обращать внимание на то, что после окончания холодной войны произошла коренная трансформация дискурса идентичности Евросоюза. Новая идентичность основана на представлении — чаще имплицитном, но иногда и явно артикулируемом, — что европейцам удалось преодолеть свое прошлое, его повторение невозможно и главная задача обеспечения безопасности теперь состоит в формировании адекватной политики в ответ на угрозы извне. Так, например, в Европейской стратегии безопасности, одобренной Европейским советом в декабре 2003 года, обсуждаются исключительно внешние угрозы, тогда как тема возможного конфликта между государствами — участниками Европейского союза, некогда бывшая центральной, теперь совершенно исчезла. Как подчеркивает в одной из работ Томас Кристиансен, в этом варианте структурирования политической реальности ЕС предстает как *finalité politique* — уже реализованный проект, состоявшаяся утопия.

Таким образом, временное и пространственное измерения идентичности меняются местами: политическое сообщество теперь конституируется, уже в полном соответствии с философией Шмитта, в противопоставлении внешнему врагу, а осмысление истории отходит на второй план. Если раньше прошлое находилось внутри политического пространства Евросоюза, задавая систему координат для оценки настоящего и проектирования будущего, то теперь оно оказалось вытеснено за пределы «сообщества европейских демократий». Европа, которая прежде обретала себя в критической переработке собственной истории, ныне видит свое прошлое вне своих пределов, вокруг себя. Если европейцы, согласно этой точке зрения, уже достигли «конца истории», то соседи Европейского союза еще далеки от реализации демократического идеала. Если раньше этическое измерение европейского проекта задавалось темпоральным вектором, то теперь произошла подмена времени пространством. Критическая рефлексия по поводу собственной моральной сущности трансформировалась в чувство превосходства над соседями. Говоря словами Пертти Йоэнниemi, ЕС в собственных глазах превратился в «образцовое этическое пространство».

Одно из последствий этой трансформации состоит в том, что возникновение европейского супергосударства может оказаться вопросом менее отдаленного будущего, чем многие думают. Переход от

критической рефлексии к морализаторству означает потерю Евросоюзом своей уникальности по сравнению со «стандартным» политическим субъектом Нового времени – суверенным национальным государством. Это создает необходимые предпосылки для формирования представления об общем благе, которое, собственно, и лежит в основе государства современного типа. Именно представление о том, что «наш» политический порядок, даже если он не во всем идеален, все же лучше «их» нравов и обычаев, обеспечивает основу для объединения, для формирования того самого «демоса», на отсутствие которого в общеевропейском масштабе постоянно указывают критики евроинтеграционного проекта. Однако ключевую роль здесь играет даже не чувство общности между членами политического организма, а наличие четкой и непроблематичной (по крайней мере, на первый, поверхностный взгляд) границы между внутренним миром, где политический идеал в общем и целом реализован, и миром внешним, которому до идеала еще очень и очень далеко.

Если раньше Европа в ее собственных глазах нуждалась в защите от себя самой, то теперь источником угрозы воспринимается прежде всего непредсказуемый внешний мир, противопоставляемый упорядоченному, уютному внутреннему пространству Евросоюза. Если такое понимание вопросов безопасности станет и впредь столь же успешно возводить границу между Европой и не-Европой (а в условиях глобальной «войны с террором» у нас нет оснований предполагать обратное), общеевропейская политическая идентичность будет все больше и больше сближаться со стандартной национально-государственной моделью.

ЭКСПАНСИЯ БЕЗ РАСШИРЕНИЯ

Еще один чрезвычайно важный вопрос, относящийся к трансформации идентичности Европейского союза, касается хронологических рамок этого процесса. Почему она пришлась именно на период после окончания холодной войны и, насколько можно судить, стала свершившимся фактом к моменту вступления в ЕС стран Центральной и Восточной Европы? «Синдром победы» в холодной войне, на который регулярно ссылаются российские дипломаты и политики, безусловно, сыграл свою роль. Тот факт, что практически все бывшие союзники СССР после его распада устремились в Евросоюз и НАТО, поставил точку в дебатах о сравнительных преимуществах капиталистической и социалистической интеграции. Вместе с тем нельзя не признать, что дебаты эти едва ли когда-либо воспринимались

всерьез по ту сторону «железного занавеса»: в основном их вели советские обществоведы, да и то не всегда искренне.

В отличие от Соединенных Штатов, которые действительно могли претендовать на роль победителя «империи зла», Европейские сообщества никогда не находились на переднем крае борьбы против коммунизма. Напротив, именно поставки советских энергоносителей в Западную Европу (вопреки возражениям Вашингтона) продлили жизнь советской системе и заложили основу нынешней структуры энергетической взаимозависимости между Москвой и Брюсселем. США, как хорошо известно, изначально строили свои отношения с окружающим миром с позиции «города на холме», призванного осчастливить все человечество. Миссия же европейцев была обращена на самих себя, и факт крушения советской системы, взятый в отдельности, едва ли мог создать условия для тотального пересмотра исторической роли Европейского союза.

Уверенность в собственной непогрешимости скорее появилась у ЕС в результате процесса расширения, как такового. Если до 1995-го (дата вступления Австрии, Финляндии и Швеции) присоединение новых членов осуществлялось на условиях более или менее равноправного соглашения, то в расширении на восток Брюссель изначально занимал доминирующее положение по отношению к странам-кандидатам. Именно в 1990-х годах встал вопрос о критериях, позволяющих отделить достойных претендентов от тех, кому еще надлежит поработать над собой; такие критерии в итоге были утверждены на Копенгагенском саммите Евросоюза (1993). Наличие критериев, работавших в сугубо одностороннем порядке, уже предполагало роль этой организации как образцовой модели, переориентацию этического измерения европейской идентичности из временной в пространственную плоскость.

Далее, именно в прошлом десятилетии у Европейского союза появилась возможность монополизировать европейскую идею, утвердить себя в роли ее главного выразителя. Помимо представления о реализованной утопии (*finalité politique*), этому способствовало также ощущение того, что объединенная Европа достигла предела в своем пространственном расширении (*finalité géographique*). В 1958-м или даже в 1992 году Европейское сообщество представляло в географическом и культурном смысле более или менее значительную, но все же лишь *часть* Европы. Однако уже к началу нового столетия у многих сложилось твердое убеждение, что все европейское культурно-

историческое пространство, кроме маргинальных случаев вроде Норвегии, России, Хорватии, Швейцарии, находится в пределах одного политико-правового режима, в установлении которого Брюссель играл решающую роль. Более того, согласно этой картине мира европейская периферия либо стремилась вступить в ЕС (Хорватия и остальные Балканы, Сербия – случай особый, но со временем и она едва ли станет исключением), либо принимала его нормы, не претендуя на членство (Норвегия, Швейцария). Либо, наконец, вообще не заслуживала звания подлинно европейской страны (чем дальше, тем чаще именно такая роль отводится России и, вероятнее всего, Украине). Европа оказалась *интегрированной*, то есть, если обратиться к латинским истокам этого термина, вернула себе утраченную целостность, и это тоже подкрепляет ощущение «конца истории».

Здесь следует также отметить, что постулируемое совпадение культурно-исторических и политико-правовых границ Европы создало условия для фиксации смысла этого понятия. На протяжении XX столетия Европа была скорее дискурсивной ареной, на которой сталкивались различные интерпретации европейского наследия: любая национальная и – шире – политическая идентичность могла проецировать себя на Европу, находя в европейском наследии свои собственные основания. В результате и интеграционный проект, как таковой, оказался открыт и для участия в нем различных государств, и для многообразных интерпретаций его первостепенных целей.

Появление копенгагенских критериев и гегемонической структуры, выражением которой они являлись, в конечном итоге привело к отождествлению – в наши дни все более заметному – европейской идеи с определенным политическим порядком, причем существующим «здесь и сейчас», а не воображаемым в качестве проекции некоторой идеологии в будущее. Именно фиксация содержания европейской идеи, а вовсе не неспособность Евросоюза «переварить» новых членов послужила первопричиной решения прекратить расширение и выстраивать отношения с соседями, исходя из невозможности их вступления в Европейский союз в обозримом будущем. Проблемы с «пищеварением» возникли у ЕС не по причине «несъедобности» «новых европейцев», а потому, что установившийся в 1990-х годах нормативный порядок требовал уже не принять их в качестве новых равноправных партнеров, а поглотить и «переварить».

Наконец, как уже отмечалось, именно в революционный момент окончания холодной войны в Европе сформировалось новое пони-

мание безопасности. В качестве угроз здесь фигурируют не равные по силе и статусу субъекты международной политики (как в классическом реализме времен холодной войны) и не внутренняя угроза тоталитаризма (как в первоначальной версии европейского проекта), а нестабильность, вызванная крушением коммунистического порядка. В сочетании с «синдромом 11 сентября» это привело к формированию политики безопасности, основанной на упрощенной версии теории демократического мира: политические системы, отличные от западной демократии, в этой картине мира сами по себе воспринимаются как угроза. Именно на таком мировоззрении базируется Европейская политика соседства: фактически ее основное содержание состоит в применении копенгагенских критериев к окружающим Евросоюзу государствам, несмотря на отсутствие перспектив их вступления в эту организацию.

Политкорректный еврожаргон, используемый в стратегических документах Европейского союза, довольно плохо маскирует факт восприятия «ближнего зарубежья» как источника угроз. Единственный способ их устранения – в распространении на близлежащие государства западноевропейской модели либеральной рыночной демократии. Таким образом, по очень точному выражению немецкого экономиста Георга Ворубы, основное содержание внешней политики ЕС сегодня составляет экспансия без расширения.

Все вышесказанное позволяет заключить, что в отношениях Евросоюза с окружающим миром сегодня, как никогда, более явно выражен имперский момент: объединенная Европа озабочена не только и не столько достижением однородности внутреннего пространства (вспомним ограничения на свободу передвижения работников из недавно вступивших государств), сколько проецированием собственной власти во внешний мир. Последнее хорошо сочетается с укреплением границ между внутренней и внешней сферами. При этом, не отрицая продуктивности аналитического противопоставления империи и «вестфальского» национального государства как идеальных типов, необходимо подчеркнуть следующее. Становление европейской империи совпало с моментом утраты Европейским союзом своей уникальности как политического субъекта и его очевидного перехода к выстраиванию собственной идентичности и политической системы по модели суверенного территориального государства Нового времени. Это лишний раз подтверждает тезис, уже не раз выдвигавшийся в научной литературе, о том, что империя и

«вестфальская» государственность не отрицают, а скорее взаимно дополняют друг друга.

РОССИЯ И ЕС: НЕУДОБНОЕ СОСЕДСТВО

Итак, России сегодня приходится иметь дело с новым Евросоюзом — новым не только потому, что к нему присоединилось большое число государств с историческим опытом, сильно отличающимся от опыта «старых» европейцев. Первостепенную роль здесь играют как специфика исторической ситуации, в которой происходило последнее расширение, так и вызванная этим коренная трансформация самоопределения объединенной Европы. Очевидно, что новая идентичность Европейского союза объективно, вне зависимости от чьей-то злой воли в некоторых своих самых значительных аспектах противостоит идентичности российской.

Прежде всего это, конечно, касается политики безопасности, нацеленной на устранение угроз посредством демократизации «соседей». Позиция России здесь далеко не уникальна. Многочисленные исследования, проводившиеся в самых разных регионах мира — Южном Средиземноморье, Ближнем и Среднем Востоке, Экваториальной Африке — показывают: сугубо формальный подход США и ЕС к экспорту демократии, стремление везде и всюду применять одни и те же институциональные решения, недоверие к политическому процессу «на местах» вызывают всеобщее недовольство. Серьезные проблемы возникают даже у тех политических активистов, кто вполне искренне принимает пропагандируемые Западом ценности. Однако именно Россия с ее значительным военным потенциалом и растущей экономикой (вне зависимости от движущих сил и перспектив этого роста) наиболее активно выступает сегодня с критикой либерального миропорядка. Причем дело здесь опять-таки не только и не столько в «объективном» соотношении сил, сколько в политике идентичности.

Современная Россия понимает себя как наследницу тысячелетней российской государственности, как европейскую великую державу; при этом ключевую роль в определении стандартов великодержавности играет сравнение с «золотым веком» брежневского СССР. Именно поэтому западные разговоры об «отмирании» суверенитета вызывают в России протест, тем более что, как справедливо отмечают российские лидеры, сам Запад как политический субъект вовсе не собирается растворяться в едином пространстве глобализирующегося мира. Выступая с позиций общечеловеческих ценностей, Запад

(США, Евросоюз, отдельные европейские государства, международные структуры) маскирует свои суверенные действия логикой «здравого смысла»: ведь если демократические ценности соответствуют интересам всех и каждого, то выбор в пользу демократии деполитизируется, превращается в чисто технический вопрос.

Однако деполитизация эта ложна, потому что в результате отождествления демократии и общечеловеческих ценностей противники демократии становятся врагами человечества. Этот, как сказал бы словенский философ Славој Жижек, ультраполитический момент особенно характерен для глобальной «войны с террором».

Россия тоже предлагает свою версию универсального «здравого смысла», в которой центральное положение занимает государственный суверенитет как самоочевидный организационный принцип международной системы. Неудивительно поэтому, что европейская политика экспансии без расширения вызывает в Москве такой протест: Россия сразу же отказалась от участия в Европейской политике соседства, с большим подозрением отнеслась к «цветным» революциям и вообще старается всячески оградить свое внутривнутриполитическое пространство от влияния со стороны Европейского союза и Запада в целом.

Одна из причин, по которым поведение Москвы особенно в тягость Брюсселю, состоит в категорическом неприятии европейской логики кондициональности. Политика соседства, несмотря на отказ ЕС от дальнейшего расширения, по-прежнему строится по той же модели: Евросоюз выдвигает требования, партнеры их выполняют, получая взамен финансовую помощь, доступ на единый европейский рынок или иные блага.

Проблема, однако, в том, что Россия, в отличие от Турции, не стремится к вступлению в Европейский союз даже в отдаленной перспективе, финансовая помощь ей сегодня не требуется, а доступ на рынок для основной статьи российского экспорта — энергоносителей ограничить довольно сложно в силу отсутствия альтернатив. Это не значит, что Москве ничего не нужно от ЕС, да и в энергетической сфере зависимость является обоюдной, но, вопреки догмам неолиберальной теории, это не создает стимулов к сотрудничеству. Причина кроется в том, что ожидаемая выгода от кооперации в глазах каждой из сторон начисто аннулируется угрозами, связанными с принятием условий партнера.

Россия готова сотрудничать лишь в том случае, если Евросоюз признает ее суверенной европейской державой и откажется от вме-

шатательства в ее внутренние дела. Брюссель в свою очередь всерьез опасается, что сотрудничество с Москвой на таких условиях будет означать подрыв его собственной безопасности, поскольку приведет к укреплению авторитарных тенденций в политическом развитии России. К тому же обе стороны очень плохо понимают логику действий друг друга: каждая из них вполне искренне считает свое представление о безопасности универсальным и потому подозревает другую сторону в лицемерии, двойных стандартах и даже сознательном стремлении добиться целей в ущерб интересам партнеров.

Еще одним важным аспектом проблемы становится интерпретация исторического прошлого. Конечно, свою роль здесь играет позиция прибалтийских государств и Польши, для которых история их национального самоопределения и воссоединения с Европой — это история борьбы с имперским гнетом Москвы. Однако другие европейские страны склонны видеть в истории своих взаимоотношений с Россией больше нюансов, и именно такая позиция составляет общеевропейский консенсус. Вместе с тем по некоторым ключевым пунктам этот консенсус серьезно отличается от официальной российской версии отечественной и европейской истории.

Если для России победа над фашизмом — это едва ли не главный источник национальной гордости, то в общеевропейской версии Вторая мировая война остается моментом критической рефлексии о своем прошлом. Россия крайне болезненно относится к попыткам провести аналогию между нацизмом и сталинизмом, но для большинства европейцев столь же неприемлема интерпретация 1945 года как безоговорочного и морально безупречного триумфа. Как уже отмечалось, это связано с пониманием нацизма (а также фашизма, франкизма и т. п.) как порождения самой европейской цивилизации — иначе и не может быть, потому что предки многих современных жителей Европы воевали «не на той» стороне и память о них невозможно просто списать в утиль истории. Кроме того, многие европейцы не готовы забыть о сталинских лагерях, советском господстве в Центральной и Восточной Европе, о 1956-м и 1968-м — причем речь, как правило, идет не только о «грехах» СССР, но и об общей моральной ответственности за эти события.

Оценка окончания холодной войны и преобразований 1990-х годов является почти зеркальным отображением дискуссий о Второй мировой войне. Европейский союз видит именно эти события как момент триумфа, именно они составляют основу гордости европей-

цев за самих себя и чувства моральной самодостаточности. Для России, напротив, крах СССР и болезненные реформы последующего десятилетия — тема для критических размышлений о своем прошлом, для разговора о былых иллюзиях, ошибках и просчетах.

Владимир Путин неоднократно подчеркивал, что окончание блокового противостояния в Европе — заслуга СССР, что именно решительные действия советского руководства при поддержке граждан положили конец холодной войне и сделали возможным нынешний единый мир. Согласно этой версии, события конца 1980-х — начала 1990-х ни в коем случае не были капитуляцией. Но и видеть в них триумфальное шествие демократии, непроблематичное возвращение «в лоно европейской цивилизации» россияне тоже не готовы: слишком много было обманутых надежд, слишком сильна обида на тех, с кем двадцать лет назад начиналось строительство «общего европейского дома».

Получается, что нынешний конфликт между Россией и Евросоюзом гораздо глубже, чем столкновение прагматических, рационально сформулированных интересов. Разногласия касаются самоопределения обоих политических субъектов во времени и в пространстве, которое, в свою очередь, неразрывно связано с вопросами этики, с пониманием добра и зла, а также с представлениями об угрозах безопасности. Даже если политические лидеры с обеих сторон окажутся способны понять логику действий друг друга и будут готовы пойти друг другу навстречу, им все равно придется объяснять необходимость уступок парламентариям, прессе, экспертам, избирателям.

Наши взгляды на самих себя и на мир вокруг нас, если рассматривать их как социальный феномен, представляют собой крайне инерционную систему. Когда каждая из сторон воспринимает конфликт через призму безопасности, изменить существующую расстановку приоритетов оказывается тем более сложно. Но иного пути нет: нам так или иначе предстоит жить бок о бок в новой Европе, а значит, подстраиваться друг к другу. Если уж не получилось пока построить единую Европу от Ванкувера до Владивостока, необходимо взаимное признание права на собственное понимание вызовов и угроз XXI века, следует учиться сосуществовать, воспринимая разногласия как норму. Сначала нужно признать право другого на собственное мнение, а уж потом можно попытаться убедить его в том, что его правота отнюдь не абсолютна.

«Балканизация» Европы vs «европеизация» Балкан

Чем чревата назависимость Косово

Павел Кандель

За перелистыванием американских и европейских статей последнего времени о Юго-Восточной Европе вспомнилась игра из раннего детства. Какой-нибудь карапуз, забравшись на ближайший пригорок, провозглашал себя «царем горы», а остальные бросались его спихивать, чтобы занять «престол». Воспоминание всплыло отнюдь не случайно — во всех текстах лейтмотивом звучит одна мысль: если Европейский союз не будет проводить наступательную политику, то Россия «вернется на Балканы».

Некоторые считают это свершившимся фактом. Новейший предлог для подобных рассуждений — упорная российская поддержка Белграда в вопросе о судьбе Косово (для западных политиков она почему-то стала неожиданностью) и удачное продвижение «Газпромом» проекта «Южный поток» в Болгарии, Греции, Венгрии и Сербии.

ЧЕГО ХОЧЕТ РОССИЯ?

Все это вызывает удивление по многим причинам. Станным кажется уже неверие европейцев в свои силы. Ведь все государства региона (за исключением особого случая — Сербии) с начала 1990-х годов рвутся в Европейский союз и НАТО, и только от самих этих организаций зависит скорость интеграции. Болгария и Румыния уже стали членами данных евро-атлантических структур. Македония и Хорватия имеют статус кандидатов на вступление в ЕС. С Албанией, Черногорией и Сербией подписаны, а с Боснией и Герцеговиной (БиГ) парафировано соглашение о стабилизации и ассоциации с Евросоюзом.

П.Е. Кандель — к. и. н., ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

Он является основным экономическим партнером большинства Балканских стран. Членами НАТО вот-вот станут Албания и Хорватия.

Нет оснований считать, что Россия может либо хочет заменить Европейский союз в качестве донора наименее развитой в социально-экономическом отношении части европейского континента. Товарооборот со странами региона составляет 2–3 % российской внешней торговли. Никто в Москве не полагает, что можно помешать расширению ЕС, да таких попыток и не предпринималось. Не только в официальных инстанциях, но и даже в политических кругах, склонных к размышлениям в духе православно-славянской солидарности, отсутствует концепция, предполагающая создание на Балканах альтернативной организации или блока под эгидой России. Подобного рода мечтания остаются уделом маргиналов.

Западные поборники распространения Евросоюза и НАТО на Юго-Восточную Европу, рассматривая его в логике конфронтации и геополитического соперничества с Москвой, невольно выдают свои подспудные мотивы и недостаточный интерес к самому региону. Но для России Балканы ценны не сами по себе, а именно как зона начавшегося расширения ЕС, где еще есть возможность заблаговременно закрепиться. И можно не сомневаться в предпочтениях большинства российских компаний, если бы их попытки проникновения на рынки Западной либо Центральной и Восточной Европы не блокировались по политическим мотивам на правительственном уровне или даже по недвусмысленным сигналам из Брюсселя.

Таким образом, в России регион воспринимается скорее как поле экономической конкуренции, где она имеет некоторые сравнительные преимущества и видит незанятые ниши, причем главным достоинством считается европейское будущее Балкан. Поэтому экономическое наступление России в Юго-Восточной Европе вовсе не направлено против расширения Европейского союза. Интересы Москвы и Брюсселя в регионе вполне можно гармонизировать, будь на то добрая воля и желание считаться с Россией.

Однако концепция «энергетической безопасности», которая фактически трактуется Евросоюзом как безопасность от России, придала экспансии российских энергетических компаний на Балканы черты геоэкономического противоборства. Европейцам, естественно, обидно, что в последнее время Москва зачастую переигрывает их на этом поле. Но это лишь свидетельствует о сомнительной экономической обоснованности европейских предложений, в основе

которых лежит прежде всего политическая логика: ослабить влияние Москвы на Кавказе и в Центральной Азии, получить рычаги давления на нее. Странно ожидать, что Россия будет пассивно наблюдать за попытками ее окружить и обесценить наиболее значимые экономические и политические активы.

Можно успокоить европейцев: играть в «царя горы» на Балканах Россия не собирается. В этой забаве европейцы столкнутся со своими заокеанскими союзниками. Те беспокоятся об «энергетической безопасности» Европы от России, похоже, больше самих европейцев, не считая при этом нужным согласовывать вопросы размещения своих баз и объектов ПРО не только с ЕС, но и с НАТО. Юго-Восточная Европа, несомненно, станет частью единой Европы, как только та сама будет к этому готова. В конечном счете там окажутся даже БиГ, Косово и Сербия, поскольку все они вряд ли рискнут остаться в стороне от общего движения. Только от Брюсселя зависит, когда это произойдет.

«СЕРБСКИЙ ВОПРОС»

Европейский союз сам постоянно усложняет себе задачу ошибочными политическими решениями. Так и нынешний «косовский кризис» европейцы создали собственными руками с американской подачи. Ведь если бы проблема статуса края решалась в момент приема в Евросоюз Сербии и Косово, обе стороны оказались бы гораздо более уступчивы и способны на компромисс. Но Брюсселю трудно разыгрывать роль благодетеля Белграда, проводя последовательно антисербскую политику и ослабляя позиции проевропейских сил в этой стране.

Победу Бориса Тадича в недавнем соперничестве за пост президента Сербии с минимальным преимуществом в 107 тыс. голосов на Западе поспешили представить как торжество европейского выбора. И что за охота обманывать себя? Ведь, по последним опросам, на предположительном референдуме о присоединении к Европейскому союзу сторонники интеграции вполне могли рассчитывать примерно на 64 % голосов. Между тем Брюссель навязал сербам другой, более тяжелый вопрос: какова цена присоединения к Европе? И на это социологи дают ясный ответ: более 70 % против того, чтобы быстрее вступить в ЕС в обмен на признание независимости Косово. Эта доля мало менялась с октября 2007-го по апрель 2008 года.

В результате президентских выборов страна разделилась почти пополам, затем раскол произошел в правительстве и правящей демократической коалиции. Их и без того хрупкое единство не выдержало испытание на прочность после провозглашения независимости Косово и ее признания европейскими государствами. У некоторых излишне самонадеянных европейцев в Белграде и Брюсселе возникло желание избавиться от мешающего им премьера Воислава Коштуницы с его «косовским синдромом».

Популярность стоящего за ним «народнического блока» (Демократическая партия Сербии и Новая Сербия) сейчас невысока. Между тем сербский премьер, при всей ограниченности его политических ресурсов, обладал незаменимыми качествами: он лишил националистов монополии на патриотизм, обеспечивая демократам алиби от обвинений в предательстве и лояльность влиятельной Сербской православной церкви. Когда на фоне событий вокруг Косово размежевание «демократов» и «националистов» сменилось фронтальным столкновением «европеистов» и «патриотов», вероятность прихода к власти националистической Сербской радикальной партии значительно возросла.

Она, правда, не смогла добиться предсказывавшейся всеми победы на внеочередных парламентских выборах 11 мая, уступив лидерство проевропейской коалиции Бориса Тадича. Но поспешное провозглашение очередного подтверждения европейского выбора Сербии оказалось с горьким привкусом. Обладателями «золотой акции» стали социалисты — партия покойного Слободана Милошевича. Для них союз с радикалами и блоком Воислава Коштуницы куда органичнее посулов «европеистов», вдруг забывших о былой брезгливости.

Весьма примечательна позиция российского руководства в связи с сербскими выборами, ясно обозначившая приоритеты Кремля. Если бы Россия была одержима соблазном геополитического соперничества с ЕС за Сербию, ей следовало бы отдать предпочтение Томиславу Николичу с его пророссийской риторикой. Однако приема на высшем уровне в январе удостоился не он, а его проевропейски настроенный соперник, которому пришлось заплатить за «российскую карту» в кармане договором с «Газпромом». Но в Москве решили не класть все яйца в одну корзину, и Николич добился встречи с наследником Владимира Путина. Российские власти недвусмысленно дали понять, что не только про-

поведуют прагматизм, но и действуют в соответствии с этими принципами.

Не менее существенно, что Москва воздержалась от попыток дестабилизировать ситуацию в Боснии и Герцеговине. Этого естественно было ожидать, задайся Кремль целью создать больше проблем западным партнерам в регионе. 26–27 февраля 2008 года в Брюсселе прошло малозаметное, но важное заседание Руководящего комитета Совета по выполнению мирного соглашения в БиГ, куда входят не только западные, но и российские представители. Единогласно было принято заявление, в котором подчеркивалось, что ни одно из составляющих это государство образований (следовательно, и Республика Сербская) не имеет права на отделение. Одновременно были продлены полномочия Верховного представителя Мирослава Лайчака – высшей власти в этом международном протекторате, хотя его деятельность в последнее время вызывала недовольство боснийских сербов.

Запланированный в Вашингтоне и в Брюсселе сценарий «бархатной» ампутации Косово, возможно, и удастся реализовать. Сербские митинги протеста или уличные беспорядки в Белграде и на административной границе с Косово сами по себе не помеха для осуществления этого плана. Позиция сербских властей на деле оказалась очень осторожной. Они удержались от наиболее резких действий вроде экономического эмбарго, энергетической блокады либо активного подтверждения своей власти в населенной сербами северной части края. Похоже, в Белграде хотели бы ограничить противостояние по косовской проблеме политико-дипломатическим полем. Но как долго сербские лидеры смогут оставаться «непротивленцами», зависит не от них, а от степени народного возмущения. Чем бы ни закончились переговоры о формировании правительства, один результат известен заранее: раскол в стране и в парламенте сохранится. В этих условиях даже Тадич и его европейские сторонники вне зависимости от их желания еще долго не смогут пойти на признание косовской независимости.

Явно противореча собственной прежней риторике, умеренно повели себя и руководители Республики Сербской в Боснии и Герцеговине. 21 февраля ее парламент принял резолюцию, в которой осуждается и не признаётся односторонне провозглашенная независимость Косово. Однако отделения Республики Сербской по примеру Косово, которым ее лидеры ранее шантажировали Вашингтон и

Брюссель, не последовало. В принятом документе лишь сказано, что на такой шаг Республика Сербская пойдет при попытках изменить ее статус и полномочия против ее воли или же если власти БиГ вознамерятся признать независимость Косово. Поэтому не исключено, что собственно переходный период пройдет относительно спокойно. Но это не означает, что «сербский вопрос» решен.

Без согласия Сербии и России Косово не удастся добиться приема в ООН либо в ОБСЕ. Без решения ООН и миссия Европейского союза не будет легитимной. Договоренность с Сербией и Россией остается условием выхода из тупика. Возникшее смешение юрисдикций ООН, Евросоюза, властей Приштины и Белграда превращает территорию края в зону беззакония. Это будет порождать повседневные конфликты в таких жизненно важных вопросах, как границы, гражданство и имущественные права. Когда они вызовут массовые волнения сербов, антисербские погромы и окончательный исход сербов из края, остается только гадать.

Нынешняя линия Сербии, требующей восстановления ее «бумажного» суверенитета над Косово, безусловно, нереалистична. Вряд ли кто-то в Белграде либо в Москве всерьез рассчитывает на то, что США и ЕС захотят вернуть ситуацию назад. Между тем правящей сербской элите и в Белграде, и в Бая-Луке необходимо не просто спасти репутацию — она вынуждена бороться за самосохранение. Поэтому у Сербии осталась только одна запросная позиция, с которой возможен разговор об условиях и цене признания новой действительности. Раздел Косово, сначала фактический, а затем и юридический, видится единственно возможным компромиссом. Правда, из Вашингтона постоянно раздаются окрики о «недопустимости нарушения территориальной целостности Косово».

Столь откровенный цинизм свидетельствует лишь о том, что Соединенные Штаты менее всего хотели бы разрешения косовского кризиса. Европейский союз также волен и далее следовать нынешним курсом. Но рассчитывать на долговременную стабильность в регионе, превращая Сербию в подобие веймарской Германии, по меньшей мере, неосмотрительно.

У России нет оснований ни торопить своих сербских партнеров, ни идти навстречу партнерам западным, пока с их стороны не наблюдается встречного движения. Она уже заработала немалые дивиденды на созданном чужими руками кризисе и может заниматься этим впредь. Кремлю стоило бы выразить глубокую признатель-

ность Вашингтону и Брюсселю за их неоценимый вклад в укрепление позиций России на Балканах. Как отмечают не потерявшие здравомыслие западные наблюдатели, Москва останется в выигрыше при любом исходе косовского кризиса.

НЕЗАВИСИМОЕ КОСОВО И «АЛБАНСКИЙ ВОПРОС»

Тяжелым испытанием для европеизации Балкан окажется «албанский вопрос», который независимость Косово не закроет, а, напротив, обострит. Предоставление краю «зависимой» независимости не решает ни одной из серьезных проблем этой территории. Все они, начиная с демографических и социальных и заканчивая экономическими и политическими, тесно взаимосвязаны, образуя порочный круг. И ничто не позволяет предположить, что в обозримом будущем возникнет состоявшееся, экономически самодостаточное да еще и демократическое государство. В этом легко удостовериться, хотя бы ознакомившись со свежими докладами международной правозащитной организации *Human Rights Watch* или Европейской комиссии о ситуации в Косово, с отчетом ЦРУ об экономическом положении и уровне преступности в соседней Албании. При этом можно говорить о типологически общих проблемах двух названных территорий.

На европейские нормы поведения нелепо рассчитывать уже из-за «африканского» уровня рождаемости (коэффициент детности — 7,8; более половины населения моложе 25 лет; ежегодный прилив рабочей силы на рынок труда — 30 тыс. человек при населении около 2 млн человек). Большинство западноевропейских государств уже ощутили остроту этой проблемы в своих африканских и мусульманских пригородах, а Косово представляет собой одно такое большое «предмесье». В отсутствие сколько-нибудь достоверной статистики оценки уровня безработицы варьируются от 45 до более 60 %, причем основная доля работающих занята в обслуживании международных миссий и в новоиспеченных государственных институтах.

Край, стабильно дотационный еще в социалистической Югославии, таковым и остался. Слабо развитая промышленность практически стоит. Экспорт равняется 3 % от импорта, а таможенные пошлины составляют 70 % доходов бюджета. 60 % населения проживает в деревне, но сельскохозяйственное производство, несмотря на плодородные земли и благоприятный климат, является в основном натуральным. Лишь 10 % хозяйств можно отнести к категории то-

варных производителей, да еще 15–20 % могут квалифицироваться как полукommerческие. Косово аграрно перенаселено и трудоизбыточно. 47 % населения живет в бедности, а еще 13 % – в крайней нужде. Не случайно, по последним опросам, около 50 % молодых жителей хотели бы эмигрировать, хотя уже сейчас 17 % косоваров покинули родину.

Надежды на приток внешних инвестиций в новое государство явно преувеличены. Вряд ли возможна эффективная защита прав собственности в полукриминальном государстве, где, по данным Косовского имущественного агентства, с 1999 года накопилось более 30 тыс. требований о возврате незаконно захваченной недвижимости. За годы протектората ООН Косово приобрело репутацию европейского центра транзита наркотиков, контрабанды и торговли «живым товаром». По оценкам экспертов Евросоюза, ежегодный объем теневых операций составляет около 1 млрд евро и примерно равняется годовому бюджету. При очень низком уровне образования и квалификации рабочей силы, а также исключительной неразвитости инфраструктуры охотников вкладывать средства в экономику края найдется немного. Но даже если таковые обнаружатся, наиболее острых социально-экономических проблем это не решает. Потенциально перспективные инвестиционные объекты находятся в сфере энергетики и добычи полезных ископаемых – отраслях капиталоемких, но не предполагающих большого числа рабочих мест.

Независимое Косово надолго останется генератором региональной нестабильности. Социальное давление на власти новоиспеченного государства будет нарастать, а такого громоотвода, как борьба за суверенитет, уже не будет. Недолго роль объекта вымещения социально-политического недовольства суждено исполнять и национальным меньшинствам. 60 % косовских сербов, судя по опросам, хотели бы остаться в крае, но вся история сербо-албанского немирного сосуществования подсказывает, что окончательное выдавливание сербского населения – вопрос ближайшего времени.

Иллюзий на сей счет не строят и западные эксперты. Поэтому пытаться снизить внутреннюю напряженность руководство Косово будет на испытанных путях внешней экспансии. Европейцы, уступив угрозе насилия (главный и фактически не скрываемый ими мотив ускоренного предоставления краю независимости), сами провоцируют своих подопечных на продолжение столь высокорентабельной политики. И сами же станут ее объектом.

Даже если косовских лидеров и удастся удержать от подобных внешнеполитических шагов на государственном уровне, процесс неуправляемой внешней миграции, сопровождающийся албанизацией сопредельных территорий Македонии и Черногории, будет развиваться самопроизвольно. Однако интеграции албанцев при этом не происходит. Среди них практически нет смешанных браков. Их партии имеют строго этнический характер. В районах расселения албанцев за короткое время не останется представителей других национальностей, которые фактически вытесняются с этих земель. Так происходило и происходит и в Косово, и в Македонии, и в Черногории. Исходная причина – сохранившаяся у албанцев архаичная социальная самоорганизация (большая патриархальная семья, клан, непререкаемая лояльность этим институтам и традиционным нормам «обычного права», а не закону, не вполне изжитый институт кровной мести). Это и очень удобное средство этнической мобилизации, и идеальная матрица для любого криминального сообщества.

Такая внутренне сплоченная и герметично замкнутая по отношению к «чужакам» структура обеспечивает повышенную степень защиты и взаимопомощи, сводя к нулю шансы других противостоять ей в повседневной жизни. Для ставших нежелательными «инородных» соседей посредством постоянного и безнаказанного силового давления создаются невыносимые условия существования, что побуждает их покинуть враждебную среду. Одновременно им могут делаться коммерчески выгодные предложения, поскольку семейная и клановая солидарность, а также теневые доходы обеспечивают повышенные возможности привлечения финансовых ресурсов.

Все это свидетельствует о том, что албанцы живут в ином историческом времени, нежели другие народы региона, чем и объясняется неразрешимая сложность их совместного существования. Следовательно, после кратковременного затишья «албанский вопрос» вновь встанет со всей остротой в сопредельных государствах. Будет ли он поднят сознательно или стихийно, «сверху» или «снизу» – значения не имеет. В Сербии и России многие склонны считать независимое Косово потенциально «талибским» государством. Такие опасения не лишены оснований, учитывая налаженные на попрание наркоторговли «деловые отношения» с Афганистаном. Да и социально-экономические условия благоприятствуют тому, чтобы общественный протест у албанцев-мусульман принял радикально-исламистский характер. Правда, среди них есть и католики, и право-

«Балканизация» Европы vs «европеизация» Балкан

славные. Поэтому аналогии с Сицилией более уместны. Но вряд ли кому-то будет в этом случае легче.

Формальное сохранение сербского суверенитета над Косово, конечно, не решало проблем края, но и не мешало его развитию. Сербские власти не претендовали на многое. Их последнее компромиссное предложение — статус по образцу Гонконга — вполне позволяло ЕС взять на себя активную роль в «европеизации» Косово, отложив до лучших времен наиболее болезненный, но сугубо символический вопрос о независимости. Изменив логичную очередность решения проблем, занявшись государственным строительством вместо модернизации последнего островка архаики на континенте, Европа ничего не выиграла. Она лишь существенно повысила издержки своего «косовского проекта», превратив локальную задачу в серьезную международную проблему с долговременными негативными последствиями.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕВРОПУ» БЕЗ «ЕВРОПЕИЗАЦИИ»

Даже после того как Западные Балканы станут частью Европейского союза, условная линия, отделяющая их от «старой» Европы, сохранится надолго. Брюсселю придется иметь дело еще с одной «новой» или, вернее, теперь уже «новейшей» Европой. Внешнеполитически она будет ориентирована на США и в большей мере, чем государства Центральной и Восточной Европы, служить орудием Вашингтона для разрыхления европейского единства и обуздания Евросоюза как самостоятельной политической и военной силы. В этом смысле независимое Косово, как источник управляемого «замороженного конфликта» и «стабильный дестабилизатор» ситуации в регионе, является для Соединенных Штатов отличным инструментом сохранения своего влияния на стратегически важном перекрестке между Средиземноморьем и Черноморьем, между Европой и Ближним Востоком.

Сколько времени потребуется странам Юго-Восточной Европы для преодоления социально-экономического отставания, можно только гадать. Даже Греция, давно состоящая в ЕС и не имевшая тяжелого наследия тоталитаризма (правление «черных полковников» было непродолжительным), пока не смогла повторить успех не только Ирландии, но и даже Испании.

Не менее сложным будет и процесс внутривнутриполитической «европеизации». Утверждение в странах региона основ политической де-

мократии уже можно считать немалым достижением. Но от европейского образца эти государства еще очень далеки. Повсеместная коррупция не просто серьезный порок государственного механизма, а социальная болезнь, являющаяся проявлением господствующих в обществе патрон-клиентских отношений. Проблематична независимость судебной власти и ее эффективность. Свобода прессы постоянно является предметом политических и общественных баталий.

И неразвитость внутрипартийной демократии, и «вождистский» характер многих партий, и предельно низкий уровень доверия к ним в обществе показывают, что консолидация несовершенной партийной системы достаточно условна. Политическая жизнь развивается в унаследованных от прошлого координатах, когда определяющим фактором остается раскол на посткоммунистов и их противников. Местной спецификой является «двух с половиной партийная» система. Роль условной «половины», не раз предпрешавшей расстановку сил, судьбу кабинетов, а иной раз (как в Черногории) и государства, выполняют этнические партии национальных меньшинств (в этом смысле характерен правительственный кризис в Македонии, случившийся вскоре после провозглашения независимости Косово и вызванный позицией албанской партии). Настораживают крайне невысокий авторитет всех государственных и общественных институтов, кроме церкви и армии, и рост влияния национал-популистских течений антисистемной оппозиции.

Внешние факторы – европейский пример и прямое воздействие Брюсселя, компенсирующие недостаточность внутренних ресурсов демократии, – являются эффективными, пока перспектива приема в Европейский союз считается главным орудием влияния. Однако Евросоюз, сделав допуск в свои ряды инструментом политики умиротворения, вынужден смягчать критерии для не вполне созревших кандидатов и ускорять интеграцию. Поэтому расширение ЕС на Балканы становится еще более политически мотивированным и еще менее социально-экономически оправданным, чем в случае принятия в свои ряды стран Центральной и Восточной Европы. Соответственно возрастает и цена этого расхождения между формальным «возвращением в Европу» стран региона и их подлинной «европеизацией». А Европейскому союзу предстоит очень тяжелая работа по адаптации «вернувшихся», чреватая проблемами для всего сообщества.

Разговор по существу

VOTEZ TOUJOURS

JE FERAI LE RESTE

«Проголосуйте, остальное я сделаю».
Французский плакат, 1968 г.

“Шестьдесят восьмой год был первым глобальным движением, распространяющимся в режиме реального времени, и в этом смысле он стал предвестием будущих перемен. Такого рода проявления возникают тогда, когда общество больше не способно реформироваться. И у вас, в России, неоднократно можно было наблюдать восстания и революции именно в те моменты, когда страна была не в состоянии измениться демократическим путем”

«Мы слишком многого требуем от современности»

Даниель Кон-Бендит

Даниель Кон-Бендит:

«МЫ СЛИШКОМ МНОГО ТРЕБУЕМ ОТ СОВРЕМЕННОСТИ»

*Сорок лет назад, весной 1968 года, по западным странам прокатилась волна студенческих выступлений. Буржуазное общество потребления, сформировавшееся в послевоенные годы, с одной стороны, сгладило социальные противоречия, с другой – зафиксировало жесткий статус-кво и унифицировало идейную базу общественного развития. Неприятие этого и всколыхнуло молодежь развитых государств. Выступления оказали огромное влияние на западную политику. Французский социолог Жак Рунник отмечает, что как раз тогда Европа обрела важное качество – способность интегрировать радикальные движения в политическую среду. Элиты, напуганные размахом протестов, пошли на самодиверсификацию: истеблишмент вобрал в себя элементы протестной идеологии и часть вождей бунта. Олицетворение этого – судьба **Даниеля Кон-Бендита**. Лидер студенческих протестов в Париже в мае 1968-го (а именно они стали апогеем тогдашних событий) сегодня возглавляет фракцию «зеленых» в Европейском парламенте и является одним из самых известных политиков Старого Света. С ним беседовала **Вера Медведева**.*

– Вы недавно выпустили книгу «Забудем май-68». Сегодня вы так же убеждены в правильности тогдашних действий и идеалов?

– Времена меняются, и сегодня я член Европарламента, поэтому должен действовать иными методами. Изменилась моя профессиональная позиция, но с фундаментальной точки зрения я продолжаю считать, что события тех лет были чрезвычайно важными для Франции, да и не только для нее: и для Соединенных Штатов, и для Польши, и для многих других европейских стран. Они послужили катализатором принципиально важных реформ, которые изменили западное общество. Шестьдесят восьмой год был

первым глобальным движением, распространявшимся в режиме реального времени, и в этом смысле он — предвестие будущих перемен. Я все так же убежден в правильности того, что делал тогда.

— **Насколько сейчас вам представляется легитимным бурный уличный протест с учетом того, что в современном демократическом обществе достаточно других методов для выражения недовольства?**

— Я не хочу ни оправдывать, ни осуждать бунты или восстания. Ведь такого рода проявления всегда возникают, если общество не способно реформироваться. И у вас, в России, неоднократно можно было наблюдать восстания и революции именно в те моменты, когда страна была не в состоянии измениться демократическим путем.

— **Вы как-то говорили, что сейчас труднее быть молодым, чем в 1968 году. Продолжаете ли вы так считать?**

— Да, сегодня быть молодым много труднее, чем в 1968 году. В обществе чувствуется гораздо больше неуверенности и беспокойности, а само оно стало более жестким. Массовая безработица, распространение СПИДа, экологические проблемы и изменение климата. Все это делает восприятие мира более трудным. Будущее пугает молодежь. Раньше такого страха не наблюдалось.

— **Сегодня складывается впечатление, что молодежь уже не стремится к переменам...**

— Общество, в котором разворачивались события 1968-го, отличалось от сегодняшнего. Минимальная безработица, устойчивый экономический рост, страна находилась на подъеме. Тогдашнее студенческое движение было наступательным, с определенной идеологической программой. Теперь же мы имеем массовую безработицу и отсутствие уверенности в завтрашнем дне, поэтому студенческие выступления носят скорее оборонительный характер. Молодежь защищается для того, чтобы не оказаться вытесненной на обочину и не пополнить ряды безработных. Протесты есть отражение боязни будущего, а движение 1968 года представляло собой попытку морального совершенствования устройства, вполне успешного с экономической точки зрения.

Молодежь хочет простых вещей, а именно ясных жизненных перспектив. Мы сейчас присутствуем при сложной трансформации, когда система образования функционирует плохо и молодые люди чувствуют себя дезориентированными. Они ищут новых ориентиров и стабильности, вернее, перспектив для будущей стабильности. То есть не мгновенного благополучия, а понимания

того, как строить свою жизнь и насколько следует рассчитывать в этом на помощь общества.

— **А почему вы считаете, что система образования работает плохо, — ведь Франция занимает в этой области одно из первых мест в мире?**

— Система образования отнюдь не эффективна, так как не отвечает скорости, с которой модифицируется общество. Назрела необходимость очень серьезных реформ в образовательной системе, причем не только во Франции, но и в Европе в целом.

— **Означает ли это большую «американизацию» образования?**

— Нет, это не имеет ничего общего с «американизацией». Я говорю о технологической модернизации, а также о большей автономии. Люди всегда должны иметь возможность выбора, а чтобы выбирать, им нужна определенная уверенность. И эволюционирование системы образования в сторону большей автономии как раз и придает большей уверенности студентам. Мне кажется, что современное образование должно прежде всего формировать умение и способность действовать автономно.

— **Заложили ли события 1968-го основы новой единой Европы, или, может быть, все наоборот?**

— Шестидесят восьмой год был не просто парижским либо чисто французским явлением — он превратился в общеевропейский феномен. В определенной степени он изменил Европу, сформировав единое политическое и культурное пространство, пусть даже эта общность вначале держалась на отрицании. Потом отрицание прежнего дало дорогу построению нового.

— **В Европе бывали разные периоды в том, что касается отношения к будущему единства, — от лучезарного оптимизма до опасливого пессимизма. Вы оптимист?**

— Европейский союз представляет собой особый этап трансформации национальных государств, которые переходят от государства-нации к наднациональным структурам. Это крайне сложная историческая эволюция. Поэтому, конечно, в данном процессе бывают и подъемы, и спады, и циклическое развитие. Но если говорить глобально, то европейские страны поняли: на определенном этапе необходимо поступиться частью суверенитета для того, чтобы продолжать играть серьезную роль в современном мире. И я отношу себя к оптимистам, хотя и осознаю всю сложность такого перехода.

— **Но со стороны иногда кажется, что сейчас в Европе наблюдается обратная тенденция, например подъем национализма.**

— Нет, я так не думаю. В Европе всегда присутствовали националистические и реакционные течения, но если посмотреть практически на любые крупные выборы, то окажется, что девяносто процентов европейцев не поддерживают силы, слишком явно проявляющие националистическую направленность. Конечно, невозможно отрицать существование групп, которые используют расистские лозунги или концентрируются лишь на отражении интересов каких-то маргинальных слоев населения. Это представляет определенную опасность. Но такие группы вовсе не ставят под угрозу саму демократическую систему и вряд ли способны реально прийти к власти. Так что их существование не может служить подтверждением того, что в Европе нарастают националистические тенденции.

— **И все же... Недавно французский философ Пьер Манан открыто признал, что сейчас в Европе, в частности во Франции, слишком много мусульман, поэтому общество не успевает их интегрировать. Количество переходит в качество.**

— Это просто идиотизм. Те же опасения высказывались в тридцатых годах по поводу евреев, а можно вспомнить, что когда-то избирательное право боялись предоставить женщинам. Проблема не в мусульманах, как таковых, и не в их национальных особенностях. Главная проблема — это интегрим, причем сейчас присутствует и католический интегрим, и православный, и мусульманский. Интегрим может быть связан с национализмом либо с расизмом, и поэтому можно сказать, что любой интегрим представляет опасность, в том числе, разумеется, и мусульманский, который превратился в реальную политическую силу. Но если против мусульманского интегрима во Франции нужно бороться, то это не означает, что страхи следует переносить на всех мусульман, поскольку ислам не тождествен интегриму. В противном случае завтра можно будет сказать, что если в обществе слишком много рыжих, то общество находится в опасности. Так что позиция философа, о которой вы говорили, мне кажется во всех отношениях расистской.

— **Сейчас в Дании и Нидерландах более явно, в других европейских странах более скрыто наблюдается своего рода «либеральная ксенофобия». Общество отторгает иммигрантов, пытающихся привнести в него чуждые нормы, противоречащие принципам открытости и толерантности. Западное общество должно активно защищать свои либеральные ценности?**

— Конечно, должно, и в частности отделение религии от государства. Но это относится к любым религиям, а вовсе не только к исламу. Точно так же можно сказать, что нужно отстаивать западные ценности и в отношениях с православной церковью. К сожалению, в современном мире очень часто получается, что церковные ценности представляют собой ретроградство. Например, я напому, что идея равенства мужчины и женщины не разделяется большинством религий. Именно поэтому я и говорю, что нужно защищать европейские ценности не от мусульманства, а от всех попыток реставрировать в нашем обществе авторитарность.

— **Европейцы сейчас не только разочаровались в столь пропагандируемом когда-то мультикультурализме, но и с опаской относятся к процессу глобализации, хотя он является порождением именно западных обществ. Большинство сторонников глобализации проживают сейчас в Третьем мире. Почему?**

— Я не думаю, что большинство жителей стран Третьего мира выступают за глобализацию, по крайней мере, за глобализацию в ее нынешнем виде. Граждане этих государств выступают скорее за мировую экономическую эволюцию. Глобализация же сама по себе в первую очередь несет выгоды крупным корпорациям, не важно, европейским или американским. Она несправедлива с социальной точки зрения и нерациональна с точки зрения психологии. Я далек от того, чтобы выступать против глобализации, но она должна регулироваться социальными и экологическими нормами.

— **Европейцы боятся глобализации, считая ее причиной экономических проблем, однако при этом их собственные социальные выплаты, которые ложатся на предпринимателей, чрезвычайно высоки. Из-за этого не создаются новые рабочие места. Как при отсутствии гибкости рынка труда Европа надеется решить проблему с безработицей?**

— Необходимы две вещи: гибкость и уверенность. Если большая подвижность рынка труда лишит людей уверенности в будущем, это создаст реальные проблемы. Хорошо известна скандинавская модель, которая удачно сочетает в себе и гибкость рынка труда, и социальную защищенность. При этом очень важную роль играет информация, а также система образования и переобучения, для того чтобы у людей была возможность искать работу в разных сферах.

Что же касается социальных выплат, то, например, европейские партии «зеленых» предлагают облагать налогами не только труд, но

и потребление энергии, то есть вводить своеобразный экологический налог. Сегодня, если мы хотим снизить давление социальных выплат на труд, можно облагать дополнительными налогами финансовые спекуляции и прибыль, полученную на фондовом рынке, то есть всю ту часть экономики, которая базируется не на производстве, а на спекулятивных действиях. Так появится возможность сократить социальные выплаты, не лишая государство средств, необходимых для поддержания его функционирования (прежде всего я имею в виду систему обучения, здравоохранения и безопасности). Социальные выплаты работодателей следует сократить, но компенсировать это повышением налогообложения других сфер, в первую очередь финансовых спекуляций.

— Приветствуете ли вы учреждение поста президента Европейского союза?

— Да, сейчас осуществляется институциональная реформа, в результате которой должны быть учреждены посты президента и министра иностранных дел Европейского союза. Все это является свидетельством укрепления политического суверенитета ЕС. И это — движение в правильном направлении.

— Болезненный вопрос для любых европейских политиков: что делать с Турцией? Многие опасаются, что ее принятие окончательно «размоет» Евросоюз.

— Было бы справедливо, более того, абсолютно уместно возобновить переговоры с Анкарой. Очевидно, что это затруднительно для обеих сторон, поэтому, конечно же, не стоит ожидать каких-то принципиальных шагов завтра или послезавтра. Но необходимо понять принципиальную вещь: переговоры требуют эволюции взглядов и Турции, и Европы, причем до сих пор ни та ни другая еще не эволюционировали должным образом.

Недавнее решение турецкого парламента о вторжении в Ирак (речь идет об операции против курдских боевиков. — **Ред.**) представляется чрезвычайно опасным. Но одновременно это показывает, что с политической точки зрения Турция уже играет существенную роль в европейской политике, поскольку ее действия затрагивают интересы многих стран — членов Европейского союза. Поэтому мы, европейцы, сможем гораздо эффективнее влиять на Турцию, если она будет частью единой Европы, — в то время как сегодня она ориентируется только на свою собственную историю, на драматическое противостояние турок и курдов и сильно из-за

этого рискует. Интегрированную Турцию намного легче успокоить, и легче избегать в будущем подобных конфликтов.

— Какая слабость Евросоюза представляется вам на сегодняшний день наиболее опасной?

— Сейчас распространены ощущения, что Европы «слишком много». Хотя, чтобы решать проблемы, которые связаны с изменением климата и которые влечет за собой глобализация, а также чтобы проводить действенную иммиграционную политику, мы нуждаемся в сильной Европе. Но продвинуться к еще большей интеграции непросто: движение это медленное и трудное.

Слабость Европы базируется, как ни странно, на ее успехе, поскольку он затмевает необходимость двигаться дальше. Процесс модернизации и реформирования ЕС чрезвычайно сложен. Именно поэтому необходимость иметь «больше Европы» одновременно является и слабой стороной. Ведь чтобы углублять интеграцию, надо задействовать механизмы, которые трудно запускать и которые медленно набирают обороты.

— А может быть, на предшествующих стадиях интеграции были допущены какие-то ошибки?

— Мы не можем описывать проблему, используя слово «ошибки». Посмотрите на историю единой Европы. Она начала создаваться после Второй мировой войны, поскольку тогда ни одна из европейских наций не могла претендовать на гегемонию. Германия была побеждена, Франция и Англия были заняты тем, как с наименьшими потерями расстаться со своими колониями. Не существовало ни одного государства, способного повести за собой Европу. Именно тогда и зародилась идея европейской кооперации. Но одновременно присутствовала и явная подозрительность по отношению к этой идее. Можно было наблюдать откаты назад и просто несогласие при конструировании даже единой экономической Европы, но потом мало-помалу европейцы пришли к выводу о необходимости создания и единого политического пространства. Чем глубже осознавалась необходимость не только экономической, но и политической интеграции, чем больше возникало предпосылок для ее осуществления, тем быстрее можно было двигаться вперед.

Именно в этом и состояла проблема или, если хотите, ошибка, поскольку существовали страны, которые видели единую Европу только с точки зрения общего рынка и экономической кооперации. И такой взгляд приходил в противоречие с идеей «политической»

Европы. Политическая интеграция должна была осуществляться через демократические процедуры. Это даже трудно назвать ошибкой, скорее это было условие данной исторической эволюции. Единая Европа существует всего пятьдесят лет, политическая интеграция еще меньше – около сорока лет. Что такое сорок лет в масштабах истории человечества? Один миг! Образование государств-наций насчитывает по меньшей мере четыреста лет. Мы иногда просто слишком много требуем от современности. Нам кажется, что процесс европейской интеграции идет медленнее, чем хотелось бы, только потому, что мы к этим сорока годам предъявляем такие же требования, как к прошедшим четырем векам. Если нам удастся и дальше развивать европейскую интеграцию – еще лет сто в таком же темпе, то это будет экстраординарным ритмом.

Именно поэтому я не хотел бы, чтобы употребляли слово «ошибка». Более точно было бы говорить: проблемы, сложности, затруднительные обстоятельства, но не ошибки. Поскольку в противном случае создается впечатление, будто существует некая волшебная палочка, которая могла бы все изменить. А мне не кажется, что мы могли бы делать что-то иначе, – ведь на наших глазах происходит глубинная трансформация истории.

– **Еще несколько лет назад Жак Ширак активно продвигал идею франко-германского «мотора». Сейчас новые члены ЕС нередко норовят конфликтовать по любому вопросу, как, например, Польша. Может быть, стоит опять вернуться к этой идее?**

– Что касается франко-германского «мотора», то здесь нужно быть очень внимательными. С одной стороны, действительно, та Европа, которая существует сегодня, просто не могла бы возникнуть без примирения Франции и Германии. Поэтому их союз вполне может считаться «мотором» – ведь он является исходной точкой единой Европы, к которой присоединились страны Бенилюкс, Италия, а затем и другие государства. И по отношению к сегодняшней единой Европе, состоящей из двадцати семи государств, мы также можем сказать, что нельзя двигаться вперед, если Франция и Германия не будут действовать совместно. Но в то же время один только франко-германский союз уже недостаточен. Франко-германский «мотор» необходим, однако для продвижения нужен и «бензин». В противном случае вся система окажется парализованной. И мне кажется, что слабость Ширака как раз и заключалась в его убеждении, будто бы союза между Францией и Германией будет вполне доста-

точно, чтобы вся остальная Европа присоединилась к их решениям. А это не срабатывает.

Если же говорить о том, как сегодня двигаться вперед, то чрезвычайно важно завершить конституционную реформу, а также преодолеть убежденность в необходимости единогласия. Возьмем проблемы, связанные с Польшей. Дело не в том, что у власти там находилось то или иное правительство. В конце концов, любая страна имеет право на сумасшедшее правительство. Проблема не в этом: политическое пространство, в котором сейчас находится Европа, подразумевает, что по каждому вопросу должно достигаться единодушие. И тогда получается, что мы просто не можем двигаться вперед. Отказаться от необходимости обязательного согласия означает признать, что не все европейские страны равны и могут иметь свое собственное мнение, но это равенство является демократическим, а вовсе не тождественно национальному суверенитету и не должно превращаться в диктатуру единодушия.

Для будущего продвижения вперед необходимо определить, а что же такое, собственно, единая Европа? Обязательно ли для всех членов ЕС признание Хартии основных прав, введение евро, присоединение к пограничным договорам и т. д.? Мне кажется, опасность, которая подстерегает сегодня Европейский союз, и заключается в том, что некоторые страны склонны рассматривать его как возможность выбирать из предложенного «меню», что им подходит, а все остальное отбрасывать. Например, англичане говорят, что они обойдутся и без признания Хартии основных прав. Польша тоже склонна действовать подобным образом.

Такой подход недопустим. Европа — это целостная концепция. Вы с ней соглашаетесь и воспринимаете ее всю целиком, без купюр либо отвергаете, но тоже целиком. Никто никого не заставляет быть членом Евросоюза. Но если уж какая-то страна вступила по своей воле в Европейский союз, то она должна подписать Хартию основных прав, отражающую наши общие ценности, ввести в обращение евро, который является базисом нашей экономической системы, присоединиться к договорам относительно общих границ и т. п.

В будущем основные дебаты развернутся между теми странами, которые принимают все общеевропейские принципы, и теми, которые норовят выбирать что-то одно и требуют к себе привилегированного отношения, а это совершенно не отвечает демократическим принципам. Именно в данном направлении и нужно вести борьбу

за будущее Европы, чтобы впредь ни у кого не было попыток настоять на своей исключительности.

— А вы верите в возможность новой серьезной конфронтации? Региональной или даже глобальной?

— Современное состояние глобализации способно породить скорее не мировую войну, а мировые конфликты. Мы видим, что весь мир оказывается вовлеченным в локальные конфликты, а следовательно, во много раз возрастает глобальная ответственность. И сегодняшнее беспокойство относительно невозможности урегулирования всех противоречий основывается среди прочего на том, что во многом еще не ясно, как именно в мире распределяется глобальная ответственность. Есть американская концепция однополярности, российская концепция, которая базируется на убеждении, что в мире существуют два полюса силы, и европейская, которая зиждется на многополярности, а также признании всеобщей ответственности. Последнее, в свою очередь, означает возможность создания организаций, способных заставить функционировать многополярную систему. Речь идет, к примеру, об ООН, Всемирной торговой организации и др. Но, чтобы заставить их работать эффективно, страны, которые в них входят, должны хотя бы в минимальной степени быть демократическими.

И сегодня мы как раз находимся в поиске демократической структуры многополярного мира. Например, активно обсуждается, как именно и кем должно использоваться право вето в Совете Безопасности ООН. Сейчас этот вопрос представляет собой реальную проблему, поскольку нынешнее состояние дел является наследием того соотношения сил, которое было в сороковых годах. Современные же условия существенно изменились. Или взять, например, Всемирную торговую организацию. Она сама себя ограничила, превратившись в структуру, которая только регулирует торговлю, а во все не выступает как организация, способствующая корректировке глобализации путем преодоления диспропорций, введения экологических и социальных норм, которые не могут сами по себе возникнуть в результате действия рыночных механизмов.

В условиях многополярности нужны новые формы демократического функционирования международной системы. Если мы не хотим американской гегемонии, не заинтересованы в конфронтации супердержав (а похоже, что мечтой Путина является как раз раздел мира между двумя «центрами силы»), то нужно найти фор-

Даниель Кон-Бендит

мы, которые сделают возможным реальный многополярный мир. Новыми центрами силы должны стать не только Европа, но и Китай, Бразилия, Индия, Африка и др. Организацию Объединенных Наций следует реформировать для того, чтобы она действительно отражала нынешний многополярный мир.

Многополярность не является каким-то аргументом против Америки либо против России — это прежде всего признание ответственности всего мира за то, что происходит на нашей планете. Сегодня многие страны отнюдь не уверены в том, что они хотят взять на себя такую ответственность. Например, европейцам совершенно не хочется втягиваться в ближневосточный или иракский конфликты, ведь далеко не ясно, как преодолеть даже более близкий балканский кризис. Мне кажется, что желание не отдавать решение мировых проблем на откуп одной либо двум супердержавам, должно быть также проявлением того, что у остальных присутствует четкое и осознанное намерение заниматься множеством вещей, которые не имеют к ним прямого отношения.

Игра с нулевой суммой?

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв, президент США Рональд Рейган, вице-президент США Джордж Буш

“ Для СССР урегулирование проблем, связанных с окончанием холодной войны, было тем необходимым этапом, за которым должна была начаться совместная с США работа. Администрация Буша остановилась на первой части уравнения. Созидание общими усилиями лучшего мира, как предлагал в конце своего правления Рональд Рейган, ее не вдохновило. Важнее, видимо, было войти в историю победителями ”

О прошлом, которое продолжается

Анатолий Адамишин

114

Противоракетная оборона: история и перспективы

Павел Золотарёв

130

Мораторий на ДОВСЕ и безопасность Южного Кавказа

Сергей Минасян

143

О прошлом, которое продолжается

Окончание холодной войны как упущенный шанс

Анатолий Адамишин

Стране нашей, обретающей уверенность в своих силах и все еще до конца не определившей, куда направить новую энергию, стоило бы взглянуться в недавнее прошлое. Особое место в нем занимают события, связанные с окончанием холодной войны.

То был подлинно тектонический сдвиг в международных отношениях. Он вобрал в себя прекращение сорокалетней конфронтации между Востоком и Западом, воссоединение Германии, выход Восточной Европы из сферы советского влияния, демократическую революцию Михаила Горбачёва, распад Советского Союза и поражение коммунистической идеологии.

Все очевиднее, что решения тех лет до сих пор формируют мировую обстановку. А поскольку нынешнее положение дел мало у кого вызывает энтузиазм, возникает закономерный вопрос: не были ли упущены в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия уникальные возможности?

Опубликованные архивные материалы, мемуары основных действующих лиц делают представления о том времени более объемными, становится понятнее, что происходило на «той» стороне. И в моих собственных записях, до которых, наконец, дошли руки, нашлось кое-что интересное.

А.Л. Адамишин – Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, в прошлом – заместитель министра иностранных дел СССР (1986–1990), первый заместитель министра иностранных дел России (1993–1994), министр РФ по делам СНГ (1997–1998). Член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

«НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ» – ОПАСНЫЙ СОБЛАЗН?

Итак, после четырех десятилетий конфронтационного застоя приходит взрывной период. К счастью, не в буквальном, ракетно-ядерном, смысле, хотя вполне могло случиться и такое. Взрывной с точки зрения разброса путей дальнейшего развития мировой политики – от военных столкновений различного масштаба до полного примирения бывших противников и перехода к реальному сотрудничеству. Между этими крайностями – масса промежуточных вариантов.

Спусковым крючком послужила горбачёвская перестройка. Упор был сделан на прорыв в отношениях с Соединенными Штатами. Тогда это была ось, вокруг которой строилась мировая стабильность. И администрация Рональда Рейгана при всей своей непоследовательности и противоречивости отвечала на советские инициативы с растущей готовностью. К моменту перехода власти от Рейгана к Джорджу Бушу-старшему (январь 1989 г.) был создан солидный задел, особенно если учесть, с какого низкого уровня был взят старт.

Во-первых, заключен договор о ликвидации американских и советских ракет средней и меньшей дальности (Договор РСМД, декабрь 1987 г.). Не об ограничении, что бывало и раньше, а впервые в истории о физическом уничтожении целого класса вооружений. В этом качестве документу так и суждено было остаться уникальным. Пентагон, кстати, отговаривал Рейгана от подписания: слишком явные преимущества давали размещенные в Западной Европе американские «Першинги» и крылатые ракеты, тогда как советские «Пионеры», больше известные как СС-20, территории США не достигали. Один из «ястребов», Ричард Пёрл, даже вышел в отставку в знак протеста.

Во-вторых, 15 февраля 1989 года последний советский солдат (им окажется генерал Борис Громов) покинул Афганистан, причем в соответствии с соглашением, которое подписала также и администрация Рейгана.

В-третьих, в декабре 1988-го в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке подписаны документы об урегулировании еще одного застарелого конфликта – на юго-западе Африки. Развязан этот узел не в последнюю очередь совместными усилиями Соединенных Штатов и Советского Союза. (Беру на себя смелость отослать интересующихся к моей книге «Белое солнце Анголы», издательство «Вагриус», Москва, 2001 г.) Свое участие в выходе СССР из этого конфликта, второго после Афганистана по степени напряжения наших сил, я

считаю одной из наиболее памятных страниц моей сорокалетней мидовской службы.

В-четвертых, впервые в повестку дня советско-американского диалога включена тема прав человека. Это сразу же позитивно сказалось на других направлениях. В январе 1989 года успешно завершилась Венская встреча государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). От провала ее спасли совместные усилия Соединенных Штатов и Советского Союза, что я могу смело засвидетельствовать, ибо приложил к этому руку. Американцы — вмешался непосредственно госсекретарь Джордж Шульц — поддержали советское предложение о созыве гуманитарной конференции в Москве, что тогда дорогого стоило.

СССР был готов двигаться дальше. В речи Михаила Горбачёва на сессии Генеральной Ассамблеи ООН (декабрь 1988 г.) не только дана развернутая программа оздоровления международной политики. Объявлено о крупных практических шагах: в течение следующих двух лет мы в одностороннем порядке сократим свои Вооруженные силы на полмиллиона человек, 10 000 танков, 8 500 единиц артиллерийского оружия, 800 боевых самолетов. Европа — в радостном ожидании: на этот раз, на фоне исторических перемен в Советском Союзе, разрядка пришла по-настоящему.

Неожиданно веет ледяным холодом из Вашингтона. Почти сразу после инаугурации Джорджа Буша-старшего тональность заявлений резко меняется. Теперь это чаще предостережения насчет того, что подлинные советские намерения далеко не очевидны, что доверчивые янки должны быть настороже и не только сохранять, но и наращивать военную мощь, в первую очередь ядерную. И вообще нынешнее поведение основного противника Америки не более чем аберрации. Об этом говорится во всеуслышание. Внутри же администрации США, как явствует из обнародованных теперь материалов, шли дальше: упрекали Рейгана и Шульца за то, что они поддались очарованию советских руководителей. На деле же новые кремлевские лидеры просто более изощренные, чем их предшественники, а значит, и более опасные.

Почти полностью сменилась американская внешнеполитическая команда, как будто к власти пришла другая партия, а не осталась все та же, республиканская. Ключевыми фигурами становятся: генерал Brent Скоукрофт в качестве помощника президента по национальной безопасности; его главный помощник — Роберт Гейтс,

бывший замдиректора ЦРУ (сейчас он министр обороны в администрации Буша-младшего); Ричард Чейни — министр обороны (нынешний вице-президент); Джеймс Бейкер — госсекретарь. Последний в своих мемуарах не скрывает беспокойства по поводу того, что инициативы Горбачёва способны расколоть западный альянс.

Горбачёва следовало остановить, пока его новое мышление, его общий европейский дом не начали вбивать клинья в отношения между США и Западной Европой. Исчезает главная сцепка — советская угроза. Если СССР выводит значительный воинский контингент с территории своих союзников по Варшавскому договору, зачем такое количество американских войск в Европе? Под вопросом военно-политический оплот Вашингтона — Североатлантический союз. Уж его-то надо сохранить при любых обстоятельствах. А эти бесконечные инициативы в области разоружения? Того и гляди начнутся трудности с Конгрессом по части военных ассигнований. Наконец, у союзников появляются сомнения насчет лидирующей роли Соединенных Штатов в мире.

«СНЯТЬ ВОЕННЫЙ САПОГ КРЕМЛЯ»

После прихода к власти новой администрации (январь 1989 г.) Вашингтон взял паузу на предмет критического пересмотра своего курса по отношению к Советскому Союзу. Это, естественно, было неприятно для Кремля, где радовались победе Джорджа Буша-старшего и, более того, заранее получили некоторые обнадеживающие сигналы. «Все остановилось», — пожаловался в моем присутствии советский премьер-министр Николай Рыжков британскому премьеру Маргарет Тэтчер. Та успокаивала: поговорю, мол, с Бушем. Горбачёв, как следует из его воспоминаний, чувствует себя невестой, брошенной у алтаря. Американисты в МИДе утешают: все вернется на круги своя, к взаимодействию, начавшемуся с Рейганом. Но не тут-то было.

Пауза на американо-советском направлении продлится почти весь год: Горбачёв и Буш впервые встретятся лишь в декабре на Мальте. К тому времени карты будут сданы да и игра сыграна: достаточно сказать, что уже не будет Берлинской стены. Вашингтон не мог не знать, что советский лидер, испытывая сложности у себя дома, заинтересован в успехе на мировой арене. Но в Белом доме действуют в соответствии с директивой, принятой весной этого года по завершении пересмотра политики на советском направлении. Как

пишут в книге «На самом высоком уровне» (1993) Майкл Бешлос и Струоб Тэлботт, суть нового курса — «не помогать Горбачёву, а двигать его в нужном для США направлении». Главным ориентиром выбран регион Восточной Европы. Скоукрофт определит ключевую задачу следующим образом: «Попытаться снять военный сапог Кремля с шеи восточноевропейцев».

В Москве же надеются, что в восточноевропейских столицах появятся свои Горбачёвы. Освобожденные от опеки Кремля, они обеспечат прорыв социализма с человеческим лицом. Вероятно, так и могло случиться, если бы двумя десятилетиями раньше не была задушена Пражская весна. Ныне же подавляющая часть восточноевропейцев не хотят ни гуманного, ни любого другого социализма. Вот когда приходится расхлебывать решение брежневского Политбюро ввести танки в Прагу, последовавшие за этим долгие годы застоя, а под конец уже и маразма. Кто знает, не будь Чехословакии-1968, может быть, не было бы и Афганистана-1979. Мы, наверное, не удержали бы в узде Восточную Европу, но, начав перестройку на двадцать лет раньше, сохранили бы обновленный Союз.

К сожалению, мы не представляли себе истинного положения дел в соцстранах. Друзья — так именовались наши союзники по Варшавскому договору — редко досаждали Москве неприятными новостями, даже когда сами были в курсе событий. Посольства тоже далеко не всегда давали объективную картину: мрачные краски были не в чести. Ортодоксия требовала видеть ситуацию такой, какой ей положено быть.

Для начала новая американская команда ревизует подход предыдущей администрации в, казалось бы, академическом вопросе: закончилась ли холодная война? Маргарет Тэтчер публично ответила на него положительно уже в ноябре 1988-го. Джордж Шульц, покидая пост госсекретаря, был весьма обеспокоен: сменившие его люди «не понимают того, что холодная война завершилась, либо же отказываются признать это». Беспокойство не было напрасным: для новой администрации холодная война продолжается. Она завершится лишь тогда, когда Восточная Европа «станет единой и свободной». Чуть позже, как вспоминают в книге «Объединенная Германия и преобразенная Европа» (1995) Филипп Зеликов и Кондолиза Райс, к этой формуле добавляется: «на основе западных ценностей». До того столь определенных заявок на пересмотр геостратегической обстановки в Европе западные руководители не делали.

Инициатива Генри Киссинджера в духе *Realpolitik* упорядочить перемены в восточноевропейских странах путем переговоров с Советским Союзом после некоторых колебаний отвергнута.

Если и договариваться, то насчет того, как лучше забрать. В Вашингтоне резонно исходили из того, что Михаилу Горбачёву сложно будет удержать то, что хочет уйти. На американцев работали и трудности, с которыми начал сталкиваться советский лидер внутри страны и, что еще хуже, в собственном стане.

С точки зрения геополитики Восточная Европа — это прежде всего ГДР. Если вы призываете восточноевропейцев к свободе (читай: к освобождению от Советского Союза), а экономическая помощь тесно увязывается с «политической либерализацией», не возникнет ли вопрос: что будет с существованием двух германских государств? До сих пор суть ответа на него была одинакова на Востоке и на Западе: сохранится статус-кво. Как долго? 20 марта 1989 года Скоукрофт пишет в докладной записке президенту Бушу: «Фактически никто в Западной Германии не надеется, что объединение произойдет в этом веке».

Подобный настрой следует переломить. Во главу угла действий по отторжению Восточной Европы от Советского Союза ставится воссоединение Германии. Более того, есть немало признаков того, что инициировал объединение Вашингтон. Американцы, а не западные немцы дали весной 1989-го начальный толчок движению, которое столь стремительно набрало темп. Команда Бонну «Вперед, мы вас поддержим» последовала из Белого дома. Вместе с четким обозначением цены: объединенная Германия должна остаться в НАТО и в других западных союзах, американские войска будут и впредь находиться на ее территории.

Американские политологи, в том числе бывшие дипломаты, с которыми мне удалось поговорить, горячо опровергают, что первое слово насчет объединения Германии прозвучало из-за океана. Один из них, близкий к Демократической партии, привел оригинальный довод: дескать, у тогдашней администрации не хватило бы сообразительности.

Но при всем том, что ход был рискованный, если учесть и советские войска, размещенные в ГДР, и нежелание европейских союзников видеть Германию объединенной, перспектива перехватить у СССР стратегическую инициативу виделась очень соблазнительной. Еще важнее была возможность направлять назревавшие сдвиги в

нужное американцам русло. К тому же над ними висел призрак Рапалло (советско-германский договор о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий, торгово-экономических связях, подписанный 16 апреля 1922 года в итальянском городе Рапалло в период работы Генуэзской конференции. – **Ред.**).

«ВЫХОД ЗА НЫНЕШНИЙ СТАТУС-КВО»

О смене курса, про себя называемой «выход за нынешний статус-кво», американцы предпочитают до поры до времени не говорить даже с союзниками по ту сторону океана. От объединения Германии, если бы его удалось провести на своих условиях, Вашингтон мало что терял, скорее выигрывал, западноевропейцы же – неизвестно.хлопот у них, во всяком случае, прибавлялось. Да и сама Германия надолго отвлекалась на внутригерманские дела, что и подтвердило последующее развитие событий.

Тем временем Горбачёв, преодолевая отчаянное сопротивление, осуществляет беспрецедентную либерализацию советского общества. В его арсенале катастрофически мало средств. Вот когда перестройка нуждается в понимании и поддержке извне, если, конечно, на первое место ставить заботу о демократии. Но именно в этот момент Вашингтон резко форсирует процессы воссоединения Германии и болезненного вытеснения СССР из Европы. На войне как на войне, даже если она холодная.

В первые месяцы 1989 года советники президента США рекомендуют ему оживить после многолетнего анабиоза германскую проблему. Один из аргументов состоял в том, что «Горбачёв может ухватиться за это первым».

В мае того же года Джордж Буш, отвечая в интервью на вопрос, скорее всего обговоренный заранее, заявляет: «Если воссоединения удастся достигнуть на подходящих условиях, что ж, это будет прекрасно». Наряду с этим принимается решение выступить с публичной мирной инициативой. Вот она – с виду смелые предложения в области обычных вооружений. Они бьют в уязвимое место Советского Союза – превосходство в данных видах оружия в Европе, отвлекают внимание от ядерных вооружений, где Соединенные Штаты и НАТО сильнее. Приурочено это к сессии Совета Североатлантического союза на высшем уровне. Члены НАТО довольны тем, что США возвращают себе роль лидера. Тем не менее формулировка по германскому вопросу в декларации Совета от 30 мая 1989-го

все еще осторожная: «Мы стремимся к такому миру в Европе, который позволит немецкому народу вновь обрести посредством свободного самоопределения свое единство».

На очереди — «продажа» идеи главным действующим лицам. В нынешних описаниях того периода не скрывается, что в контактах с высокими западногерманскими представителями первыми тему воссоединения поднимают американцы. Что примечательно, они встречают сдержанную реакцию. Это следует даже из беседы Буша с генеральным секретарем НАТО немцем Манфредом фон Вернером, запись которой рассекречена, как и многие другие материалы. Максимум, что позволяют себе западные немцы, — это вежливое подталкивание американцев к дальнейшим шагам.

Хотя в Бонне быстро понимают новую диспозицию, правительство ФРГ медлит. Как несколько лет спустя признался Хорст Тельчик, основной внешнеполитический секундант канцлера Гельмута Коля в вопросе об объединении, в начальный период США были далеко впереди немцев. Буш заговорил об актуальности германского вопроса в мае 1989 года. Ключевое заявление Коля насчет того, что вопрос этот вновь встал в международную повестку дня, относится к концу августа.

Почему Гельмут Коль и его команда не сразу поверили своему счастью? Боялись нарушить преждевременными вылазками и без того удачно складывавшуюся для них обстановку? Считали более надежным сперва «размягнуть» ГДР (уже несколько лет ФРГ оказывала ей немалую экономическую помощь), а уже потом уверенно брать созревший плод? Рискну предположить также, что иные западногерманские стратеги прикидывали, так ли выгодна сделка с американцами, навечно оставляющая их в НАТО, и нельзя ли сохранить за обретшей единство Германией полную свободу рук. Если подобные мысли и были, то они быстро сошли на нет, ибо для их воплощения в жизнь требовалась иная советская политика. Мы же успокаивали себя тем, что у нас в запасе лет эдак пятьдесят или сто, да и тогда решать будет история.

В мемуарах Михаила Горбачёва о воссоединении, вплоть до тех дней, когда оно стало неминуемым, практически не упоминается, даже когда он вспоминает свой визит в ФРГ в июне 1989-го и беседы с канцлером Колем. Должно быть, мы переоценили нежелание «старой» Европы видеть единую Германию. Главное же — вместе с тогдашними властями ГДР мы серьезно переоценили крепость восточногерманского режима. Руководитель страны Эрих

Хонеккер «достал» многих. Когда, наконец, в октябре 1989 года, за считанные недели до того, как рухнула Берлинская стена, его сменил Эгон Кренц, было уже поздно.

Подбодряемый и подталкиваемый американцами, а затем и населением Восточной Германии, Гельмут Коль решительно взял на себя роль ключевого игрока. ФРГ не считалась с расходами. Нелегко было гэдээровским немцам оставаться патриотами своей социалистической родины после того, как Бонн пообещал, что «полудеревянные» восточные марки будут обменены на полновесные марки ФРГ по курсу один к одному (это и было сделано). Скоординированная политика США и Западной Германии постоянно подбрасывала в печь свежие дрова. Магазины ГДР стали заполняться западными товарами, исчезли погранпосты, в пожарном порядке шли двусторонние переговоры об экономическом и политическом союзе. Вскоре стремительное скольжение вниз стало необратимым.

На короткое время я был непосредственно вовлечен в германские дела, принимая участие в первых заседаниях группы 2+4. Она была создана в феврале 1990-го, с тем чтобы обсудить внешние аспекты будущего объединения. От внутренних группа была отстранена (стараниями связки США — ФРГ), как мы тому ни сопротивлялись. Я стал трудиться на новом поприще, воодушевленный тем, что в годы перестройки удалось сделать на африканском и гуманитарном направлениях. До сих пор, однако, осталось тягостное чувство, что всерьез повлиять на выработку политики не удалось.

Такой пример: совещание 26 января 1990 года по германским делам у Михаила Горбачёва, которое он сам назвал в мемуарах решающим. От МИДа участвует один Эдуард Шеварднадзе, от ЦК — шесть человек. Ни первый замминистра Анатолий Ковалёв, возглавлявший специально созданную в МИДе рабочую группу, ни я, входивший в ее состав, приглашены не были. Михаил Сергеевич так, видимо, и не отделался от привычки опираться на партийный, а не на государственный аппарат. В МИДе и ЦК тон задавали люди, десятилетиями занимавшиеся Германией, многие уже в почтенном возрасте. Нельзя было не разделить их горечь по поводу происходящего, но лозунг «ни шагу назад», не подкрепленный реальными возможностями, повисал в воздухе.

До самого конца мы не могли и подумать, чтобы по своей воле изменить статус-кво, рисковать ГДР. Мы предпочли, отступая и ог-

рызаясь, ждать, пока она сама не уйдет. Возглавить неизбежное, как советовал когда-то Шарль де Голль, мы так и не попытались.

В итоге и отступление не удалось провести организованно. Разногласие было не только в дипломатических рядах. В самом Политбюро не было единства, что все чаще выходило наружу. У многих, думаю, на памяти открытое антигорбачёвское выступление Егора Лигачёва насчет распродажи ГДР. Из нашей реакции соперники нашли возможность выбирать то, что им больше подходило в данный момент. Горбачёв же и Шеварднадзе один день обсуждали условия объединения, а на другой могли сказать, что будут защищать ГДР до конца.

«ДОМ, РАЗДЕЛИВШИЙСЯ В СЕБЕ»

Да и сам Советский Союз все больше походил на «дом, разделившийся в себе», который, как сказано в Евангелии, «не устоит». Разлом шел по национальным границам. Были близки к уходу прибалты, пылал Кавказ, росли сепаратистские настроения на Украине. Наши руководители бросались от одной амбразуры к другой. На внутреннем фронте — целый ворох проблем, как застарелых, десятилетиями заматавшихся под ковер, так и новых, вышедших на поверхность, когда люди опьянели от свободы и гласности.

На внешнем же — глубокое неравенство в соотношении сил. Военная мощь у нас оставалась, войска, и немалые, еще стояли в ГДР и некоторых других странах Варшавского договора. Но здесь-то и проявилось противоречие, на которое долго закрывали глаза: ценой огромных усилий мы нарастили мощь, но можем ли мы ее применить? Армия действительно неплохо подготовлена: в одной только ГДР более 750 военных городков, 5 000 военных лагерей, 47 аэродромов, но возможно ли было в те месяцы вывести солдат из казарм? И не только из-за местных и международных условий. Накаленным было внутреннее соперничество, все шло в ход ради ослабления центра.

А что говорить о тех, кто считался нашими союзниками? Я помню мартовское (1990) совещание стран — участниц Варшавского договора в Праге. Несмотря на все наши увещевания, мы так и не смогли подтолкнуть «друзей» к хотя бы мало-мальски общему подходу к германским проблемам. Даже по вопросу неучастия объединенной Германии в НАТО добиться согласия не удалось. Еще бы, встреча проходила на второй день после выборов в ГДР, на которых победили сторонники фактического аншлюса.

Нам же противостоял сильный и, в общем-то, сплоченный соперник. Разногласия между натовцами, безусловно, были, но я не верю, чтобы они представляли собой реально используемый фактор, особенно в нашем тогдашнем состоянии. Американцы прикрывали Гельмута Коля от недовольства Франции, Англии, Италии, малых стран Европы. Если те путали ряды, их быстро призывали к порядку. Президент Франции Франсуа Миттеран, быстрее других сообразивший, что процесс уже не остановить, попытался получить что-то для себя. И добился: Коля обещал ускорить создание валютного союза в рамках западноевропейской интеграции и сдержал слово. Дольше других продержалась Тэтчер, но, все чаще оставаясь в меньшинстве, она довольствовалась небольшими уступками. Как справедливо отметили американские наблюдатели, у тех, кто противился быстрому воссоединению, были соответствующие устремления, но не было политики.

Вашингтон запугивал обеспокоенных союзников возможным нейтралитетом Германии, играл на том, что никто в НАТО не хотел, чтобы американские войска ушли из ФРГ. Коля в свою очередь страшил американцев Кремлем. 12 декабря 1989-го он говорил Джеймсу Бейкеру: «Если бы я промедлил с выдвижением десяти пунктов, Советы могли бы предложить объединение Германии в увязке с ее нейтрализацией подобно тому, как это сделал Сталин в 1952 году. Такой шаг витал в воздухе». (Желал бы я знать, замечу в скобках, где он витал?)

Но разночтения в тандеме США – ФРГ были редкостью. Для Вашингтона и Бонна задача облегчалась тем, что внутривосточная обстановка в восточноевропейских странах менялась не в пользу Советского Союза, а если говорить об идеологической составляющей, – не в пользу социализма. Это происходило прежде всего в ГДР, Польше (там уже в 1989-м на выборах победила «Солидарность»), а также в Венгрии (венгры в обмен на финансовое вливание открыли границу с Австрией, через которую ушли 40 тыс. жителей Восточной Германии).

Публика на той стороне была сугубо прагматичная и, мягко говоря, не без коварства. Многие же из нас оставались заложниками «идейности». Защита завоеваний социализма, даже когда это было нерационально, мешала проводить политику, которая на первое место ставила государственные интересы. Мидовский аппарат, говорю об этом с болью, в течение 28-летнего «самодержавия» Громыко год

за годом утрачивал способность творчески мыслить и работать. То, что именовалось принципиальностью, а на деле было простым, без разговоров, «нет», ценилось выше, чем стремление найти нестандартное решение, добиться компромисса. Даже в годы перестройки ситуация чаще всего складывалась следующим образом: как за разрядку — так никого нет, как дать отпор — так все здесь.

Подлинные намерения наших партнеров приходилось вышлущивать из-под двух-трех слоев словесных ухищрений. В одном случае мы явно запоздали: не уловили перемену в американской политике, то есть взятый Вашингтоном курс на скорейшее объединение Германии. На первых порах он проводился под аккомпанемент заверений: не принимайте те или иные словесные заявления в расчет, они делаются на «электорат», будьте уверены, что в любом случае ключи от объединения — в советских руках. А мы, видимо, исходили из того, что все еще оставалась в силе знаменитая формула президента США Джона Кеннеди, приведшая в свое время в бешенство германского канцлера Конрада Аденауэра: «СССР не позволяет объединения, Германия не будет объединенной».

То, что доверительно (и тем более наедине) внушали Горбачёву Буш или Коль, зачастую принималось за истину в последней инстанции. Когда же дошло до горячего, то Соединенные Штаты и ФРГ действовали на грани фола: в ход был пущен целый арсенал недоговоренностей, полуправды, обещаний, о которых загодя было известно, что они не будут выполнены.

Вот два хрестоматийных примера. Горбачёв тогда довольно умело оперировал категориями общеевропейского дома, в перспективе устранявшего пограничные линии в Европе, призывал шире использовать структуры Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, как уже созданные, так и те, что предстояло создать в будущем. Хельсинкский Заключительный акт СБСЕ не только закреплял границы, но и закладывал основы коллективной безопасности. Это была наша альтернатива противостоянию военно-политических блоков. Западные немцы не раз обещали, в том числе и на самом высоком уровне, что процесс объединения Германии будет инкорпорирован в общеевропейские структуры. Ничего подобного, естественно, не произошло: в дело пошли совсем другие конструкции.

Второй же пример — насчет клятвенных заверений и американских, и западногерманских руководителей, как конфиденциальных, так и публичных, что после вхождения объединенной Германии в

НАТО альянс ни на дюйм не продвинется на восток, — совсем уж непригляден. А ведь это делалось для того, чтобы выудить согласие на членство Германии в НАТО, чему мы долго и упорно сопротивлялись. К тому же в той обстановке быстротекущих перемен многие питали иллюзии, что военных блоков в Европе скоро вообще не будет. Подтверждение тому видели в трансформации Североатлантического союза, которое вроде бы началось на Лондонском саммите НАТО в июле 1990 года. Свою сущность альянс продемонстрировал позднее, в 1999-м, когда подверг бомбардировкам Югославию, впервые в своей истории применив вооруженную силу.

«СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ВЫИГРАЛИ ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ»

Есть итальянская поговорка, скорее, руководство к действию: «Ничего не отдавать, все забирать, требовать еще больше». Примерно так и вела себя американская администрация в отношении Михаила Горбачёва в 1989–1991 годах. Логическим завершением стали слова президента Джорджа Буша-старшего, торжественно произнесенные им в выступлении перед обеими палатами Конгресса в январе 1992-го: «Соединенные Штаты выиграли холодную войну».

Когда США нуждались в СССР во время первой войны в Ираке, Буш говорил по-другому: «Окончание холодной войны было победой для всего человечества». Выпячивание заслуг Соединенных Штатов не очень помогло: президентские выборы в ноябре 1992 года Джордж Буш проиграл Биллу Клинтону. Высмеивая претензии Джорджа Буша на победу в холодной войне, Клинтон говорил: «Это похоже на то, как петух думает, что рассвело потому, что он пропел».

Высказывания Буша были запоздалым, но зато наконец-то откровенным ответом на призыв Горбачёва к сотрудничеству. Окончание холодной войны советский генсек считал взаимной победой СССР и США, более того, всех здравомыслящих политических деятелей того времени.

Избавившись от конфронтации, Соединенные Штаты и Советский Союз могли бы стать подлинно стратегическими партнерами. Уже тогда вставали во весь рост грозные проблемы — от международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения до роста экстремизма всех сортов и оттенков. Лидеры перестройки предупреждали американцев, и я был свидетелем этого. Для нас урегулирование проблем, связанных с окончанием холод-

ной войны, было тем необходимым этапом, за которым должна была начаться совместная с США работа. Администрация Буша остановилась на первой части уравнения. Созидание общими усилиями лучшего мира, как предлагал в конце своего правления Рональд Рейган, ее не вдохновило. Важнее, видимо, было войти в историю победителями. А что могло бы быть более убедительным доказательством триумфа, чем развал Советского Союза, даже если это произошло после того, как холодная война закончилась теперь уже безоговорочно? Госсекретарь Джеймс Бейкер пишет в своих мемуарах, что холодная война испустила последний вздох 3 августа 1990-го, когда он достиг в Москве согласия о совместном осуждении агрессии Ирака против Кувейта.

Казалось, наступил звездный час Америки, которая утвердила себя полновластной хозяйкой в мире. Ей больше не нужна была даже союзная Западная Европа, не говоря уже о России. Так что говорить об упущенных возможностях можно лишь с большой натяжкой: их просто не взяли в расчет. Сознательно была выбрана цель — проецировать американскую мощь на обозримую перспективу и даже дальше. Голоса сторонников более взвешенного подхода заглушил хор тех, кто посчитал, что у Соединенных Штатов хватит сил на все.

Что же в итоге? Две войны, которым не видно конца, нарастающий ком международных проблем и все меньше желающих помогать США в их разрешении. Только ленивый не пускает критическую стрелу в адрес страны, чей рейтинг популярности снижается повсеместно. Американцы негодуют: почему? Ведь они поставили перед собой благородную цель — переустройство мира на принципах демократии. Но еще Робеспьер сказал: вооруженных миссионеров не любит никто.

ИСТОРИЮ НЕ ОБМАНЕШЬ

В заключение совсем уж гипотетическое предположение. Поддержит ли американская администрация Горбачёва, сумел бы он довести переустройство до успешного завершения?

Мой ответ таков: шансы Михаила Сергеевича, безусловно, повысились бы. Особенно если бы американцы, как их призывала Маргарет Тэтчер, выступили лидером политической и материальной поддержки горбачёвских реформ со стороны Запада. Я слышал от американских политологов слова насчет того, что история могла бы пойти по другому пути, остаться у власти Рейган. Но при всей ве-

сомости внешнего фактора он не был главенствующим. Сама лютня, как писал поэт, оказалась с трещиной.

Многолетними стараниями предыдущих вождей в стране была создана система, которая не выдержала испытание временем. Она великолепно служила интересам правящей верхушки, ставя ее выше всякой критики и делая ее никому, кроме себя самой, не подотчетной. Но господство несвободы обрекало страну на прозябание. В экономическом, технологическом и многих других отношениях мы всё больше отставали от того самого Запада, с которым сломя голову вступили в жесткую идеологическую и военную конфронтацию. К началу перестройки наша страна уже находилась в глубочайшем системном кризисе, малозаметном невооруженным глазом, вследствие того, что гласность была сведена к нулю. Попытка Горбачёва мягко изменить систему, реформировать экономическое и политическое устройство, вытянуть страну на социал-демократическую дорогу была задавлена партийной бюрократией изнутри.

К этому прибавилось то, что Вашингтон прошел мимо уникального исторического момента. Верх взяли сиюминутная целесообразность и приземленный прагматизм. Возможно, не хватило далекого стратегического видения таких великих американских президентов, как Вудро Вильсон и Франклин Делано Рузвельт. Отнюдь не случаен, кстати, выбор, сделанный американцами на заключительном этапе перестройки. Реформам Горбачёва, из последних сил ратовавшего за демократический социализм, они предпочли разрушительный антикоммунизм Бориса Ельцина.

Но и после того, как распался Советский Союз (Буш узнал об этом первым из телефонного разговора с российским президентом), после того, как в Кремле утвердилась новая власть, Соединенные Штаты мало что сделали для поддержки демократов. Скорее воспользовались слабостью России. Отношение к ней, как к «побежденной стране», выразилось и в расширении НАТО на восток, и в бомбардировках Югославии, и в выходе из Договора по ПРО. Отсюда же и упорное непризнание того, что интересы России на постсоветском пространстве имеют для Москвы существенное и в ряде случаев жизненно важное значение. Впрочем, ДНК внешней политики США известна и вряд ли изменится в скором времени.

Открытым остается другой, более важный вопрос: по какому пути идет Россия?

О прошлом, которое продолжается

Для выхода из глубокого кризиса 1990-х годов России, по мнению многих американских экспертов, неизбежно пришлось пройти через период восстановления авторитарных порядков. Но увековечивать формы политического устройства, весьма напоминающие те, что доказали свою несостоятельность в роковой для СССР период, означает наступать на те же грабли. Могущество ведь оказалось иллюзорным. Если страна хочет уверенно чувствовать себя на международной арене, быстро и адекватно реагировать на влияния извне, она должна выстроить свою внутреннюю жизнь в соответствии с такими политическими параметрами, которые дают наибольшую экономическую отдачу и помогают добиться наивысшего качества жизни. Особенно это верно во времена глобализации и стремительного технологического прогресса. России не уйти от демократии.

Историю не обманешь: в ней, равно как и в повседневной жизни, обычно происходит то, что и должно было произойти.

Противоракетная оборона: история и перспективы

Как превратить стратегическую проблему
в стратегический шанс

Павел Золотарёв

Противоракетная оборона (ПРО) превратилась в последнее время в одну из наиболее острых проблем международной политики. Намерение США развернуть третий позиционный район ПРО в Восточной Европе вызывает резкое несогласие России, которая угрожает ответными мерами. В Европе есть разные мнения о целесообразности американского проекта, да и в Вашингтоне хватает скептиков. Чтобы лучше понять сложившуюся ситуацию, стоит вспомнить, как формировалось отношение сторон к идее противоракетной обороны.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Проблема ПРО возникла после первых атак на Лондон немецких крылатых ракет «Фау-1» и «Фау-2» летом – осенью 1944 года. Достаточно быстро был сделан вывод, что реальным способом защиты может быть только противоракета. Однако между этим выводом (примерно 1946-й) и первыми испытательными пусками противоракет в Соединенных Штатах и Советском Союзе (1961–1962) прошло почти 20 лет. Столь длительное время потребовалось для развития радиолокационных технологий и наращивания скорости противоракет. Таким образом, с самого начала противоракетная оборона нуждалась в новых технологиях, стимулируя их поиск в достаточно широком научно-техническом диапазоне.

И Москва, и Вашингтон прорабатывали два варианта – непосредственное поражение цели (попадание «пулей в пулю») и мощный взрыв, позволяющий уничтожить цель на значительном удалении. Обе стороны практически одновременно пришли к выводу о

П.С. Золотарёв – к. т. н., замдиректора Института США и Канады РАН, профессор Академии военных наук, генерал-майор.

том, что приемлемый результат поражения может быть получен лишь при условии применения противоракет с ядерным боезарядом. Общим стал и вывод о целесообразности ограничить область прикрытия ПРО несколькими объектами из числа наиболее важных. Вплоть до 1964 года не возникало сомнений в том, что противоракетная оборона должна ориентироваться на поражение ракет противостоящей стороны (СССР или США). Приобретение ядерного статуса Китаем расширило диапазон ракетных угроз, но не повлияло на облик систем ПРО.

Необходимо отдать должное шефу Пентагона Роберту Макнамаре, госсекретарю Дину Раску, а затем и президенту Линдону Джонсону, которые в середине 1960-х первыми осознали необходимость таких ограничений. Их опасения были связаны с тем, что успешная попытка создания ПРО одной из сторон может вызвать опасную иллюзию неуязвимости и в определенной ситуации подтолкнуть к непоправимому решению применить ядерное оружие.

Военно-политическому руководству СССР было не до новых идей. Основные усилия Москвы концентрировались на сокращении отставания в сфере стратегических ядерных вооружений. Для этого имелись веские основания. После проведенных в Советском Союзе испытаний ядерного оружия Соединенные Штаты приступили к разработке реальных планов ядерной войны против СССР. Согласно плану *Trojan*, боевые действия предполагалось начать 1 января 1950-го. На то время США имели на вооружении 840 стратегических ядерных бомбардировщиков и свыше 300 атомных бомб. Однако в ходе штабных учений выяснилась неготовность Вашингтона к ведению превентивной ядерной войны, и поэтому вопрос сняли с повестки дня.

В 1953 году администрация Дуайта Эйзенхауэра приняла концепцию «массированного возмездия». В декабре 1960-го был составлен первый всеобъемлющий план ведения ядерной войны – Единый комплексный оперативный план (*Single Integrated Operational Plan, SIOP*). В нем постулировалось ведение против СССР только всеобщей ядерной войны с неограниченным применением ядерного оружия (ЯО).

В 1961 году на смену этому плану пришел *SIOP-2*. Он предусматривал проведение пяти взаимосвязанных операций:

- уничтожение советского ядерного арсенала;
- подавление системы ПВО;
- уничтожение органов и пунктов военного и государственного управления;

- уничтожение крупных группировок войск;
- нанесение ударов по городам.

Военно-политическое руководство США исходило из необходимости иметь такой состав стратегических ядерных сил (СЯС), который обеспечил бы реализацию концепции «гарантированного уничтожения» Советского Союза как жизнеспособного государства.

Возможность проведения упреждающего удара по центральным пунктам государственного и военного управления («обезглавливающий удар») и носителям ядерного оружия («контрсилового удар») позволяла Вашингтону надеяться на сведение к минимуму вероятности ответного удара. Сочетание планируемых упреждающих ударов с возможностями системы ПРО создавало ощущение, что победа в войне с СССР достижима, а ущерб от ответных действий может быть минимальным.

Советское руководство первоначально настороженно восприняло инициативы по ограничению систем ПРО. Однако внешнеполитическая ситуация подталкивала оба государства к поиску путей снижения напряженности в двусторонних отношениях.

Суть советской позиции сводилась к необходимости учитывать американские средства передового базирования в балансе стратегических сил. Соединенные Штаты придавали большее значение вопросу об ограничении ПРО. Американский подход, основанный на сокращении масштаба развертывания систем ПРО, в целом удовлетворял Москву. Тогдашний министр обороны США Роберт Макнамара сумел доказать советскому руководству, что создание ПРО является дестабилизирующим фактором. Далее обсуждение проблемы в основном касалось технической стороны — количества и расположения районов развертывания и деталей конфигурации системы.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (Соглашение ОСВ-1), подписанные в Москве в мае 1972-го, знаменовали собой качественные изменения в советско-американских отношениях. Ни одна из сторон не имела шансов нанести ядерный удар, не получив уничтожающего ответного удара, что стало фактором обеспечения стабильности отношений.

Тем не менее фиксация допустимого уровня развития систем ПРО не остановила развитие наступательных ядерных средств. Советский Союз постоянно оставался в положении страны, вынужден-

ной отвечать на очередной вызов: добиваться количественного паритета в стратегических ядерных вооружениях, реагировать на качественный отрыв Соединенных Штатов (принятие на вооружение разделяющихся головных частей), на размещение в Европе американских ракет «Першинг-2», способных нанести «обезглавливающий удар» по СССР, и т. д.

В марте 1983 года президент Рональд Рейган обнародовал новые планы США в рамках стратегической оборонной инициативы (СОИ). Есть основания считать, что программа «звездных войн» была нацелена на скачок в развитии передовых технологий, что в итоге и было достигнуто. Но как бы то ни было, в сложной для себя экономической и политической обстановке Советский Союз реагировал на СОИ со всей серьезностью и напряжением сил.

С началом процесса разрядки инициативы в области противоракетной обороны приобрели иную тональность. Президент США Джордж Буш-старший предложил переориентировать программу СОИ на создание системы ПРО для защиты Соединенных Штатов и их союзников, а также группировок войск от одиночных и групповых ударов — глобальной системы защиты от ограниченных ударов (ГЗОУ). Однако работа над такой системой требовала выхода за пределы ограничений Договора по ПРО. Взаимные консультации — сначала советско-, затем российско-американские — привели к предложениям российской стороны о совместной разработке и эксплуатации глобальной системы защиты (ГСЗ). На встрече в верхах в Кэмп-Дэвиде в феврале 1992-го президент Российской Федерации Борис Ельцин выдвинул инициативу трансформировать СОИ в международный проект с участием России. Эти предложения предусматривали открытость ГСЗ для всех государств, желающих участвовать в ее создании.

Однако Соединенные Штаты не были готовы к равноправному сотрудничеству. Символическое участие России в создании системы, заимствование некоторых передовых технологий допускались, но, судя по всему, ради одной цели — отказа от Договора по ПРО. Тем более исключалась идея создания международной системы, участвовать в управлении которой мог бы кто-либо, кроме Вашингтона.

Фактически предложения России были отвергнуты, однако из-за благоприятного политического фона это не нанесло ущерба отношениям. Более того, обе страны достаточно успешно развивали сотрудничество в области ПРО театра военных действий (ПРО ТВД).

Администрация президента США Билла Клинтона выдвинула компромиссный вариант системы противоракетной обороны — создание ограниченной национальной ПРО для защиты от единичных и групповых ударов. Благодаря ограниченным возможностям такая система не должна была вызывать беспокойство России и Китая, но требовала корректировки Договора по ПРО. Однако официальная позиция российской стороны не предполагала компромиссов. Ряд политических сил в России вновь подняли вопрос о совместной российско-американской системе противоракетной обороны, но на официальной позиции это не отразилось.

В июне 2000-го в ходе российско-американского саммита в Москве президент Владимир Путин официально выступил с инициативой о создании общеевропейской системы нестратегической ПРО в качестве альтернативы американской национальной ПРО. Соединенные Штаты согласились рассмотреть это предложение, но не как альтернативу своим планам, а как дополнение к программе национальной ПРО.

Бескомпромиссность России в отношении Договора по ПРО в конечном итоге вылилась в решение администрации Джорджа Буша-младшего о выходе из этого договора. Тем не менее возможность сотрудничества по ПРО продолжала декларироваться. Так, при подписании в Москве Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор СНП) в мае 2002-го была принята совместная декларация, согласно которой вопросы стратегической стабильности в новых условиях и сотрудничество по ПРО должны стать предметом дальнейшей совместной работы. Фактически с этой целью была образована комиссия в составе министров иностранных дел и обороны обеих стран. Однако ее работа не отличалась активностью. Поэтому обострение ситуации из-за намерений США разместить элементы системы ПРО в Польше и Чехии вполне закономерно.

Таким образом, вся история российско-американских отношений в сфере противоракетной обороны дает основания для того, чтобы относиться к американским планам с недоверием.

ИСТОКИ НЕДОВЕРИЯ

Фундаментальным фактором взаимного недоверия является высокая готовность стратегических ядерных сил сторон к применению из-за сохранения задачи взаимного ядерного сдерживания. Оба государства оказались заложниками средств, созданных

в период холодной войны, прежде всего межконтинентальных баллистических ракет (МБР) наземного базирования, которые не могут быть переведены в состояние пониженной готовности к пуску без нарушения штатного режима эксплуатации. Все наземные комплексы МБР находятся в состоянии готовности к применению в режиме ответно-встречного удара. И могут быть применены по сигналам системы предупреждения о ракетном нападении.

В результате сохраняется актуальность задача поддержания системы «взаимного гарантированного уничтожения». Отсюда и неизбежность поддержания баланса стратегических ядерных вооружений и стратегических оборонительных систем. Все это и создает фундамент взаимного недоверия, но в первую очередь недоверия России к Соединенным Штатам, поскольку она постоянно находится в положении догоняющего государства.

К числу факторов, порождающих недоверие российской стороны, можно отнести следующие обстоятельства.

США пытаются убедить Россию в том, что создаваемая система не направлена против нее. Вместе с тем подобное утверждение противоречит доктринальным подходам Вашингтона к построению оборонной политики. Соединенные Штаты декларировали, что исходят не из оценки угроз национальной безопасности, а из оценки возможностей других государств нести в себе такую угрозу. Россия — единственная страна, обладающая ядерным потенциалом, позволяющим уничтожить США. Нет оснований полагать, что, создавая многоэшелонную и крайне дорогостоящую систему противоракетной обороны, Вашингтон не предусматривает возможность уничтожения российских стратегических ракет.

Все предварительные проработки вариантов сотрудничества и совместного создания системы противоракетной обороны наталкиваются на желание американской стороны ей управлять.

При этом элементы ПРО в Польше и Чехии могут оказаться лишь первым шагом всей этой системы на европейском континенте. Как и в случае с расширением НАТО, Россия снова может услышать рассуждения о праве каждого государства на защиту от возможной ракетной угрозы. В результате в западной части Европы будет развернута значительная группировка средств ПРО, способная нарушить стратегический баланс сил.

Москва давала понять Вашингтону, что системы противоракетной обороны, расположенные на территории России, позволяют

оптимальным образом отражать ракетные угрозы с южного направления. Однако американцы не проявили интереса к такому сотрудничеству. Наряду с этим нет недостатка в информации о намерении США разместить элементы ПРО на территориях к югу от Российской Федерации. Это свидетельствует о двойном назначении американской системы: и против угроз с юга, и против России.

По оценкам ряда российских и американских экспертов, противоракеты, обладающие скоростью 4,5–9 км/сек., способны уничтожать цели, расположенные на расстоянии 2 000–2 500 км от места их дислокации (в данном случае на северо-востоке Польши). Исходя из этого, делаются предположения о том, что элементы системы ПРО в Восточной Европе могут быть задействованы против ракет, расположенных в Саратовской, Челябинской и Оренбургской областях. При скорости порядка 9 км/сек. противоракеты будут способны поражать ракеты, стартующие из любой европейской части России, в том числе вдогонку за боевыми блоками.

Кроме того, у российских экспертов есть опасения, что и по функциональным возможностям элементы системы американской ПРО в Европе будут заметно превосходить декларируемые характеристики. Нельзя исключать, что противоракеты в Польше легко переоборудовать в боевые. Последним понадобится незначительное подлетное время для поражения важных объектов на территории России. Вполне вероятно также, что противоракеты будут функционально пригодны для решения задач противоспутниковой борьбы. Нет гарантии, что они не станут использоваться для уничтожения космических ракет, запускаемых с российского космодрома в Плесецке.

Нельзя не учитывать, что планируемая РЛС в Чехии способна контролировать всю ракетно-космическую деятельность в европейской части России, в том числе и на полигоне Плесецк, а также акватории Баренцева, Белого и Карского морей, то есть зону действий Северного флота РФ, и т. п.

Наращивание боевых возможностей системы противоракетной обороны связано с развитием космической компоненты, позволяющей уничтожать боевые блоки на пассивном участке полета. Весьма вероятно, что это повлечет за собой появление системы американской ПРО, способной эффективно отражать ответные действия СЯС России.

Планы Соединенных Штатов, нацеленные на то, чтобы сформировать одновременно с оперативно развернутыми СЯС значительный возвратный потенциал и наметить перспективу эффективной системы национальной ПРО, могут привести к разрушению стратегического баланса сил между двумя основными ядерными государствами. Это нанесет серьезный ущерб стратегической стабильности в глобальном масштабе.

В то же время, несмотря на значительный потенциал недоверия, система ПРО способна существенно содействовать обеспечению безопасности в условиях ядерной многополярности.

ПРО В УСЛОВИЯХ ЯДЕРНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Ядерная многополярность означает существование нескольких групп государств:

- официально признанные ядерные государства (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай);
- непризнанные ядерные государства, открыто заявившие о наличии у них ядерного оружия (Индия, Пакистан);
- государства, не признающиеся в обладании ядерным оружием (Израиль);
- государства, имеющие мотивацию к обладанию ядерным оружием и необходимый для этого научно-технологический потенциал (КНДР, Иран);
- государства «латентные», т. е. способные создать ядерное оружие, но в силу политической и военной нецелесообразности воздерживающиеся от перехода в разряд ядерных (Аргентина, Бразилия, Южная Корея и др.).

Нарастающие проблемы с энергоресурсами делают неизбежным распространение ядерных технологий. В результате ядерная многополярность будет расширяться, а ракетно-ядерные угрозы — возрастать.

Системы ПРО способны снизить мотивацию к обладанию ракетно-ядерным потенциалом, а также уменьшить либо предотвратить ущерб от возможного применения ракетно-ядерного оружия.

Но проблему ПРО необходимо решать так, чтобы это не привело к нарушению стратегического баланса сил между основными ядерными государствами.

Существует ряд особенностей построения систем ПРО. Достаточно указать на следующие.

- Ракетно-ядерная опасность может возникнуть с разных географических направлений. Поэтому система противоракетной обороны должна быть достаточно гибкой.

- Преднамеренное применение официально признанными ядерными государствами ядерного оружия друг против друга практически исключено ввиду полной бессмысленности. Но поддержание баланса ядерных потенциалов может еще длительное время сохранять политическую актуальность, влияя тем самым на отношение к появлению системы ПРО у одной из сторон.

- Наиболее актуальны угрозы применения ракет малой и средней дальности в ядерном оснащении непризнанными, непризнающимися или будущими ядерными государствами, но в перспективе не исключены угрозы применения межконтинентальных баллистических ракет.

- Система ПРО эффективна лишь при условии, что она способна поразить цель на различных участках траектории полета ракеты и боевых блоков.

- Эффективная система противоракетной обороны не может быть создана на территории одного государства из-за неопределенности направлений движения ракет и необходимости поражения целей на различных участках траектории полета.

- Рассредоточение средств ПРО неизбежно будет вызывать опасения государств, обладающих ракетным потенциалом и попадающих в зону действия этих средств.

- Опасения в связи с размещением вблизи национальной территории средств ПРО могут быть сняты в случае участия других государств, обладающих ракетно-ядерным потенциалом, в процессе управления этими средствами.

- Оптимальной с точки зрения затрат может быть система, использующая национальные средства ПРО государств, расположенных вблизи ракетоопасных направлений.

- Оптимальная ПРО – совместная (коллективная) по построению. Ее система управления должна позволять совместное использование национальных информационных и огневых средств, а также участие в управлении боевых расчетов от государств-партнеров.

Применительно к существующим средствам и системам можно предположить, что в состав совместной (коллективной) системы ПРО должны входить:

- национальные средства систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН);
- национальные мобильные (наземного, морского и воздушного базирования) и стационарные огневые комплексы систем ПРО для поражения ракет на активном и пассивном участках траектории их полета;
- национальные наземные противоракетные комплексы, включая радиолокационные средства наведения, для поражения боевых блоков ракет на пассивном и конечном участках полета;
- совместные (многонациональные) средства и пункты управления, которые позволяют в комплексе использовать национальные средства ПРО различных государств, принимающих участие в создании системы противоракетной обороны.

Впоследствии в составе системы ПРО могут появиться космические средства поражения боевых блоков на пассивном участке траектории их полета.

Очевидно, что элементы противоракетной обороны, размещаемые на национальной территории, должны находиться в собственном управлении, что, однако, не отменяет возможность их применения в составе общей системы. Средства ПРО для поражения боевых блоков ракет на конечном участке траектории их полета, вероятнее всего, нет смысла включать в состав совместной системы противоракетной обороны. Однако необходимо информационное сопряжение национальной системы ПРО и элементов совместной системы. Лишь зная результаты действия совместной системы ПРО, можно эффективно решать задачу уничтожения сохранившихся боевых блоков.

Если брать за основу принятый более 10 лет назад российско-американский Меморандум об открытии в Москве совместного Центра обмена данными (ЦОД), то необходимо выделить несколько важных позиций, предусмотренных этим документом.

Во-первых, предполагается сделать ЦОД открытым для участия в его работе представителей других стран.

Во-вторых, участники ЦОДа обязаны заблаговременно предоставлять уведомления о предстоящих пусках ракет (испытательных, учебно-боевых, научных), запусках космических аппаратов и т. д.

В-третьих, на первом этапе ЦОД должен оснащаться национальными техническими средствами отображения информации от СПРН, но в последующем предусматривается их сопряжение.

Фактически ЦОД может послужить фундаментом для создания совместной системы управления противоракетной обороной. Но

возможно ли в принципе коллективное управление столь сложными структурами? Не получится ли так, что, пока будет вырабатываться совместное решение, оно окажется уже ненужным? В этой связи необходимо отметить следующее.

В условиях ограниченного времени огневые средства систем ПРО эффективны лишь в автоматическом режиме функционирования. Временной дефицит не позволяет в автоматизированном режиме (при участии человека) сопровождать цели, распределять средства для их поражения, осуществлять их запуск и наведение на цель.

С учетом этой особенности на пункт управления системы региональной ПРО, вероятнее всего, могут возлагаться следующие функции:

- сбор и отслеживание информации о состоянии национальных огневых комплексов, предоставленных для использования в составе объединенной системы региональной ПРО;

- перевод огневых комплексов в то или иное состояние готовности с учетом информации, получаемой из различных источников, в том числе от национальных СПРН;

- сбор и анализ информации о ходе выполнения задач по поражению целей на различных участках траектории их полета (для оптимального использования всех имеющихся в распоряжении средств).

При таком наборе функций реальна постановка вопроса о совместном пункте управления. Сами огневые комплексы будут действовать в автоматическом режиме при условии их заблаговременного перевода в необходимую степень готовности.

Очевидно, что на сегодняшний день актуальна постановка вопроса о региональной системе противоракетной обороны. Мобильный характер большинства существующих комплексов ПРО (С-300, С-400, *Patriot*, *Aegis* и пр.) позволяет реализовывать гибкую архитектуру системы, способную к развертыванию на различных ракетно-опасных направлениях. Определенный опыт региональных ПРО уже накоплен. Есть основание и необходимый технический задел для осуществления комплексного применения и управления существующими национальными средствами противоракетной обороны.

ИСКУССТВЕННЫЙ ТУПИК

Комплекс ПРО в Восточной Европе имеет целью защитить Соединенные Штаты от межконтинентальных баллистических ракет в неопределенной временной перспективе. Совместные же с Росси-

ей работы по созданию европейской системы ПРО приостановлены. Выходом из создавшегося тупика призвана быть ориентация на главный принцип — не нарушать баланса сил между основными ядерными державами. Однако озабоченность Москвы как раз и состоит в том, что этот принцип может быть нарушен.

Из отмеченных ранее особенностей построения систем противоракетной обороны следует, что наиболее эффективный путь решения возникшей проблемы был предложен российским президентом. Открытие в Москве и Брюсселе Центров обмена данными и включение в систему российских радиолокационных средств закладывают фундамент для совместного построения системы ПРО как регионального, так и глобального масштаба.

Однако из американской позиции следует, что США готовы включить российские элементы противоракетной обороны в систему, но не готовы к совместному управлению ею. И всё же сдвиги в поведении Соединенных Штатов наметились. Во всяком случае, сам факт сделанного российской стороне предложения о мерах по наблюдению за элементами системы ПРО в Польше и Чехии говорит о признании озабоченностей Москвы обоснованными.

По всей вероятности, мы находимся в самом начале поиска компромиссных вариантов. На недавнем саммите НАТО в Бухаресте одобрены предложения о размещении элементов американской ПРО в Европе, но одновременно говорилось и о необходимости создания европейской системы ПРО. В этих условиях возможны два компромиссных варианта.

Первый и самый простой связан с углублением предложений США по контролю, который российские эксперты могли бы осуществлять за элементами системы ПРО в Польше и Чехии. Предложения Соединенных Штатов еще до конца не выработаны, но можно утверждать, что они окажутся приемлемыми лишь в том случае, если позволят контролировать выполнение следующих технических условий:

- исключение возможности использовать радиолокационные средства, дислоцированные в Чехии, на российском направлении;
- исключение намерения переоборудовать противоракеты в боевые ракеты;
- предотвращение угрозы применения противоракет для поражения российских МБР и космических ракет.

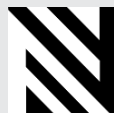
Очевидно, что такой контроль не может быть основан на периодических экскурсионно-инспекционных проверках. Необходи-

Павел Золотарёв

димо, чтобы российские специалисты постоянно находились на объектах. Но недостатки данной модели тоже очевидны — ведь их присутствие может быть прервано в случае обострения ситуации и требует согласия со стороны Польши и Чехии.

Второй вариант, как наиболее рациональный с точки зрения создания эффективной системы ПРО, не нарушающей баланса сил, — принятие российских предложений по совместному построению системы и, главное, управлению ею.

Каким будет решение, в значительной степени зависит от результатов президентских выборов в США — вероятнее всего, оно будет носить промежуточный характер. В дальнейшем не исключено постепенное движение в сторону российских предложений, не преследующих цель получить односторонние преимущества и наиболее рациональных с точки зрения построения эффективной системы ПРО.

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

Имей мужество мыслить!

Вам помогут Наши книги в сериях

■ **Библиотека Московской школы политических исследований**

■ **Культура. Политика. Философия**

■ **Своевременная мысль**

Наш журнал

Общая тетрадь

Вестник Московской школы политических исследований

Наши координаты:

123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21, 22

тел./факс: (495)202-85-01, 299-99-04

Получить информацию о книгах вы можете на сайте www.msps.ru

Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ

Региональное эхо большой политики

Сергей Минасян

14 июля 2007 года президент Российской Федерации Владимир Путин подписал указ о приостановке выполнения Москвой положений Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Формально основным мотивом этих действий явился отказ от ратификации большинством стран-участниц адаптированного варианта ДОВСЕ, что якобы ставит Россию в невыгодные условия по отношению к ее западным партнерам после расширения НАТО.

С декабря 2007-го Москва начала осуществлять мораторий на выполнение положений ДОВСЕ и дала другим странам-участницам еще 150 дней – до 1 июля 2008 года (в соответствии со статьей XIX Договора) – для полноценной ратификации адаптированного ДОВСЕ. Если к данному сроку этого не случится, Россия оставляет за собой право полностью выйти из Договора. Для придания большей политико-правовой значимости инициативе российского президента 7 ноября 2007-го специальный законопроект приняла Государственная дума РФ.

ДОВСЕ И АДАПТИРОВАННЫЙ ДОВСЕ

Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан 19 ноября 1990 года в Париже 22 странами, входившими в Организацию Варшавского договора (ОВД) и НАТО, и вступил в силу в ноябре 1992-го. Документ определял количественные ограничения на развертывание обычных вооружений и военной техники (ВВТ) в Европе (от Атлантики до Урала) по пяти основным категориям: это танки, боевые бронированные машины (ББМ), артиллерия калиб-

---

Сергей Минасян – к. и. н., руководитель департамента политических исследований Института Кавказа (Ереван).

ром от 100 мм, боевые самолеты и ударные вертолеты. Чтобы уменьшить концентрацию вооружений и исключить ситуацию внезапного нападения одного из противостоящих военных блоков, число танков, бронемашин и артиллерийских систем было лимитировано в четырех зонах: Центральной Европе, расширенной Центральной Европе и тыловом районе. Отдельно на севере и юге зоны применения ДОВСЕ выделялись фланговые районы.

После распада СССР советскую квоту вооружений разделили на Ташкентском саммите СНГ (15 мая 1992 г.) между новыми независимыми государствами. Исчезновение ОВД и Советского Союза, ликвидация блокового противостояния в Европе и вступление в НАТО восточноевропейских стран вынудили пересмотреть основные положения ДОВСЕ. Бывшие государства — члены ОВД перешли в НАТО со своими уровнями по ВВТ, а по Договору фактически продолжали действовать сбалансированные блоковые ограничения. Кроме этого, Россия была особенно недовольна так называемыми фланговыми ограничениями в «старом» ДОВСЕ и созданными «серыми зонами» на территории ряда стран, вступивших в Североатлантический альянс, но не присоединившихся к ДОВСЕ.

19 ноября 1999-го на саммите ОБСЕ в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации ДОВСЕ, призванное учесть новые геополитические реалии. Адаптированный Договор вводил лимиты уже не для военных блоков, а для отдельных стран: национальные и территориальные предельные уровни (НПУ и ТПУ). НПУ лимитируют все категории ограничиваемых Договором вооружений, принадлежащих конкретной стране, а ТПУ — количество собственных и иностранных танков, БМ и артиллерии.

Однако к настоящему времени адаптированный ДОВСЕ ратифицировали только Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина. Их примеру отказываются последовать западные страны под тем предлогом, что Москва не выполняет политических обязательств по выводу своих военных баз с территорий Грузии и Молдавии, принятых на Стамбульском саммите ОБСЕ. На это Москва отвечает, что обязательства уже выполнены в полном объеме в случае с Грузией, а проблема вывода российского военного имущества из Приднестровья носит двусторонний характер и не может быть препятствием для ратификации Соглашения об адаптации ДОВСЕ другими странами.

В то же время многие эксперты уверены, что «виртуальное» соотношение квот России и стран НАТО не создает реальных воен-

Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ

ных угроз для безопасности Российской Федерации. Мораторий может рассматриваться скорее как ресурс Кремля для внешнеполитического торга с США, НАТО и Европейским союзом по различным региональным проблемам. Хотя именно в силу отсутствия реальных военных угроз возможно достижение договоренностей о сохранении режимов ДОВСЕ.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ДОВСЕ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

15 мая 1992 года в Ташкенте Россия и три государства Южного Кавказа – Азербайджан, Армения и Грузия – договорились о максимально разрешенных уровнях наличия ВВТ в данном регионе, разделив между собой имевшиеся здесь квоты бывшего СССР. На Стамбульском саммите ОБСЕ южнокавказские государства подписали адаптированный ДОВСЕ, предусматривающий корректировку по фланговым вооружениям, однако он не был ратифицирован ни одной из этих стран.

Тем не менее Армения и Грузия в целом не нарушали положений Договора. Более того, например, в период боевых действий в зоне карабахского конфликта в Армении проводились международные инспекции в рамках ДОВСЕ, которые зафиксировали отсутствие нарушений международных обязательств по этому Договору.

Азербайджанские эксперты и источники утверждают, что Армения якобы держит значительную часть ВВТ на территории Нагорного Карабаха. Однако в этом случае мы сталкиваемся с кардинально иной ситуацией, которая никак не связана с выполнением Ереваном своих обязательств. ВВТ на территории Нагорного Карабаха принадлежат не вооруженным силам Армении, а армии не признанной международным сообществом Нагорно-Карабахской Республики (НКР). При этом большая часть этого вооружения была захвачена карабахской стороной у азербайджанской армии еще в период боевых действий в 1991–1994 годах. Кроме трофейного оружия и военной техники НКР досталась часть штатного вооружения и военной техники 366-го мотострелкового полка бывшей Советской армии, дислоцированного в Степанакерте. Тем самым факт юридической непризнанности НКР международным сообществом создает проблемы с распространением положений ДОВСЕ на ее вооруженные силы.

Однако в случае с Азербайджаном были заметны явные нарушения за все время действия ДОВСЕ. В частности, после завершения

военных действий в Нагорном Карабахе и до середины 1990-го число декларируемых Баку танков, ББМ и артиллерийских систем намного превышало его квоты (видимо, чиновники азербайджанского МИДа по «незнанию» представляли реальные цифры ВВТ, которые состояли на вооружении армии Азербайджана). В последующие годы, хотя никаких сокращений военной техники не производилось, декларировалось то количество ВВТ, которое разрешалось иметь согласно Протоколу о национальных предельных уровнях обычных вооружений и техники, ограничиваемых ДОВСЕ.

Таким образом, есть основания утверждать, что Азербайджаном значительно превышен объем ограничиваемых Договором вооружений и техники (ОДВТ). Кроме этого, активные закупки Баку большого количества ВВТ (см. таблицы 1 и 2) также практически не повлияли на официальные данные.

Т а б л и ц а 1

Импорт Азербайджаном ВВТ в 2004–2006 гг.
согласно Регистру ООН по конвенциональным вооружениям

Категория	Государство-экспортер	Тип ВВТ	Количество
Танки	Белоруссия	Т-72	60
	Украина	Т-72	45
Всего			105
ББМ	Украина	БТР-3У/12,7	3
		БМП-1	2
Всего			5
Артиллерийские системы	Украина	300-мм РСЗО 9А52 «Смерч»	12
		120-мм миномет	85
Всего			97
Боевые самолеты	Украина	МиГ-29	5
		Л-39	12
	Грузия	Су-25	7
Всего			24

Более того, в течение нескольких лет Азербайджан пытался (впрочем, безуспешно) добиться увеличения своих квот по вооружениям в обход положений ДОВСЕ. При этом Баку ссылался на то, что численность населения и площадь его территории значительно превос-

Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ

ходят аналогичные показатели других «малых государств» — членов ДОВСЕ, а эти показатели являлись важнейшими при определении предельных уровней ВВТ. Известный азербайджанский эксперт Ариф Юнусов признаёт: «Так как это соглашение устанавливает строгие ограничения на максимальное количество военнослужащих, вооружений и военной техники Азербайджана, ему приходится скрывать реальные цифры».

Т а б л и ц а 2

ВВТ Азербайджана, согласно официальным данным, предоставляемые по ДОВСЕ (в скобках – допустимый Договором уровень), ед.

Годы	Боевые танки (220)	ББМ (220)	Артиллерийские системы (285)	Боевые самолеты (100)	Ударные вертолеты (50)
2004	220	210	285	54	15
2005	214	185	285	54	15
2006	217	183	260	62	15
2007	261	183	343	64	15

Конечно ни «базовый» ДОВСЕ, ни его адаптированный вариант не предлагают реальных и действенных механизмов по контролю над вооружениями на Южном Кавказе. Это дает Азербайджану широкие возможности обходить положения Договора (вплоть до элементарного отвода в горы боевой техники с мест ее постоянной дислокации за несколько часов до прибытия международных военных инспекторов и пр.).

Юридический реликт холодной войны оказался несостоятельным в приложении к региональным и субрегиональным системам безопасности в Европе, а также в зонах «замороженных конфликтов» и на территориях непризнанных государств постсоветского пространства. Специфика Южного Кавказа — наличие в регионе трех сепаратистских анклавов и отсутствие между ними и их бывшими метрополиями реальных контактов в сфере безопасности — создает серьезные проблемы для проецирования механизмов ДОВСЕ на зоны карабахского или, скажем, грузино-абхазского конфликтов.

С другой стороны, политические проблемы, вызывающие разногласия между ведущими западными странами и Россией, также сделали этот документ заложником глобальных политических процес-

сов. ДОВСЕ, даже с учетом несовершенства его механизмов, создавал применительно к Южному Кавказу механизмы (пусть и очень хрупкие) сдерживания милитаризации и налаживания мер доверия в военной сфере.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫХОДА РОССИИ ИЗ ДОВСЕ

После выхода России из Договора об обычных вооруженных силах в Европе действие его, естественно, уже не будет распространяться на нее, но теоретически можно предположить, что остальные европейские государства «инерционно» будут еще некоторое время его придерживаться. Но без участия России новые инициативы по ограничению обычных вооружений в Европе малоэффективны, не имеют долговременной перспективы и нерациональны.

Исходя из политических интересов и приоритетов в сфере безопасности двух стран Южного Кавказа – Армении и Грузии, сохранение действия ДОВСЕ было бы выгодно для них в любых условиях.

В частности, Тбилиси заинтересован в Договоре, так как косвенно аргументирует свою позицию по вопросу вывода российских военных баз стамбульскими договоренностями 1999 года, а также использует этот документ в качестве пропагандистского и юридического ресурса против российского военного присутствия в Абхазии (проблема военной базы в Гудауте).

С другой стороны, для стремящейся в НАТО Грузии тоже очень важно четко соблюдать положения ДОВСЕ, чтобы создать в глазах западных стран образ респектабельного партнера в сфере безопасности. Это обуславливает особую тщательность и детальность данных по процедурам ДОВСЕ, предоставляемых Грузией в Регистр ООН по конвенциональным вооружениям.

Наконец, фланговые ограничения в какой-то мере ограничивают масштаб российского военного присутствия в прилегающем к границам Грузии Северо-Кавказском военном округе.

Армения сомневается в реальной действенности и эффективности ДОВСЕ для сдерживания милитаризации Южного Кавказа, но выступает за сохранение Договора, поскольку он все же является механизмом обуздания региональной гонки вооружений. Выход России из ДОВСЕ не соответствует интересам Армении, и Ереван, несмотря на союзнические отношения с Москвой, по всей видимости, постарается сохранить свое членство в Договоре, если западные страны найдут

Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ

какие-то возможности модернизации или продления его жизни. Однако все это будет иметь смысл для Еревана только только если положения документа будет выполнять Баку, что довольно сомнительно.

Единственной страной региона, вовсе не заинтересованной в сохранении действия ДОВСЕ, является Азербайджан, активно вооружающийся и на самом высоком уровне заявляющий о военном решении карабахской проблемы. Наблюдатели единодушны в том, что Баку воспользуется выходом России из ДОВСЕ для начала бесконтрольной милитаризации. Азербайджанский эксперт Джансур Мамедов признаёт: «Это хороший шаг для Азербайджана: раз мы собираемся наращивать вооружения, то выход России только развязывает нам руки. Теперь нужно, чтобы наши власти не шли на компромисс с силами, которые будут заставлять нас придерживаться лимитов ДОВСЕ». По предварительным данным за 2007 год, в одной только Украине Баку дополнительно закупил 60 122-мм гаубиц Д-30А и 13 тыс. снарядов к ним, 20 БТР-70, 145 ракет к 300-мм РСЗО 9А52 «Смерч», 50 ПТУР и около 11 тыс. единиц автоматов Калашникова.

Однако существует мнение, что выход России из ДОВСЕ может привести к определенному расширению российского военного присутствия на Южном Кавказе, и конкретно в Армении, за счет увеличения количества ВВТ на дислоцированной там 102-й российской военной базе. Напомним, что российское военное присутствие в Армении было документально оформлено в рамках ДОВСЕ (по итогам Стамбульского саммита) в формате так называемого «временного развертывания», допускающего размещение иностранных войск на территории другого участника Договора в количестве не более 153 танков, 243 ББМ и 140 артиллерийских систем. Объем находящихся на 102-й базе ОДВТ не превышает в целом уровня «временного развертывания», а по наличию танков, даже вместе с находящимися на вооружении армии Армении, не превышает ее ТПУ.

Впрочем, как считают эксперты, в условиях сравнительно ограниченного «потенциального» театра военных действий большего количества тяжелой техники на российской военной базе в Армении пока и не требуется. Поэтому при действующем ДОВСЕ маловероятно увеличение количества вооружений 102-й военной базы (кроме плановой замены устаревших и определенной модернизации существующих типов ВВТ и частичной доукомплектации базы).

Если же после выхода России из ДОВСЕ страны НАТО решат, что придерживаться Договора впредь бессмысленно, либо начнут

создавать альтернативный механизм контроля над вооружениями в Европе без участия России, на Южном Кавказе появятся все предпосылки для полномасштабной гонки вооружений. В этом случае перспективы наращивания (или же, наоборот, консервации) российского военного присутствия в Армении должны рассматриваться, исходя из других политических условий.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ СДЕРЖИВАНИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Приостановка выполнения Россией положений ДОВСЕ и связанных с ним соглашений и протоколов создает новую ситуацию в сфере контроля над вооружениями в Европе. В этом свете государства Южного Кавказа – участники ДОВСЕ по-разному видят пути обеспечения своей национальной безопасности.

● **Грузия** однозначно будет жестко критиковать выход России из ДОВСЕ, что даст Тбилиси возможность вновь увязать свои интересы в сфере безопасности со странами НАТО и даже пытаться использовать этот фактор в желательном для себя развитии ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии.

● **Азербайджан**, получив в результате развала ДОВСЕ возможность бесконтрольно закупать ВВТ в других странах, сделает упор на раскручивании спирали гонки вооружений и использует расширение своего военного арсенала для давления или даже шантажа в карабахском вопросе.

● **Армения**, возможно, лишь усилит свою аргументацию относительно необходимости сохранения контроля НКР над территориями Низинного Карабаха в качестве важнейшего условия сохранения военно-политического баланса в зоне армяно-азербайджанского противостояния и гарантии невозобновления боевых действий.

В случае развала ДОВСЕ вероятность начала гонки вооружений на Южном Кавказе весьма высока. Однако последствия этого для уровня безопасности в регионе неоднозначны.

Во-первых, сложно сказать, насколько дальнейшее увеличение объемов вооружения в арсеналах Азербайджана отразится на его боевых возможностях в случае возобновления военных действий в зоне карабахского конфликта.

Во-вторых, несмотря на осуществленную Баку закупку все большего количества дорогостоящего вооружения, армянская сторона может в принципе компенсировать это более дешевыми «контрсис-

темами» либо оборонительными вооружениями, которые для удержания нынешней линии фронта не уступают по своей эффективности приобретаемым Азербайджаном ВВТ.

В-третьих, Армения имеет возможность компенсировать дисбаланс своих финансовых возможностей по сравнению с Азербайджаном, используя льготный формат союзнических отношений с Россией и свое членство в Организации Договора о коллективной безопасности. Например, когда к концу 2006-го Азербайджан закупил у Украины дорогостоящие и довольно современные истребители МиГ-29, практически одновременно было объявлено о заступлении на боевое дежурство на территории Армении совместной армяно-российской группировки ПВО, оснащенной новыми зенитно-ракетными системами.

Кроме этого, открытая и явная милитаризация Азербайджана создает политические преференции для Армении. Воинственные заявления Баку дают Еревану и Степанакерту дополнительные аргументы для обоснования своих прав на территории Низинного Карабаха и необходимости их удержания под армянским контролем, так как это важный элемент сохранения стабильности и общего военного баланса в армяно-азербайджанском противостоянии. Чем больше азербайджанская сторона говорит о скором начале военных действий с целью освобождения Карабаха, тем увереннее армянская сторона может заявлять о недопустимости каких-либо территориальных уступок. Ведь сдача территорий может изменить военный баланс и создать у Азербайджана искушение действительно начать боевые действия. Следовательно, в интересах международного сообщества было бы сохранить эти территории под армянским контролем — такова самая действенная гарантия невозобновления войны со стороны Азербайджана, сохранения региональной стабильности и укрепления безопасности.

По мере раскручивания очередного витка гонки вооружений в зоне армяно-азербайджанского противостояния создается хорошо знакомая еще со времен холодной войны ситуация снижения вероятности начала боевых действий в условиях взаимного сдерживания. Нынешние военные потенциалы сторон отнюдь не сравнимы с периодом военных действий середины 1990-х годов. Некоторые системы вооружения, например РСЗОА52 «Смерч» у азербайджанцев и *ИМ-80* «Тайфун» у армян, по своим поражающим свойствам вплотную приближаются к тактическому ядерному оружию.

Сергей Минасян

Взаимное наращивание вооружений в зоне карабахского конфликта на данном этапе снижает вероятность начала боевых действий. Стабильность в зоне конфликта будет поддерживаться благодаря новому «балансу угроз», который вынудит стороны еще довольно долго соблюдать хрупкий мир.

Ведь, как отмечал видный британский военный теоретик Бэзил Лиддел Гарт, «целью любой войны является мир, лучший, чем довоенный (хотя бы с нашей собственной точки зрения)». В условиях, когда противоборствующая сторона будет твердо знать о возможности громадных людских и материальных потерь при любом исходе военных действий в Карабахе, вряд ли она может рассчитывать на мир, «лучший, чем довоенный».

Это, конечно, не способно заменить собой выработку серьезных мер по укреплению безопасности и повышению уровня доверия в регионе, которые должны проложить путь к полномасштабному урегулированию конфликта.

В прошлом номере журнала в рецензии **Юрия Дубинина** «Самый знаменитый из французов» допущен технический сбой. Третий абзац на с. 216 следует читать: «В 1990 году, на фоне глубоких перемен в европейской политике, вызванных, в частности, объединением Германии, я счел, что время заключения политического договора пришло, и в качестве посла Советского Союза во Франции предложил президенту Франсуа Миттерану сделать это. Он предложение принял. Договор был подписан в октябре 1990-го. Франция не успела его ратифицировать до развала СССР, но в 1992 году договор, сохранив все основное свое содержание, был переподписан Францией уже с новой Россией и служит ныне правовой базой российско-французских отношений».

Редакция приносит извинения автору.

Совсем холодная война

Среди каменных утесов и ледяных глыб Маточкина Шара (на Новой Земле в Карском море) имеется комячейка из трех коммунистов и двух комсомольцев.
«Смехач», 1924 г.

“ О поверхности Марса известно больше, чем о глубинах Северного Ледовитого океана, однако результаты первых изысканий показывают, что там могут находиться последние еще не разведанные запасы углеводородных ресурсов на Земле. В арктической «золотой лихорадке» первой о своих интересах заявила Россия ”

Таяние арктических льдов   Скотт Боргерсон
154

На страже белого безмолвия   Юрий Голотюк
169

Таяние арктических льдов

Последствия глобального потепления для экономики и безопасности

Скотт Боргерсон

Льды Северного Ледовитого океана тают — и тают быстро. Прошлым летом часть океана, покрытая льдом, сократилась более чем на миллион квадратных миль, и, таким образом, площадь ледяного покрова Центральной Арктики сейчас вдвое меньше, чем 50 лет назад. Впервые открылся для судоходства Северо-Западный проход — легендарный морской путь в Азию, который европейские мореплаватели тщетно искали в течение многих веков. Даже если международному сообществу удастся в ближайшем будущем существенно замедлить темпы изменения климата, процесс потепления в определенной степени необратим. Вопрос уже не в том, откроется ли Северный Ледовитый океан для регулярных морских перевозок и исследования богатых запасов полезных ископаемых, а в том, когда это произойдет.

Глобальное потепление привело к новому этапу борьбы пяти государств Арктического региона за территории и ресурсы. В арктической «золотой лихорадке» первой о своих интересах заявила Россия. В 2001 году российское правительство подало заявку в Организацию Объединенных Наций на права в отношении 460 тыс. квадратных миль акватории Северного Ледовитого океана, богатой природными ресурсами. Это примерно территория штатов Индиана, Калифорния и Техас, вместе взятых. ООН не признала эти притязания, имеющие далеко идущие последствия, и, тем не менее, в августе прошлого года Кремль отправил к Северному полюсу

Скотт Боргерсон — научный сотрудник, специалист по международным делам в Совете по международным отношениям; лейтенант-командер в отставке Береговой охраны США. Опубликовано в журнале *Foreign Affairs*, № 2 за 2008 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

Таяние арктических льдов

атомный ледокол и две подводные лодки, чтобы установить флаг России на морском дне. Несколькоими днями позднее впервые со времен холодной войны был отдан приказ о начале полетов российских стратегических бомбардировщиков над Северным Ледовитым океаном, что выглядело явной провокацией.

Чтобы не отстать, премьер-министр Канады Стивен Харпер объявил о выделении средств на строительство новых патрульных судов для Северного Ледовитого океана, глубоководного порта и тренировочного центра по подготовке к работе в условиях холодного климата вдоль Северо-Западного прохода. Дания и Норвегия, которым принадлежат соответственно Гренландия и архипелаг Свальбард (Шпицберген. – **Ред.**), также хотят заявить о своих правах на Арктику. Пока другие государства Арктики торопятся поделить между собой этот регион, Соединенные Штаты остаются в стороне. Сенат США не ратифицировал Конвенцию ООН по морскому праву (*UNCLOS*), главный международный договор в этой области, хотя президент Джордж Буш, неправительственные организации по охране окружающей среды, командующие Военно-морским флотом и Береговой охраной, а также видные представители частного сектора поддерживают данную конвенцию.

Вследствие этого Вашингтон не может официально заявить о своих правах на огромные ресурсы северного побережья Аляски за пределами особой экономической зоны, простирающейся только на 200 морских миль от побережья каждого из государств Арктического региона. Соединенные Штаты не могут также войти в комиссию ООН, которая утверждает такие заявки. Более того, США, флотилия ледоколов которых находится в плачевном состоянии, утратили возможность утверждать свой суверенитет в Арктике. Сейчас американцы содержат Военно-морской флот, равный по величине флотам 17 следующих за ними стран (с точки зрения размеров их ВМС), вместе взятым. В то же время у Америки есть лишь один ледокол, годный для океанского плавания. Он построен более 10 лет назад и не приспособлен для арктических экспедиций.

Для сравнения: флот ледоколов России состоит из 18 судов. Даже у Китая, не имеющего выхода к Северному Ледовитому океану, есть один ледокол. Единственная в мире сверхдержава – страна, омываемая Беринговым проливом и береговая линия Северного Ледовитого океана которой составляет более 1 000 миль, – осталась в стороне из-за собственного невнимания к этому вопросу.

Американское руководство не может позволить себе бездействие. В настоящее время Арктический регион не управляется никакими всеобъемлющими многосторонними нормами или правилами, поскольку никогда не предполагалось, что водное пространство Арктики станет судоходным, а ее территория будет местом крупномасштабных коммерческих проектов. Поэтому решения, которые будут приниматься арктическими государствами в последующие годы, существенным образом определяют будущее региона на предстоящие десятилетия. Если правительство Соединенных Штатов не возьмет на себя руководящую роль в выработке дипломатических решений, связанных с претензиями государств на территории и воды Арктики и предотвращением потенциальных конфликтов, регион может погрузиться в пучину безумной вооруженной схватки за его ресурсы.

ИДИ НА СЕВЕР, ПАРЕНЬ!

В Арктике всегда были периоды похолодания и потепления, но происходящее сейчас таяние не имеет аналогов в истории. Это таяние — мощное, внезапное, и оно напрямую связано с промышленным выбросом парниковых газов. На Аляске и западе Канады за последние 60 лет средняя зимняя температура повысилась на целых 7 градусов по шкале Фаренгейта (приблизительно 4 градуса по Цельсию. — Ред.). Для Арктики глобальное потепление имеет гораздо более серьезные последствия, чем для других регионов. Дело в том, что летом солнечные лучи освещают область Северного полюса под более острым углом и тающие льды превращаются в открытые воды, которые поглощают гораздо больше солнечной радиации. Этот процесс создает порочный цикл таяния, известный как контур обратной связи коэффициента отражающей поверхности льда.

Каждое лето бьет рекорд предыдущего. За 2004–2005 годы Северный Ледовитый океан лишился 14 % своих вечных льдов — плотного, толстого слоя, который является главным препятствием для судоходства. За последние 23 года исчез 41 % твердого многолетнего ледяного покрытия. Это означает, что Северный Ледовитый океан будет подобен Балтийскому морю: его поверхность станет покрываться только тонким слоем сезонного льда зимой и океан окажется полностью открыт для перевозок круглый год. Несколько лет назад основные модели климата, рассчитанные на суперкомпьютерах, показали, что к концу текущего века Северный Ледовитый оке-

Таяние арктических льдов

ан будет летом свободен ото льда. Но если учесть нынешние темпы таяния льдов, то можно предположить, что плавание по Северному Ледовитому океану станет возможно через 5–10 лет. Самые современные модели, представленные в 2007-м на собрании Американского геофизического союза, предсказали, что уже в 2013 году Северный Ледовитый океан будет летом освобождаться ото льда.

Воздействие таяния льдов Северного Ледовитого океана на окружающую среду огромно. Полярные медведи как вид оказались под угрозой вымирания; рыбы, которые никогда раньше не водились в Северном Ледовитом океане, мигрируют в его потеплевшие воды; тундру заменяют леса, характерные для умеренного климата. В Гренландии – сельскохозяйственный бум: на некогда бесплодных почвах теперь выращивают брокколи, картофель и траву для заготовки сена. Уменьшение ледяного покрова также означает облегчение рыбного и лесного промысла, а также добычи таких полезных ископаемых, как свинец, магний, никель и цинк, не говоря уже о колоссальных резервуарах пресной воды, которые в условиях потепления могут стать еще более ценным богатством.

Если Северный Ледовитый океан – термометр, по которому определяется состояние здоровья Земли, то вышеперечисленные симптомы говорят о том, что наша планета действительно очень больна. Парадоксально, что великое таяние, вероятно, приведет к увеличению добычи тех самых природных ископаемых, которые ускорили это таяние, – органического топлива.

Сейчас, когда цена нефти превышает 100 долларов за баррель, геологи стараются точно определить, сколько нефти и газа находится под полярными льдами. О поверхности Марса известно больше, чем о глубинах Северного Ледовитого океана, однако результаты первых изысканий показывают, что там могут находиться последние еще не разведанные запасы углеводородных ресурсов на Земле. По оценкам Геологической службы США и норвежской компании *StatoilHydro*, в Северном Ледовитом океане спрятано до 25 % еще не открытых запасов нефти и газа. Некоторые предприниматели, занимающиеся разведкой нефти там, где нет подтвержденных запасов, полагают, что по мере накопления знаний о геологии региона данная цифра существенно возрастет. Вытянутый континентальный шельф Северного Ледовитого океана – это еще один показатель наличия здесь запасов нефти и газа, доступных для коммерческой добычи. По образцам, взятым в толще льда, ученые, занимающиеся

вопросами изменения климата недавно установили, к своему огорчению, что когда-то в Северном Ледовитом океане были представлены все разновидности органических веществ, которые, находясь под сильным давлением морского дна на протяжении тысячелетий, возможно, образуют огромные залежи органического топлива.

Самые большие запасы обнаружены в Северном Ледовитом океане у побережья России. Государственная компания «Газпром» уже сейчас занимается разработкой приблизительно 113 трлн кубических футов газа (3,164 трлн куб. м. — **Ред.**) на принадлежащих ей месторождениях в Баренцевом море. По подсчетам российского Министерства природных ресурсов, территория, на которую претендует Россия, может содержать до 586 млрд баррелей нефти, хотя существование этих месторождений не доказано. Для сравнения: все ныне доказанные нефтяные запасы Саудовской Аравии (в которые, правда, не входят неисследованные и предполагаемые ресурсы) составляют лишь 260 млрд баррелей. Геологическая служба США как раз сейчас впервые начинает всеобъемлющее изучение природных богатств Арктики. Первые территории, которые будут изучены, — это котловина у побережья Восточной Гренландии площадью 193 тыс. квадратных миль (500 тыс. кв. м. — **Ред.**). Согласно первым сейсмическим данным, здесь могут находиться месторождения нефти объемом 9 млрд баррелей и газа объемом 86 трлн кубических футов (2,408 трлн куб. м. — **Ред.**). Похоже, что общие запасы нефти на побережье Аляски, омываемом Северным Ледовитым океаном, составляют по меньшей мере 27 млрд баррелей.

Хотя ресурсы прибрежной зоны, такие, как нефть в Арктическом национальном природном заповеднике Аляски, — доминирующая тема дебатов в Вашингтоне о развитии Арктического региона, реальная деятельность развернется по мере таяния полярных льдов. Показателем того, какова финансовая значимость вопроса и связанных с ним политических споров, является судебный иск, предъявленный компании *Royal Dutch/Shell* в девятом окружном суде США. Иск, поданный необычным союзом — группами по защите окружающей среды и местными китобойцами, — остановил разработку участков континентального шельфа в море Бофорта, которое недавно стало доступным, у северного побережья Аляски. Участки были арендованы компанией *Shell* за 80 млн долларов.

К 2015 году добыча нефти в море может составлять около 40 % всей мировой добычи. Вероятно, когда-нибудь в будущем побере-

Таяние арктических льдов

жье Аляски будет выглядеть, как побережье Мексиканского залива в штате Луизиана, освещаемое ночью миллионами мерцающих огоньков на нефтяных платформах в море.

ПОЛЯРНЫЙ ЭКСПРЕСС

Еще бóльшим подарком будут новые морские пути, которые появятся в результате великого таяния льдов. В XIX веке для мореходов Викторианской эпохи проход в Северном Ледовитом океане был чем-то вроде чаши Грааля. Британская империя, будучи морской державой, не жалела средств для того, чтобы найти кратчайший путь к богатым рынкам Азии. Как только стало ясно, что Северо-Западный проход забит льдами и непроходим, Северный Ледовитый океан перестал занимать мысли политиков.

Стратегический интерес к Северному Ледовитому океану возродился в годы Второй мировой войны и в период холодной войны, когда ядерные подводные лодки и межконтинентальные ракеты превратили его в самое милитаризованное морское пространство мира. Однако только сейчас арктические судоходные пути, которые мечтали найти мореплаватели XIX столетия, становятся реальностью.

Более короткие маршруты — Северный морской путь (над Евразией) и Северо-Западный проход (над Северной Америкой) — уменьшили бы время пересечения океана на несколько дней. Тем самым для судоходных компаний (не говоря уже о военно-морских силах и контрабандистах) плавание стало бы на несколько тысяч миль короче. Северный морской путь сократил бы расстояние между Роттердамом и Йокогамой с 11 200 морских миль (протяженность нынешнего рейса через Суэцкий канал) до 6 500, т. е. более чем на 40 %. А Северо-Западный проход сделал бы плавание из Сиэтла до Роттердама короче на 2 000 морских миль, т. е. почти на 25 %, по сравнению с нынешним маршрутом, пролегающим через Панамский канал.

Если принять во внимание сбор за проход канала, стоимость топлива и другие показатели, определяющие тарифы перевозок, то эти короткие маршруты могли бы сократить стоимость одного рейса крупного судна, перевозящего грузы в контейнерах, на целых 20 % — приблизительно с 17,5 млн до 14 млн долларов, что составило бы миллиарды долларов экономии в год. Для мегасудов, которые не могут проходить через Панамский и Суэцкий каналы и поэтому идут вокруг мыса Доброй Надежды и мыса Горн, экономия была бы

еще больше. Кроме того, полярные пути дали бы возможность торговым и военным судам избегать водных пространств политически нестабильного Ближнего Востока и кишящего пиратами Южно-Китайского моря. В эпоху трансарктического судоходства вряд ли придется опасаться провокаций со стороны Ирана в Ормузском проливе вроде той, что произошла в январе.

Судоходство в Северном Ледовитом океане также могло бы существенным образом повлиять на структуру мировой торговли. В 1969-м нефтяные компании отправили судно «Манхэттен» через Северо-Западный проход, чтобы проверить, насколько этот путь подходит для перевозки нефти, добываемой в Арктике, на Восточное побережье США. «Манхэттен» завершил плавание с помощью сопровождавших его ледоколов, но нефтяные компании сочли этот маршрут неудобным, требующим слишком больших затрат и предпочли транспортировку через трубопровод на Аляске. Но сейчас такие рейсы становятся вполне реальными с экономической точки зрения. Как только морские страховые компании пересчитают стоимость риска, связанного с такими рейсами, судоходство в Северном Ледовитом океане станет коммерчески оправданным и будет осуществляться в широком масштабе.

В эпоху доставки напрямую, без складирования и при том, что рост цены на топливо негативно сказывается на прибыли судоходных компаний, сокращение расстояния дальнего рейса на целых 40 % означает наступление нового этапа глобализации. Маршруты через Северный Ледовитый океан обостряют конкуренцию между Панамским и Суэцким каналами, снижая тем самым сборы за проход. «Узкие места» для судоходства, такие, к примеру, как Малаккский пролив, больше не будут диктовать правила мирового судоходства, и морские полярные пути позволят расширить международную экономическую интеграцию. Вероятно, уже в нынешнем десятилетии в результате таяния льдов для судоходства откроется путь через Северный полюс. Маршрут, который, скорее всего, пройдет между Исландией и Голландской бухтой на Аляске, соединит крупнейшие морские порты Северной Атлантики и северной части Тихого океана и далее веерообразно разойдется к другим портам. Сейчас разрабатывается скоростной маршрут между полярным российским портом Мурманск и канадским портом Черчилл на Гудзоновом заливе, который соединен с Североамериканской сетью железных дорог.

Таяние арктических льдов

Для осуществления навигации по этим новым морским путям и транспортировки нефти и природного газа из Арктического региона на верфях уже идет строительство кораблей, приспособленных для плавания во льдах. Частный сектор инвестирует миллиарды долларов в создание флотилии танкеров для Северного Ледовитого океана. В 2005 году во всем мире уже находились в эксплуатации 262 корабля ледового класса, а еще 234 строятся. Нефтяные и газовые рынки способствуют развитию ультрасовременной технологии и созданию новых типов кораблей, подобных танкерам двойного назначения, носовая часть которых сконструирована таким образом, что они могут проходить вначале по открытой воде, а затем рассекать лед. Эти новые суда могут без помощи ледоколов достигать нефтяных и газовых месторождений Арктики. Такие достижения – революция в судоходстве в Северном Ледовитом океане, ведь они превращают в процветающий бизнес проекты, в прошлом считавшиеся нежизнеспособными.

ГРЯДУЩАЯ АНАРХИЯ

Несмотря на то что таяние льдов может изменить систему мирового судоходства и рынки энергоносителей, проблемы Арктики не входят в круг первоочередных задач руководства Государственного департамента и Совета национальной безопасности США. Последнее заявление исполнительной власти по этому региону относится к 1994-му, и в нем не упоминается о таянии льдов. Но стратегическое положение Арктики и ее огромные природные богатства делают таяние льдов проблемой, представляющей большой национальный интерес. Хотя таяние полярных льдов открывает большие перспективы, оно несет и серьезные угрозы. Новые судоходные пути, триллионы долларов возможной прибыли от нефти и газа, неопределенность вопросов собственности арктических государств на территории – все эти факторы создают гремучую смесь.

Ситуация представляется особенно опасной, поскольку в настоящее время нет политических либо правовых структур, координирующих и направляющих всю деятельность по Арктике, способных обеспечить планомерное развитие региона и выполнять роль посредника в урегулировании политических разногласий по поводу природных ресурсов или морских путей. Северный Ледовитый океан всегда был покрыт льдом, но когда лед превращается в воду, неясно, какие правила следует применять.

Вследствие быстрого таяния возникают бесчисленные коллизии, связанные с соперничеством между государствами. Регион привлекает и другие страны, жаждущие доступа к энергоносителям, в частности Китай. Государства Арктического бассейна быстро приближаются к дипломатическому тупику, а это в конечном счете может привести к балансированию на грани вооруженных конфликтов, которое имеет место в отношении других территорий (подобных, например, необитаемым, но богатым природными ресурсами островам Спратли), на обладание которыми претендуют многие государства.

Есть немногочисленные правовые структуры и документы, которые предлагают пути решения этих проблем. Арктический совет занимается решением вопросов, связанных с окружающей средой, но он не реагирует на самые насущные задачи, стоящие перед регионом. При создании совета в 1996 году США намеренно ограничили деятельность этого органа, запретив ему касаться проблем безопасности. Многие наблюдатели считают, что решать проблему таяния полярных льдов нужно в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву. Она позволяет улаживать пограничные споры и подавать государствам заявки о правах на природные ресурсы за пределами их исключительных экономических зон.

Более того, *UNCLOS* определяет богатства морей, находящихся за пределами территориальных вод, как общее достояние человечества. Конвенция позволяет государствам, которые омываются морями, покрытыми льдами, применять более строгие природоохранные правила. Она определяет, какие морские пути являются суверенной собственностью государств, а какие международные проходы открыты для беспрепятственной навигации.

Однако уникальные географические условия Арктического региона не позволяют безоговорочно применять *UNCLOS*. В Арктике сконцентрировался ряд болезненных проблем, которые в совокупности делают эту зону особой. В их числе — раздел самого протяженного в мире некартированного и сложного в геологическом отношении континентального шельфа между пятью государствами, территориальные притязания которых противоречат друг другу; разрешение разногласий между Канадой и остальными странами мира о правовом статусе Северо-Западного прохода; демаркация морских границ между Соединенными Штатами и Канадой в море Бофорта и между Норвегией и Россией в Баренцевом море, а также вопрос о регулировании движения судов, которые ходят под «удобным»

Таяние арктических льдов

флагом (скрывая настоящее происхождение и владельцев) при пересечении вод, подпадающих под государственную юрисдикцию различных стран. Наконец, расширение масштабов нефтяной и газовой разведки и судоходство по Северному Ледовитому океану создаст серьезную угрозу для окружающей среды. Особо серьезную экологическую опасность представляют нефтяные танкеры, о чем свидетельствуют случаи с разливом нефти в гораздо более безопасных водах бухты Сан-Франциско, Черного моря и Желтого моря.

Есть еще ряд нерешенных вопросов, которые не затрагиваются Конвенцией по морскому праву. В период с 1958 по 1992 год Россия спустила в Северный Ледовитый океан 18 ядерных реакторов, некоторые из них были полностью загружены ядерным топливом. Эту опасность еще предстоит ликвидировать. Далее, более миллиона человек коренного населения Арктики должны участвовать в определении будущего этого региона, особенно в том, что касается их безусловного права продолжать охоту на китов. Безопасность коренных народов в условиях оживленного судоходства и их право на справедливую долю от экономической выгоды, которую принесет развитие Арктики, тоже следует предусмотреть.

Ввиду перспективы открытия новых месторождений энергоносителей все чаще ведутся разговоры о том, что Гренландия обратится к Дании с просьбой о предоставлении ей политической независимости. Наконец, наблюдается бум полярного туризма, причем часто на судах, не приспособленных к навигации в данном регионе. В прошлом году четыре тысячи отважных путешественников отправились в плавание на 140 круизных судах от ледяного берега Гренландии — опасное странствие в водах, которые по большей части не нанесены на морские карты.

В поисках решения головоломок, которые преподносит Арктика, есть соблазн обратиться к истории, однако абсолютной аналогии не существует. Договор об Антарктике 1959 года, который положил конец всем территориальным претензиям и определил статус континента как места научных исследований, позволяет извлечь некоторые уроки. Однако там речь шла о континенте, а не океане. Кроме того, Антарктида расположена вдали от основных торговых путей и переговоры проходили в совершенно иной обстановке холодной войны. Средиземное море как водное пространство, соединяющее несколько крупных экономик, имеет некоторую общность с Северным Ледовитым океаном, но государства, которые оно омы-

вает, всегда имели более четко выраженные исторические притязания. Средиземное море никогда не было покрыто льдом, по крайней мере на протяжении истории человечества. В прошлом просто нет примера, который можно сравнить с ситуацией в Северном Ледовитом океане: пространством соленой воды с весьма неопределенным правовым статусом, столь резко меняющимся пейзажем и такими выдающимися экономическими перспективами.

Природные богатства Арктики и ее возможности стать скоростным путем между Атлантическим и Тихим океанами, делают эту зону новым источником напряженности на мировой арене. В подобных критических обстоятельствах решения о том, как управлять быстро меняющимся регионом, скорее всего, будут приниматься в дипломатическом и правовом вакууме, если только Соединенные Штаты не выступят с инициативой предложить международному сообществу выработать многостороннее решение.

ОТКРЫТИЕ СЕВЕРА

Пока решение не найдено, страны Арктического региона, вероятно, будут захватывать как можно больше территорий и осуществлять суверенный контроль над новыми морскими путями где только возможно. На этой ничьей — в правовом смысле — территории приполярные государства преследуют свои узкие национальные интересы, устанавливая гидролокационные сети и снаряжая ледоколы для защиты своих притязаний. Прошлым летом Россия возглавила это наступление на Арктику своей акцией установки флага. Москва утверждает, что подводный хребет, который носит имя Ломоносова, является естественным продолжением евразийского континента и поэтому приблизительно половина Северного Ледовитого океана по праву принадлежит России. Комиссия ООН, которая рассматривает эту заявку, потребовала от Москвы собрать дополнительные геологические доказательства, что побудило Артура Чилингарова, знаменитого исследователя Арктики советского периода, который сейчас пользуется доверием президента России Владимира Путина, объявить: «Арктика — наша, и нам надо продемонстрировать свое присутствие». Это заявление он сделал во время возглавляемой им экспедиции на Северный полюс прошлым летом.

Естественно, другие арктические государства предпринимают в ответ определенные шаги. Норвегия в 2006-м подала заявку на владение дополнительными ресурсами в Арктике. Канада и Дания го-

Таяние арктических льдов

товятся заявить о своих правах. Между Оттавой и Копенгагеном ныне имеются разногласия относительно принадлежности необитаемого острова Ханс, который представляет собой голые камни, но расположен в богатых ресурсами водах в проливе Нарес между канадским островом Элсмир и островом Гренландия. Даже Соединенные Штаты, несмотря на отказ ратифицировать *UNCLOS*, в последние годы отправляют летом свой единственный ледокол в Арктику, чтобы собрать данные для представления территориальной претензии в случае, если Сенат все-таки ратифицирует договор.

Борьба идет и за морские пути. Канада совсем недавно запустила спутник с наблюдательной системой на борту, который отслеживает нарушения ее территориальных вод. Хотя Северный морской путь, вероятно, будет открыт раньше Северо-Западного прохода, желание воспрепятствовать следованию судов через Канадский архипелаг, особенно кораблей Береговой охраны и Военно-морского флота США, — причина большей части угроз со стороны Канады. Говоря о суверенитете своей страны над Арктикой, премьер-министр Канады Харпер часто повторяет: «Либо мы ее используем, либо потеряем». Этот аргумент нравится канадцам, которые всё более критически относятся к южному соседу. До сих пор хрупкое «соглашение о разногласиях» (1988) между Соединенными Штатами и Канадой относительно окончательного контроля над арктическими водами остается без изменений, но Вашингтону не следует недооценивать эмоциональное отношение канадцев к данной проблеме.

Идеальным способом управления Арктикой стала бы разработка всеобъемлющего договора, гарантирующего организованный коллективный подход к добыче природных богатств региона. В рамках проходящего сейчас Международного полярного года (масштабная научная программа, посвященная Арктике и Антарктике, которая будет действовать до марта 2009-го) США следует созвать конференцию по выработке нового соглашения на основе структуры Арктического совета. Этот документ должен включать в себя соответствующие положения *UNCLOS* и учитывать все основные вопросы, возникшие вокруг Арктики. При сильном давлении со стороны Вашингтона государства региона могли бы разрешить разногласия за столом переговоров, достичь договоренности о том, как поделить «пирог» огромных ресурсов и, возможно, даже представить в ООН совместные предложения, чтобы получить ее благословение.

Однако, настаивая на многостороннем дипломатическом решении, Соединенным Штатам следует предпринять и односторонние шаги, чтобы защитить свои интересы. Те немногие деятели в США, которые упорно противятся присоединению страны к *UNCLOS*, утверждают, что ратификация этой конвенции означает для Вашингтона уступку значительной части своего суверенитета и что обычное международное право и мощные ВМС и без того позволяют защищать американские интересы в Арктике. Но это еще не все. Соединенные Штаты — единственная в мире крупная страна, которая не ратифицировала *UNCLOS*; таким образом, получается, что Вашингтон остался в стороне и, не будучи участником Конвенции ООН по морскому праву, пытается обратиться к различным правовым и специализированным организациям. США должны не только присоединиться к этой конвенции, но и опубликовать обновленный вариант своей программы по Арктике, финансировать составление ледовых карт и вдохнуть новую жизнь в неэффективные, неконкурентоспособные верфи. В максимально короткие сроки следует создать условия для выведения на современный уровень флотилии ледоколов.

Соединенным Штатам необходимо также заключить соглашение с Канадой, которое бы привело к совместному управлению Арктикой на тех же условиях, что Соглашение Раша — Бэйгота 1817 года, по которому Великие озера стали демилитаризованной зоной. В соответствии с этим документом была создана (хотя и более полувека спустя) некоммерческая корпорация Святого Лаврентия по использованию водных путей для управления этими важными, иногда замерзающими водоемами, которые принадлежат двум странам. В таком же ключе США и Канада могли бы объединить усилия для охраны тысячемильной береговой линии арктического побережья. Вашингтон и Оттава сейчас сотрудничают в работе на других морских и сухопутных границах. Они вместе создали впечатляющую систему — Североамериканское командование противовоздушной обороны. У них есть прекрасные возможности сделать то же самое на границе Арктического региона, что будет отвечать интересам обоих государств.

Нет причин, которые препятствовали бы «мирному сосуществованию» экономического развития и охраны окружающей среды. Канада могла бы сыграть ведущую роль в обеспечении этих параллельных процессов, учредив структуру, аналогичную корпорации Святого Лаврентия, — государственно-частную корпорацию управления водными путями Северного Ледовитого океана, призванную обес-

Таяние арктических льдов

печивать безопасное плавание в североамериканских водах этого океана и одновременно защищать хрупкую окружающую среду региона. Сборы за судоходство, взимаемые этим двусторонним управлением, могут пойти на составление навигационных карт, нужда в которых очень велика, т. к. большая часть имеющихся на настоящее время данных о Северо-Западном проходе относится к британским исследованиям XIX века.

Средства можно также направить на создание материальных условий для поисково-спасательных операций, управление движением судов, прокладывание судоходных путей и другие подобные услуги, которые обеспечивают охрану жизни и собственности. Такая совместно управляемая система путей Северного Ледовитого океана могла бы кроме того создать предприятия для ликвидации твердых и жидких отходов, определить гавани укрытия для судов, терпящих бедствие, и ввести более жесткие требования к конструкции кораблей. Суда, идущие через Северо-Западный проход, должны иметь более толстую обшивку корпуса, более мощные двигатели и специальное навигационное оборудование. Можно также ввести требование, чтобы капитаны и члены экипажа таких судов проходили дополнительную подготовку и, если это диктуется условиями, брали на борт «ледового лоцмана», одобренного агентством, для обеспечения безопасного прохода.

К этой двусторонней структуре могли бы впоследствии присоединиться другие арктические страны, особенно Россия. В развитие предложения о создании корпорации по управлению морскими путями Арктики Вашингтон и Москва могли бы разработать схемы разделения движения через Берингов пролив и далее инвестировать в масштабный проект разработки безопасного судоходства по Северному морскому пути. В конечном счете такая панарктическая корпорация будет способна координировать безопасное и эффективное движение судов через Северный Ледовитый океан. Япония, полностью зависящая от Малаккского пролива, через который осуществляется подавляющая часть поставок энергоносителей, стала бы естественным инвестором этого проекта, поскольку она заинтересована в сокращении риска срыва поставок нефти.

В 1847-м британская экспедиция, отправившаяся на поиски легендарного Северо-Западного прохода, бесславно закончилась гибелью ее участников. Сэр Джон Франклин и его экипаж, считавшие себя представителями викторианской цивилизации в период ее рас-

Скотт Боргерсон

цвета, были слишком горды, чтобы просить эскимосов о помощи. Соединенные Штаты на пике расцвета своей империи временами тоже считают себя непобедимыми. Но сейчас настал час, когда Вашингтон должен преодолеть изоляционистский настрой и ратифицировать *UNCLOS*. Американцам пора начать сотрудничать с Канадой в управлении Северо-Западным проходом, предложив интересный проект нового многостороннего договора по Арктическому региону.

США следует, наконец, осознать, сколь масштабны последствия изменения климата для экономики и безопасности. Таяние льдов Северного Ледовитого океана, подобно канарейке в угольной шахте (в старину шахтеры брали в забой птичку, чувствительную к любым изменениям в атмосфере, и она сигнализировала о появлении опасных газов. — **Ред.**), предупреждает об угрозе здоровью планеты и о том, как потепление климата Земли скажется на национальной безопасности Соединенных Штатов. «Быть зеленым» — лозунг уже не только сторонников «Гринпис» и студенческих активистов; внешнеполитические «ястребы» должны также рассматривать окружающую среду как составляющую в уравнении национальной безопасности. Самосохранение перед лицом масштабного изменения климата требует действий — простых, основанных на научных данных, учитывающих стратегические интересы. И либералы, и консерваторы должны выйти за рамки надоевших дебатов о причинах этого явления и продолжить важную работу по смягчению процесса и адаптации к нему путем управления последствиями великого таяния льдов.

На страже белого безмолвия

Арктическая дилемма России

Юрий Голотюк

С августа 2007 года, когда российская глубоководная экспедиция во главе с депутатами Государственной думы РФ установила флаг нашей страны на дне Северного Ледовитого океана, Арктика оказалась в центре всеобщего внимания. Повсеместно обсуждаются перспективы острой конкуренции за ресурсы. Даже тема изменения климата приобретает геополитический привкус: мерзлота идет на убыль, доступ к залежам облегчается...

Ажиотаж, вспыхнувший среди журналистов и политиков, играет на руку специалистам, которые давно жаловались (и не только в России) на недостаточный интерес властей к ключевому региону. Но изменившаяся ситуация бросает и новый вызов, например, российским военным, которые привыкли считать Арктику своей вотчиной. Гонка за полезными ископаемыми, скрытыми в недрах вечной мерзлоты, заставляет адаптировать подходы, привычные со времен идеологического противостояния, к эпохе экономической конкуренции.

БАСТИОН НА ПЕРЕДОВОЙ

На протяжении десятилетий, как минимум с 30-х годов прошлого века, российские (советские) военные были полновластными хозяевами Арктики. Правда, роль, которая отводилась Арктическому региону в обеспечении стратегической безопасности страны, могла варьироваться в зависимости от внешнеполитического контекста. Арктика рассматривалась с точки зрения:

- коммуникаций, связывавших СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции;

Ю.В. Голотюк – директор Специальной информационной службы РАМИ «РИА Новости».

- добычи стратегических видов сырья (апатиты, титан, никель, медь, кобальт) для нужд военно-промышленного комплекса;
- полигонов, на которых ядерная сверхдержава испытывала свое новейшее оружие (Новая Земля, Плесецк, Ненокса);
- «передовой линии» в предполагаемой глобальной ядерной войне с США — ведь именно отсюда (через Северный полюс) ожидали подлета американских стратегических бомбардировщиков и баллистических ракет.

Конечно же, подобная ситуация не могла не отразиться на картах северных российских побережий: города, порты, транспортно-энергетические коммуникации, а отчасти даже маршруты сезонных кочевий коренных племен — все было жестко увязано с соображениями военно-стратегической необходимости. Даже сейчас, после полутора с лишним десятилетий последовательной демилитаризации региона, Москва продолжает рассматривать данную территорию в первую очередь с военной точки зрения.

В главном национальном «северном документе», утвержденном в 2001 году российским правительством и озаглавленном «Основы государственной политики РФ в Арктике», говорится: «В Арктике все виды деятельности в наибольшей степени связаны с интересами военной безопасности страны». Согласно этому документу, «особые национальные интересы России в Арктике охватывают прежде всего сферы экономики, экологии, обороны, науки и геополитики».

В перечне приоритетов первым пунктом значится «обеспечение надежного функционирования группировки морских стратегических ядерных сил ВМФ для реализации задачи ядерного сдерживания угрозы агрессии против Российской Федерации и ее союзников». И пунктом вторым — «обеспечение надежного контроля государственной границы РФ и арктических морских пространств в целях защиты национальных интересов Российской Федерации в Арктике».

Для России ее «ядерная дубинка» сейчас важна вдвойне. Вооруженные силы страны так до конца и не смогли оправиться от череды потрясений и бездарных реформ 1990-х. В этой связи в доктринальных документах появилось положение о том, что ядерный ответ может последовать на любую масштабную агрессию против России. Арктическим морям отводится здесь совершенно особая роль. Подписанные с США «разоруженческие» договоры и соответственно принципиальное сокращение национальных ядерных арсеналов

привели к тому, что морские ядерные силы становятся для России в ближайшей перспективе основным средством сдерживания. Если в советские годы Москва делала ставку на наземные межконтинентальные баллистические ракеты, то теперь основой ее ядерной безопасности должны стать подводные атомные ракетноносцы. Обеспечить неуязвимость наших субмарин призвана структура, получившая название «Северный стратегический бастион».

Концепция «бастиона» родилась в российском военном ведомстве еще в 1992 году. По мнению ее авторов, в условиях резкого ослабления мощи страны одновременно на всех морских театрах и ограниченности ресурсов, выделяемых на военные программы, основную группировку стратегических ядерных сил необходимо сосредоточить на Северном флоте – в арктических морях. Увести подводные ракетноносцы под многометровый ледяной панцирь, спрятав их там от потенциального противника, главной задачей которого в случае конфликта станет именно уничтожение атомных субмарин.

Арктика казалась идеальным регионом для «возведения» такого «бастиона» еще и потому, что у России тут было явное преимущество перед другими странами благодаря многолетним научным исследованиям приполярных акваторий. Система «оповещения подводной обстановки», развернутая здесь российским ВМФ, базируется на накопленных десятилетиями (еще со времен дореволюционных северных экспедиций) базах данных по ледовой обстановке, по гидрологии и гидрографии, по климату, типичным погодным условиям и т. д.

Поскольку концепция «Северного стратегического бастиона» со времени своего зарождения носила сугубо секретный характер, говорить что-либо об этапах ее конкретной реализации крайне сложно. Достаточно было упомянуть эту программу в разговоре с любым из российских военных, чтобы вполне доверительный тон тут же менялся: «Ну о чем вы говорите? Секретно даже само это название!»

В истории «бастиона» был, правда, короткий период, когда про него можно было говорить вслух. Летом 1998-го президент Российской Федерации Борис Ельцин в ходе учений на Северном флоте неожиданно публично рассказал о существовании такой программы. Еще года полтора-два после этого Главный штаб Военно-морского флота РФ официально признавал ее существование, а на экспертном уровне даже шла дискуссия о том, насколько эффективен будет «бастион». Признаться, дискуссия была довольно вялая, пос-

кольку мало кто в России интересовался Северным флотом до катастрофы АПЛ «Курск». А уж когда она случилась, обсуждать эту тему стало еще сложнее. После того как один из ведущих российских военных экспертов, сотрудник Института США и Канады РАН Игорь Сутягин (именно он предупреждал, что системы боевого управления стратегическими силами в Арктике будут неэффективны из-за мощных ионосферных возмущений) был осужден за шпионаж, дискуссия о перспективах «Северного стратегического бастиона» сошла на нет.

Впрочем, надо сказать, что на российском Севере и без «стратегического бастиона» государственных секретов хватает с избытком. Здесь кругом тайны, и, как правило, военные. Ну, казалось бы, что секретного может быть в добыче угля на Шпицбергене? Однако подписанная в декабре 1997 года президентом Ельциным Концепция политики РФ на норвежском архипелаге Шпицберген до сих пор имеет гриф «секретно». Так же как, впрочем, и поправки к этой концепции, утвержденные в январе 2001-го президентом России Владимиром Путиным. Сейчас документ будет полностью переписываться — этим занимается созданная в апреле 2007 года Правительственная комиссия по обеспечению российского присутствия на архипелаге Шпицберген. Ее возглавил тогда вице-премьер Сергей Нарышкин, ныне глава Администрации Президента РФ.

Основная задача комиссии — выработка единой стратегии, призванной обеспечить российское присутствие на Шпицбергене. Положение действительно сложное, поскольку развернувшаяся борьба за контроль над Арктикой, в которую включились все северные страны, может поставить под вопрос нынешний статус архипелага, позволяющий России вести на нем экономическую деятельность. Так что гриф «секретно» гарантирован и новым документам.

Единственный раз Москва решилась рассекретить свои «арктические козыри». Да и то лишь потому, что ставка в этой игре была невероятно высока.

РОССИЯ ПРИРАСТАЕТ ШЕЛЬФОМ

Согласно уже упоминавшемуся документу «Основы государственной политики РФ в Арктике», «разведанные запасы газа промышленных категорий там составляют 80 % общероссийских». «В Арктике, — говорится далее в этом документе, — сосредоточено 90 % извлекаемых ресурсов углеводородов всего континентального шельфа

Российской Федерации, в том числе 70 % – на шельфе Баренцева и Карского морей. Прогнозируется наличие углеводородов и в глубоководной части Северного Ледовитого океана в количестве 15–20 млрд тонн условного топлива. В арктических районах сконцентрирована добыча природного газа, апатитового концентрата, многих стратегически важных цветных и драгоценных металлов (никель, медь, кобальт и др.). Здесь производится продукция, обеспечивающая получение около 11 % национального дохода России (при доле населения, равной 1 %) и составляющая 22 % объема общероссийского экспорта».

В декабре 2001-го Москва подала заявку в Комиссию ООН по границам континентального шельфа. Россия рассчитывает получить права на морские пространства в Арктике, лежащие за пределами 200-мильной зоны, и цена вопроса – участки площадью более чем 1,2 млн кв. км (в том числе в Баренцевом и Охотском морях, Беринговом проливе, а также в открытых водах Северного Ледовитого океана), которые Россия считает своими. Для этого предъявляются следующие основания: «Российские исследования строения земной коры поднятия Менделеева в Северном Ледовитом океане неопровержимо доказали континентальный характер происхождения многих участков дна океана, которые ранее относились к субокеаническому типу».

Формально это не противоречит положениям международного морского права. Принятая ООН еще в 1982 году Конвенция по морскому праву в числе прочего предполагает возможность для приморских государств расширить свои суверенные права за пределы 200-мильной исключительной экономической зоны. Правда, не до бесконечности, а лишь на те участки морского дна, в отношении которых удастся доказать их «континентальное происхождение».

Россия стала первой страной, обратившейся в ооновскую комиссию, а международный механизм принятия такого рода решений еще не отработан. По правилам ООН, если подавшая заявку страна согласна с рекомендациями этой комиссии, они должны быть преданы гласности, после чего границы становятся «окончательными и обязательными».

Первая попытка не принесла желаемого результата. Комиссия затребовала более убедительные геологические и геофизические данные, подтверждающие, что хребты Менделеева и Ломоносова являются продолжением континентального шельфа Российской Фе-

дерации. Активизация арктических исследований в 2005–2007 годах, символической кульминацией которых стало водружение на дне Северного Ледовитого океана российского флага, призвана дополнить официальную заявку. Вторично ее предполагается направить в ООН не позднее 2009-го.

То, что Москва передала Комиссии ООН картографические материалы, собранные ВМФ по арктическим морям, в своем роде беспрецедентно. Ведь исследования традиционно велись здесь как раз под развертывание «Северного стратегического бастиона»: промеры глубин, течений, толщины льда и т. п. интересовали военных моряков в первую очередь с точки зрения новых маршрутов боевого патрулирования стратегических атомных подлодок. Еще с советских времен ВМФ искал в Арктике зоны пуска, где ядерные ракеты субмарин, по образному выражению флотского руководства, «были бы приставлены к виску дядюшки Сэма». Подробная карта подводных участков Арктики была составлена российскими моряками лишь к концу 1990-х годов. Чем-либо подобным не могло похвастаться ни одно другое государство мира.

Москва, тем не менее, решилась на то, чтобы рассекретить карту, передав ее в Комиссию ООН. Что характерно, с этим не стали спорить даже российские военные. Бывший главнокомандующий Военно-морским флотом РФ Владимир Куроедов в своих публичных выступлениях любил цитировать слова адмирала Макарова о том, что «Россия есть здание, фасад которого обращен к Ледовитому океану». Добавляя к этому уже от себя лично, что поскольку «в нашей арктической зоне и на прилегающем шельфе сосредоточено не менее 30 % мировых запасов нефти и газа», то «нельзя упустить реальную возможность установить внешнюю границу континентального шельфа вплоть до Северного полюса и тем самым увеличить нефтегазовый потенциал страны еще, как минимум, на 15–20 млрд тонн».

На совещаниях военно-политического руководства России в последние годы не раз звучал тезис о том, что «одной из основных задач Северного флота является поддержание существующего с советских времен статус-кво в акваториях арктических морей». На политических картах СССР границы «красного сектора» Арктики простирались до самого полюса — и попробовал бы с этим кто-нибудь поспорить. Сейчас надеяться доказать свою правоту исключительно силой уже не приходится, поэтому военным поставлена задача де-фак-

то поддерживать этот режим до тех пор, пока Комиссия ООН не закрепит наши права де-юре. Ведь запасы углеводородов, разведанные на дне Северного Ледовитого океана, уже включены в подраздел «Шельф» федеральной целевой программы «Мировой океан». Более того, идет выполнение подпрограммы «Создание высокотехнологичных установок, машин и оборудования для морской добычи нефти, газа и освоения углеводородных месторождений на континентальном шельфе Арктики на 2003–2012 годы», в ходе которого российская промышленность разворачивает широкомасштабное производство всего необходимого для разработки арктических богатств.

БЕЗГРАНИЧНЫЙ СЕВЕР

Изменения, связанные с распадом Советского Союза и установлением партнерских отношений с США, на северных рубежах бывшей империи были куда заметнее, чем где-либо еще в России. Вооруженные силы форсированным маршем покидали побережья арктических морей. Стремительное отступление армии на юг страны поставило на грань выживания целые регионы. Зачастую с расформированием и уходом очередной воинской части местные жители обнаруживали, что единственным транспортным средством были для них военные «борта». Работу им предоставляла воинская часть, основной объем поставок осуществлялся военторгом, и даже врачей нигде поблизости, кроме медсанчасти, не было.

Еще одним неприятным открытием стало то, что при всей предельной закрытости и засекреченности советского Севера, его сугубо пограничное прикрытие традиционно почти отсутствовало. Отнюдь не по государственному недосмотру: регион был настолько насыщен военными, что дополнительный контроль со стороны пограничных структур даже при советской любви к перестраховке в сфере безопасности казался излишним. Поэтому итогом ухода Российской армии с северных рубежей стало то, что перед страной, имеющей самую длинную в мире арктическую границу, которая протянулась более чем на 17,5 тыс. км (это почти треть всего государственного «периметра» Российской Федерации), возникла реальная угроза утратить над ней контроль.

Уже к середине 1990-х стало ясно, что существует риск потерять и саму Арктику.

С одной стороны, арктические моря превратились в надежнейший маршрут массового контрабандного вывоза из страны драго-

ценных, цветных и редкоземельных металлов (никель, кобальт, палладий и пр.), добываемых на северных месторождениях, а также лесоматериалов, нефтепродуктов, пушнины и бог весть чего еще. Более того, неконтролируемый Северный морской путь, который Москва в 1991 году официально объявила открытым для международных перевозок, давал фантастические возможности для организации в полном смысле слова контрабандных каналов. Последние связывали Европу не только с малонаселенными побережьями российских арктических морей, но и со значительной частью Сибири, Дальнего Востока и даже Казахстана. Впадающие в Северный Ледовитый океан Лена, Енисей и Обь, а также более мелкие реки позволяли судам класса «река – море» практически бесконтрольно заходить на тысячи километров в глубь российской территории (а по Оби и проходить ее насквозь, добираясь до северных районов Казахстана).

С другой стороны, соседи, почувствовав слабость России, моментально стали теснить ее на арктических просторах. Обозначенная на старых картах граница полярных владений СССР, которая доходила углом непосредственно до Северного полюса, уже не принималась в расчет. Зарубежные исследовательские суда зачастили в наш сектор Арктики, даже не пытаясь ставить в известность «хозяев».

Доходило до анекдотических случаев. Скажем, обнаруживается в Карском море неопознанное научно-исследовательское судно. Из надписей на борту следует, что корабль норвежский – «Свердлуп-II». Однако на все попытки встречных российских промысловиков и сухогрузов обменяться традиционными «морскими любезностями» норвежец отвечает, что судно военное, выполняет разведывательные задачи и приближаться к нему категорически запрещено. Проверить на свой страх и риск, вооружен ли «Свердлуп-II», никто не решился, а пограничники, которым российские капитаны потом на это жаловались, никак не могли взять в толк: откуда же норвежец возник в Карском море? Решили в итоге, что он обогнул с севера группу островов Новая Земля, а потом тем же маршрутом ушел восвояси.

Станции радиолокационного контроля пограничников, размещенные на юге архипелага Земля Франца-Иосифа и на северной оконечности Новой Земли по идее должны были «перекрывать» сплошным радиолокационным полем пространство между ними. Но это лишь в идеале.

На страже белого безмолвия

Отсутствие радиолокационного контроля облегчает жизнь на севере лишь явным «нелегалам». А вполне законопослушным северным перевозчикам, в первую очередь авиационным, это грозит немалыми проблемами. Нынешняя ситуация превращает любой полет над арктическими просторами, где авиация – традиционно единственный транспорт, в рискованную авантюру. На так называемых картах поисково-спасательного обеспечения северных регионов РФ все побережье, акватории полярных морей и острова в них обозначены как «район опасный для произведения полетов авиации всех ведомств». Вероятность спасения в случае аварии – «до 30 %». Причем специалисты утверждают, что и это – чересчур оптимистичная цифра.

С безопасностью морских перевозчиков дело обстоит лишь немногим лучше. Хотя формально Северный морской путь открыт для международных перевозок с начала прошлого десятилетия, зарубежные перевозчики отказываются от его использования: слишком велики риски, страховые компании не соглашаются работать с этим маршрутом. Обеспечение безопасности плавания по Северному морскому пути уже потребовало внесения специальных поправок в российское законодательство. В 2001 году через правительство, Федеральное собрание и Кремль в экстренном порядке был пропущен законопроект, по которому ответственность за «навигационно-гидрографическое обеспечение» Севморпути снималась с Министерства обороны и передавалась Министерству транспорта РФ.

Но даже такое экстраординарное решение не изменило положение дел: сам Минтранс был вынужден публично признать, что в его структурном подразделении – Государственном унитарном гидрографическом предприятии, которое занимается Северным морским путем, из-за хронического недофинансирования сложилась «катастрофическая ситуация». На правительственном уровне Москва, конечно, признаёт свои обязательства по обеспечению безопасности мореплавания по Севморпути. В последние годы неоднократно подтверждалось, что в соответствии с Международной конвенцией по охране человеческой жизни на море (1974) и Конвенцией ООН по морскому праву ответственность за обеспечение навигационной безопасности мореплавания в своих водах несет подписавшее эти документы государство. В случае Северного морского пути это, безусловно, Россия. Однако навигационное оборудование данной трассы год от года лишь ухудшается. Причем действующая сейчас федеральная целевая программа «Модер-

низация транспортной системы России (2002–2010 гг.)» не сулит Севморпути особых перспектив.

КРУТОЙ МАРШРУТ

Возрождение Северного морского пути достаточно долго фигурировало в числе любимых «детищ» Владимира Путина. Шумная кампания по популяризации грядущих блистательных перспектив Севморпути стала одним из его первых предвыборных ходов еще в качестве и. о. президента России. В апреле 2000-го на совещании по проблемам Северного морского пути и российского судостроения в целом, специально созванном в Мурманске прямо на борту атомохода «Россия», Путин заверял, что уже «в недалеком будущем» ежегодный объем транспортных перевозок в Арктике «вполне может выйти на уровень более чем в 10 млн тонн» (к тому моменту годовой оборот грузов едва-едва превышал 1 млн тонн).

Особое внимание к развитию Северного морского пути Владимир Путин тогда объяснял сразу несколькими причинами.

Во-первых, по его словам, «нужна государственная судоходная политика, и арктическая транспортная система может послужить отличным полигоном для ее выработки».

Во-вторых, «на Севере находятся такие богатства, которые в будущем будут востребованы не только Россией, но и всем человечеством», а посему «северные территории – это наш стратегический резерв на дальнейшую перспективу».

Из чего логично следовало, **в-третьих**, что «Севморпуть является также важным фактором обеспечения безопасности государства».

При всей неоспоримости президентских заявлений, с их реализацией так и не заладилось. Северный морской путь по-прежнему остается, по сути, внутрироссийской транспортной артерией. В лучшем случае он используется как маршрут транспортировки российского экспортного сырья, прежде всего рудного и нефтегазового. Надежды на то, что по этой трассе удастся пустить транзитные грузы Европа – Азия, не оправдались. В последнее время даже в самой России о перспективах Севморпути заговорили куда более сдержанно, чем прежде.

Экс-руководитель Федерального агентства морского и речного транспорта России Вячеслав Рукша публично признавал, что в нынешних условиях транзитные перевозки Европа – Азия по Северному морскому пути не могут быть рентабельны, поскольку эта

трасса проходит через проливы (Вилькицкого, Санникова и др.) глубиной около 17 метров. Это ограничивает тоннаж транспортных судов, и, следовательно, даже намного более длинный южный маршрут Европа – Азия становится гораздо дешевле за счет использования судов большего тоннажа. Правда, при этом Рукша пояснял, что перспективы у северных перевозок, конечно же, есть. Но не по традиционному Севморпути, а «через Центральную Арктику». Однако для этого нужны «абсолютно новые мощнейшие транспортные суда и абсолютно новые мощнейшие ледоколы», поскольку «льды там совершенно другие».

А вот с этим уже сложнее. Российский флот, насчитывающий сейчас семь атомных ледоколов, которые обеспечивают проводку судов по Северному морскому пути, стремительно стареет. Даже с учетом всех мыслимых продлений сроков эксплуатации ресурс ледокола «Арктика» уже практически исчерпан, «Россия» сможет работать только до 2010 года, «Таймыр» – до 2013-го, «Вайгач» и «Советский Союз» – до 2014-го, а «Ямал» – до 2017-го. Вошедший в 2007 году в состав Мурманского морского пароходства атомоход «50 лет Победы» может считаться новым лишь с очень большой натяжкой. Его строительство затянулось на питерском Балтзаводе почти на 20 лет. Так что и он относится к ледоколам прежних серий: новых кораблей, способных совладать со льдами Центральной Арктики, нет пока даже в чертежах. Прогнозы же ученых, предрекавших, что уже к началу нового тысячелетия Арктика резко потеплеет и очистится ото льда, пока что не подтверждаются. Они больше «разогревают» темперамент политиков, чем облегчают доступ в мир «белого безмолвия».

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events — turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington — this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” — *TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” — *FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” — *FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*: One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

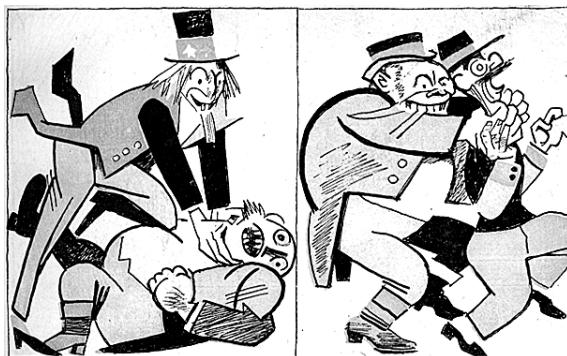
To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Полемика

Внешняя политика мировых держав.
«Смехач», 1924 г.

Америка душит Англию.

Англия душит Францию.

Франция душит Германию.

Германия... Впрочем, она
никого не душит. И поэтому
внешней политики у нее нет.
Но зато есть политика
внутренняя – пустого желудка.

“Позиция в стиле «мачо» — предельно приземленная, отрицающая всякий идеализм и сурово прагматическая — не может не импонировать большинству в нынешней российской политической элите и общественном мнении. Особенно притягательно выглядит эта «крутизна» на фоне воспоминаний о благоглупостях конца 80-х и политических метаниях и унижениях 90-х годов прошлого века”

Не разбрасывать камни в стеклянном доме

Алексей Арбатов

Не разбрасывать камни в стеклянном доме

Об опасностях «крутизны»
в международных отношениях

Алексей Арбатов

Журнал «Россия в глобальной политике» уже не первый год держит планку на уровне высоких мировых стандартов как по системности и актуальности подбора тем, так и по профессионализму и стилю публикаций. Именно поэтому многие его статьи будят мысль и вызывают желание высказать собственное мнение по затронутым вопросам. К таким материалам относится, в частности, опубликованная в выпуске за март – апрель 2008 года статья Тимофея Бордачёва и Фёдора Лукьянова «Время разбрасывать камни».

Ее главный тезис приведен как эпиграф ко всему разделу: «...переход от модели холодной войны к какому-то новому статус-кво, характер которого еще не прояснился, продолжается. В таких условиях Российскому государству было бы рискованно начать полномасштабно “собирать камни”, пытаясь выстроить новую систему взаимоотношений с внешними партнерами. Велика опасность попасть под удар со стороны тех, кто эти камни пока разбрасывает» (с. 76–77).

Свою идею авторы обосновывают тем, что мир стал неуправляем, на смену старому мировому порядку пришел не новый миропорядок, а хаос. Стремление США установить гегемонию в глобальном масштабе и попытки НАТО создать систему безопасности в евро-атлантической зоне и за ее пределами терпят крах. Глобальные финансово-экономическая и энергетическая системы выходят из-под контроля, а ООН, ОБСЕ и другие международные организации прошлого не адаптировались к новым реалиям, и их жизнь «подхо-

---

А.Г. Арбатов – член-корреспондент РАН, директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

дит к концу». Разваливается договорно-правовая система ограничения вооружений и разоружения.

Из этого Бордачёв и Лукьянов делают вывод: тот, кто будет играть по старым правилам или пытаться их заново сформировать, непременно проиграет. Россия правильно делает, доказывают авторы, что с середины текущего десятилетия перешла к «активному и жесткому продвижению собственных фундаментальных интересов» (с. 79) и больше не остерегается идти вразрез с международными структурами, нормами и договорами. Это выражается в суровой критике ОБСЕ, несговорчивости в МВФ, падении интереса к ВТО и новому соглашению с Европейским союзом, решимости наложить вето в Совете Безопасности ООН по вопросу о независимости Косово, приостановке членства в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и вероятном выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) (с. 84–85). Этот курс авторы статьи предлагают продолжать и впредь.

Ну что же, такая позиция в стиле «мачо» — предельно приземленная, отрицающая всякий идеализм и сурово прагматическая — не может не импонировать большинству в нынешней российской политической элите и общественном мнении. Особенно притягательно выглядит эта «крутизна» на фоне воспоминаний о благоглупостях конца 80-х и политических метаниях и унижениях 90-х годов прошлого века. И все же попытаемся разобраться в существовании некоторых базисных предпосылок и выводов.

О ПОПУЛЯРНОМ ТЕЗИСЕ НЕУПРАВЛЯЕМОСТИ XXI ВЕКА

Начнем с того, что управляемость XX века в сравнении с новым столетием сильно преувеличивается. Даже если оставить за скобками две мировые войны и взять только период после 1945-го и до окончания холодной войны, то нынешние представления кое-кого о прошлом — это больше ностальгия, чем объективный исторический анализ. Психологически такое легко объяснить: биполярность ассоциируется со стабильностью, тем более что одним из полюсов был предшественник нынешней России — советская военная сверхдержава и глобальная империя.

Однако на деле после 1945 года управляемость и предсказуемость были скорее иллюзией, чем реальностью. Почти сорок лет мир жил в постоянном страхе перед всеобщей термоядерной войной

в результате внезапной агрессии противника, неуправляемой эскалации кризиса либо технического сбоя. Как минимум, четырежды великие державы невольно подходили к грани ядерной войны (1957, 1961, 1962, 1973), причем однажды эту черту почти переступили — во время Карибского кризиса в октябре 1962-го. Тогда человечество было спасено не только и не столько благодаря осторожности Кремля и Белого дома, сколько по счастливому случаю.

Не было никакого «совместного управления» миром сверхдержавами — просто существовали негласно признанные «сферы влияния» в Европе и на Дальнем Востоке, а в остальных частях света ужас перед ядерной катастрофой заставлял обе стороны избегать прямого столкновения в их геополитическом соперничестве. Тем не менее за этот период произошли десятки крупных региональных и локальных конфликтов, унесших жизни более двадцати миллионов человек. Зачастую они разражались неожиданно, протекали неконтролируемо и завершались непредсказуемо, в том числе поражением великих держав: война в Корее, две войны в Индокитае, четыре войны на Ближнем Востоке, войны в Алжире, на полуострове Индостан, на Африканском Роге, в Анголе, Родезии, Афганистане, не говоря уже о бесчисленных внутренних переворотах и кровавых гражданских катаклизмах...

Разделение на «своих» и «чужих» периодически приносило сверхдержавам неприятные сюрпризы. Так, Китай сначала был «великим восточным другом», а потом стал главным военно-политическим и идеологическим врагом СССР, насеровский Египет выступал в качестве основного ближневосточного клиента Москвы, а саудовский Каир переключился к Соединенным Штатам.

Франция вышла из военной организации НАТО и подрубила под корень тыловую инфраструктуру альянса. Главный оплот американского влияния в Персидском заливе Иран, которому Соединенные Штаты продали горы оружия и заложили обширную ядерную программу, стал их заклятым врагом. Напавший на него Ирак сначала был американским помощником, а потом, после захвата Кувейта, стал основным противником США. Перечень примеров можно было бы продолжать, но и так ясно, что управляемость в период холодной войны — это скорее миф, чем реальность.

Спору нет, мир, вступивший в эру многоплановой глобализации и реальной многополярности, стал гораздо более сложным для понимания, а значит, и для согласованного управления ведущими дер-

Не разбрасывать камни в стеклянном доме

жавами. Ясно и то, что эйфория и надежды на всеобщую гармонию после окончания холодной войны были наивны. Но при всех разногласиях и соперничестве между великими державами сейчас нет антагонистических противоречий, не существует угрозы большой войны, никто никого не стремится «закопать». Как бы ни были ведущие государства подчас недовольны друг другом, ни одно из них (исключая маргинальных политических безумцев, которые есть везде) не желало бы крушения и распада США, России, Евросоюза, Китая, Индии, Японии, Бразилии, ЮАР, Украины, Казахстана... Все они хорошо осознают, что непредсказуемые последствия образовавшейся таким образом «черной дыры» причиняют вред, намного больший, чем выигрыш от устранения соперника.

Фундаментальная общность интересов многополярного мира, экономическая и социальная взаимозависимость диктуют гораздо большую «корпоративную солидарность», сдержанность и избирательность в выборе инструментов достижения интересов, чем страх перед ядерной катастрофой в прошлом веке. Между ведущими державами и их союзниками нет конфликтов, сравнимых по масштабам и жертвам с локальными войнами ушедшего столетия. Исключением являются гражданские войны в Югославии и Таджикистане, спонтанное насилие в несостоявшихся государствах Африки и террористическая война под американской оккупацией Ирака, но это не прямые и не опосредованные конфликты великих держав.

Иными словами, при всей сложности нынешних международных проблем (включая финансовый кризис, дефицит энергосырья и потепление климата) для их решения сейчас имеются более благоприятные предпосылки, а мир стал гораздо менее опасным, чем в годы холодной войны. Оговорку следует сделать в отношении угроз распространения и ракетно-ядерного оружия, и международного терроризма, которые создают вероятность применения ядерного оружия третьими странами либо террористами. Однако противодействие этой угрозе, как и решение других проблем, зависит от субъективной политики лидеров ведущих держав, и именно в ней заключаются главные трудности.

ПОЛИТИКА США

В ПОСЛЕДНИЕ ПОЛТОРА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

После завершения эпохи биполярности и холодной войны у Вашингтона был уникальный исторический шанс утвердить в между-

народной политике верховенство правовых норм, ведущую роль легитимных международных институтов (прежде всего ООН и ОБСЕ), избирательность и законность применения силы исключительно для самообороны или в целях обеспечения мира и безопасности (по статьям 51 и 42 Устава ООН). Очевидно, что этот шанс возглавить процесс созидания нового многостороннего миропорядка, основанного на балансе интересов, Соединенные Штаты бездарно провалили.

Неожиданно ощутив себя «единственной сверхдержавой» и пребывая во власти эйфории, самолюбования и самонадеянности, политическая элита США все более подменяла международное право правом силы, легитимные решения Совета Безопасности ООН – директивами американского Совета национальной безопасности, а прерогативы ОБСЕ – действиями НАТО. Наиболее яркое выражение такая политика получила в военной операции против Югославии в 1999 году. После смены американской администрации в 2001-м и чудовищного шока от террористических актов 11 сентября того же года эта линия была возведена в абсолют. Вслед за справедливой, законной и успешной операцией в Афганистане Соединенные Штаты вторглись в Ирак (под надуманным предлогом и без санкции СБ ООН), намереваясь в дальнейшем «переформатировать» весь Большой Ближний Восток под свои экономические и военно-политические интересы.

В итоге США увязли в беспросветной оккупационной войне в Ираке (которая чревата еще более тяжелым поражением, чем во Вьетнаме), подорвали миротворческую миссию в Афганистане, раскололи антитеррористическую коалицию. Политика Вашингтона спровоцировала небывалый подъем антиамериканских настроений по всему миру, вызвала новую волну активности международного терроризма, подстегнула распространение ядерного и ракетного оружия.

Необоснованное расширение НАТО на восток возрождает противостояние Запада и России, для которого у обеих сторон нет ни мотивов, ни ресурсов и которое идет вразрез с их экономическими и политическими интересами. За пятнадцать лет, сосредоточившись на проблеме геополитической экспансии, альянс не смог и не захотел фундаментально реформироваться (как, впрочем, и Российская армия без реального гражданского руководства). Самый мощный военный союз в мире, поддерживая в Европе неизвестно зачем 1,8-миллионную армию, не может найти несколько дополнительных вертолетов и батальонов для успешного ведения миротворческой операции в Афганистане.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ДОГОВОРЫ
Трудности НАТО, как порождения холодной войны, в ее поисках новой роли в современном мире вполне объяснимы, хотя и не вызывают сочувствия. Проблемы Евросоюза есть следствие его поспешного и непродуманного расширения, но со временем их, видимо, удастся решить. Другое дело Организация Объединенных Наций. Бордачёв и Лукьянов пишут: «Созданная в обстановке жесткой биполярной конфронтации... ООН не может быть адаптирована к требованиям ни имперского, ни многополярного мира» (с. 77).

С этим никак нельзя согласиться. ООН была создана в 1945 году, когда еще была жива антигитлеровская коалиция, и предусматривала как раз формализованный исполнительный «концерт наций» из держав-победительниц как постоянных членов Совета Безопасности (то есть многополярность) плюс нормотворческий международный парламент в лице Генеральной Ассамблеи. Именно раскол антигитлеровской коалиции, приход биполярности и холодной войны парализовали ООН на сорок лет и превратили ее в форум пропагандистской полемики.

После окончания холодной войны наступил короткий золотой век Организации Объединенных Наций, которая стала впервые выполнять свои целевые функции как легитимная структура обеспечения международной безопасности. В частности, из 49 миротворческих операций ООН 36 были проведены после 1988-го. И хотя — в зависимости от локальных условий — не все из них были одинаково успешны, они обошлись гораздо дешевле и принесли более весомые результаты, чем односторонние акции по принуждению к миру со стороны США и НАТО.

Не многополярность и новые сложные проблемы, а односторонняя силовая политика США в текущем десятилетии нанесла удар по эффективности этой организации. Конечно, мир неузнаваемо изменился с 1945 года, и ООН настоятельно требуются глубокие и хорошо продуманные реформы. Но, вопреки мнению авторов рассматриваемой статьи, дело отнюдь не в генетической неадекватности организации, а в обострении разногласий между постоянными членами СБ ООН и в решимости Соединенных Штатов действовать вне международно-правового поля, когда коллеги по Совбезу с ними не согласны.

За это Вашингтон уже горько поплатился в Ираке. Наверное, администрация Буша сейчас дорого бы дала, чтобы повернуть время вспять и прислушаться к доводам России, Франции, Германии и

Китая в 2003-м против необоснованной военной операции. И Западу еще предстоит расплатиться за то, как решалась проблема Косово. Глубоко увязнув в Ираке, США не решаются на одностороннее применение силы против Ирана. Но, собственноручно подорвав авторитет Совета Безопасности ООН, они дали повод и Тегерану безнаказанно игнорировать вот уже четыре резолюции Совбеза по иранской ядерной программе.

Международная система договоров по разоружению тоже не стала анахронизмом после окончания холодной войны. Без твердой опоры на системы и процессы ядерного разоружения нежизнеспособен и режим нераспространения ядерного оружия, что наглядно подтвердили события последнего двадцатилетия.

Правда, есть миф, что окончание холодной войны подстегнуло распространение ядерного оружия. Но и это не так. За четыре десятилетия холодной войны ядерное оружие обрели семь стран («Большая пятерка» плюс Израиль и ЮАР), а после ее окончания – три государства (Индия, Пакистан и – с оговорками – КНДР). Самые значительные прорывы в разоружении имели место в 1987–1999 годах: ДРСМД, ДОВСЕ, Конвенция о запрещении химического оружия, Протокол о контроле над конвенцией по бактериологическому и токсинному оружию, Договор СНВ-1, параллельные сокращения тактического ядерного оружия США и России, Договор СНВ-2, рамочные соглашения по СНВ-3 и по противоракетной обороне театра военных действий (ПРО ТВД), Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), адаптированный ДОВСЕ .

Нет сомнения, что вовсе не случайно это был самый продуктивный период и в нераспространении ядерного оружия. К Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) присоединились 40 новых государств, включая две ядерные державы (Франция, КНР), он был бессрочно продлен; вступил в силу Дополнительный протокол для укрепления гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ); семь стран отказались от ядерного оружия и военных ядерных программ или были лишены их насильно (ЮАР, Украина, Казахстан, Белоруссия, Бразилия, Аргентина, Ирак).

Однако в текущем десятилетии безответственный курс США повлек за собой демонтаж системы разоружения, начиная с Договора по ПРО и кончая большинством вышеупомянутых соглашений. Вашингтон стремился максимально развязать себе руки для развития

Не разбрасывать камни в стеклянном доме

военных программ, опираясь на свое огромное военно-техническое превосходство. А в действительности он дал свободу рук странам, стремящимся к обладанию ядерным оружием и ракетными технологиями, и подорвал сотрудничество великих держав.

Ныне система и режимы ДНЯО трещат по швам. КНДР вышла из этого договора и провела ядерное испытание, Иран упорно движется к этому порогу по пути ядерных технологий двойного назначения, еще десяток стран заявили о намерении последовать данному примеру, ширится «черный рынок» контрабанды ядерных материалов и технологий, обладая которыми террористы могут получить доступ к атомному взрывному устройству.

Со своей стороны Россия недавно ввела мораторий на ДОВСЕ и заявила о вероятном выходе из ДРСМД. После истечения срока действия Договора СНВ-1 в 2009-м потеряет смысл и Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) от 2002 года. Этот договор, срок действия которого истекает в 2012 году, предусматривает сокращение ядерных боезарядов США и РФ до уровней 1 700–2 200 единиц, но не имеет своей системы контроля и опирается на нормы СНВ-1.

От соглашения по ядерному разоружению останутся лишь договоры о частичном запрещении ядерных испытаний от 1963 и 1976 годов и несколько символических документов. В таком случае и на ДНЯО, скорее всего, можно будет поставить крест со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Все это не может не внушать острую тревогу. Но при чем тут «многополярность, формирующаяся в условиях распада институтов», о которой пишут Бордачёв и Лукьянов (с. 85)? Налицо преднамеренный и безответственный слом таких институтов и норм — в значительной мере со стороны нынешнего руководства Соединенных Штатов при поддержке некоторых их союзников, а с недавнего времени, увы, и с участием России.

Экономика и климат — предметы особого разговора, а вот нынешняя ситуация в сфере международной безопасности неуправляема ровно настолько, насколько ведущие державы не умеют ею управлять, не желая понимать ее механизмов и обратных связей. Она именно настолько неконтролируема, насколько ведущие страны ставят свои узкокорыстные, зачастую конъюнктурные интересы и амбициозные прожекты выше согласованных приоритетов и совместных действий по укреплению общей безопасности.

КАКАЯ ПОЛИТИКА НУЖНА РОССИИ?

Вряд ли кто-то станет возражать против российской политики «наращивания своей относительной силы» и «активного и жесткого продвижения собственных фундаментальных интересов» (с. 75, 79). Весь вопрос в том, как трактовать эти фундаментальные интересы. Одна версия, выдвигаемая, в частности, некоторыми экс-либеральными телеобозревателями, сводится к принципу «хватай все, что плохо лежит, а там видно будет». Другая трактовка предполагает определение внешнеполитических приоритетов и своих реальных возможностей, предвидение последствий собственных действий на несколько ходов вперед, утверждение важных международных принципов, которые в конечном итоге лучше и надежнее обеспечат национальные интересы.

Например, какую выгоду получила бы Москва от выхода из Договора по РСМД? Развернуть несколько дивизионов ракет «Искандер» повышенной дальности? Но при этом США будут иметь мощный аргумент в пользу дальнейшего расширения инфраструктуры ПРО в Европе, получат легальную возможность вернуть ракеты «Першинг-2» либо более современные системы с коротким подлетным временем на континент, причем не в ФРГ, а в страны Балтии.

Формальное признание Россией независимости Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья ничего не изменит в их материальном положении сверх начатого Москвой расширения экономических и гуманитарных контактов. Но это сыграет на руку сторонникам расширения НАТО на Украину, Грузию, Молдавию, а затем подтолкнет их к военному решению вопросов отделившихся территорий. Тем более что кроме России (и, возможно, Армении) ни одно из государств — участников СНГ не присоединится к такому признанию. От него отмежуются Китай, Индия, многие другие партнеры России на мировой арене, которые сейчас осуждают позицию ряда стран НАТО в отношении Косово. В дальнейшем вооруженный сепаратизм может вновь поднять голову в самой России и получить прямую поддержку извне, особенно с нарастанием демографических проблем.

Москва вполне обоснованно взяла направление на изменение «правил игры» в отношениях с Западом, сложившихся в 90-х годах прошлого века. Парадигма отношений того периода, когда Москва вольно или невольно шла в фарватере американского курса, когда ее интересами не считались и ее мнением пренебрегали, абсолютно неприемлема сегодня. Ныне Россия стала значительно сильнее в

экономическом и политическом отношении, а позиции США, Евросоюза, Японии ощутимо ослабли, причем в основном по их собственной вине. Проблема российской внешней политики не в том, что она стала более активна и самостоятельна, а в другом. Именно в этой связи тезис о продолжении «разбрасывания камней» вызывает серьезные возражения.

Дело в том, что сказать «нет» совершенно недостаточно. Необходимо сформулировать конструктивную и конкретную альтернативу по главным вопросам. Например, вполне обоснованно выступая против расширения НАТО на Грузию и Украину, России следовало бы четко изложить свое долгосрочное видение отношений как с Североатлантическим альянсом, так с соседними республиками. Ведь столь мощные военные организации и силы, как имеющиеся у России и НАТО, не могут просто мирно соседствовать, не обращая друг на друга внимания и занимаясь только своими делами. Они либо будут всё теснее сотрудничать и интегрироваться, либо станут подозревать другую сторону во враждебных намерениях и готовиться к военному конфликту.

Примером тому служит начавшаяся недавно на Западе кампания, направленная на возрождение «военной угрозы» с востока (указывая на полеты российских стратегических бомбардировщиков, дальние походы и стрельбы корабельных соединений). О том же свидетельствует новомодная концепция российской военной доктрины об «угрозе авиационно-космического нападения» и о развитии потенциала ее отражения, что подразумевает не что иное, как большую войну с НАТО.

России надо решить для себя, рассчитывает ли она на военную конфронтацию или на углубление военного сотрудничества с альянсом, создание крупного общего корпуса быстрого реагирования для совместных миротворческих операций в Европе и за ее пределами, борьбы с терроризмом, пиратством, контрабандой ядерных материалов и ракетных технологий. Все это подразумевает военный союз нового типа и глубокую реформу как НАТО, так и российской военной организации. Ждать инициативы со стороны Запада в нынешних условиях не приходится. Именно Россия, возрождаясь как великая держава, могла бы выдвинуть долгосрочный проект. В таком контексте ее возражения против расширения альянса выглядели бы вполне убедительно, а преодолеть саботаж новых членов НАТО было бы гораздо легче.

Делу немало помогли бы и предложения, направленные на решение проблем соседних республик, гарантии их суверенитета и территориальной целостности, планы экономического и гуманитарного сотрудничества при условии закрепления их военно-политического нейтралитета. И наоборот, разговоры об отделении Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Крыма и Донбасса сплачивают общественность и элиты соответствующих стран на антироссийской основе, побуждают обратиться к НАТО как единственному гаранту их территориальной целостности.

Другой пример — план США по строительству систем ПРО в Центральной Европе. Москва правильно сказала «нет», поскольку ракетная угроза Ирана пока не материализовалась, а новая база ПРО получит маргинальную возможность перехвата нескольких российских межконтинентальных баллистических ракет. Россия предложила сотрудничество в этой сфере на основе совместного использования радиолокационных станций (РЛС) в Азербайджане и Центра обмена данными о ракетных пусках в Москве. Однако, признав тем самым наличие ракетной угрозы с юга, Россия не может выдвигать радар и центр в качестве альтернативы системе ПРО, для которой нужны дополнительные РЛС и ракеты-перехватчики. Требуется или разветвленная российская система ПРО, или совместная с Соединенными Штатами и НАТО противоракетная оборона, которая тоже подразумевает военный союз нового типа.

В последнее время в российской политике наметилось по обеим темам позитивное продвижение. После саммита альянса в Бухаресте в апреле 2008-го Дмитрий Медведев и Владимир Путин весьма прозрачно высказались в том отношении, что вместо поспешного расширения на восток Североатлантическому блоку следует сосредоточиться на развитии хороших отношений и сотрудничества с Россией — и тогда многие конфликтные ныне вопросы будут выглядеть иначе. По поводу противоракетной обороны Путин сказал, что видит будущее решение в создании совместной системы ПРО России, США и Европы.

Однако для того чтобы эти идеи воспринимались не как полемические декларации, а всерьез, необходимо их продуманное военно-политическое и военно-техническое наполнение. Тут имеется непочатый край работы. Ни государственные ведомства, ни экспертное сообщество России не торопятся с предложениями. Многие просто не воспринимают заявлений руководства всерьез. Другие не желают брать на себя какую-то ответственность и обременять себя дополни-

тельной работой. Третьи намеренно саботируют любые подобные инициативы, рассчитывая на упрочение своих позиций внутри страны в условиях роста конфронтации с Западом, невзирая на огромный ущерб, который, если придерживаться такой линии, может быть причинен национальным интересам и безопасности России.

Курс «бросания камней» авторы статьи советуют продолжать, пока не закончится «переход от эпохи холодной войны к какому-то новому статус-кво» (с. 76). Однако это ожидание может никогда не завершиться. Многополярная международная система, по сравнению с однополярной или биполярной, по своей природе переменчива и динамична; она никогда не придет к какому-то постоянному статус-кво. Конечно, в отличие от европейского «концерта наций» XIX века, нынешняя международная система неизмеримо более сложна и глобальна. Но и при ней в самом выигрышном положении оказывается та держава либо коалиция, которая построит наиболее оптимальные отношения с другими «центрами силы». Это дает большие преимущества для влияния на международную политику в своих интересах.

Выстраивание конструктивных взаимосвязей с другими государствами и союзами предполагает достижение договоренностей по важнейшим вопросам, повышение эффективности прежних многосторонних институтов и создание новых структур. Великая держава должна не разрушать, а активно формировать новую систему международных отношений, пока эту систему не создали другие без должного учета ее интересов. Нельзя поддаваться соблазну «доломать» ослабленные международные институты и договоры, по-быстрому урвать все что можно, следуя плохому примеру США. Ведь как раз такая политика привела Соединенные Штаты к провалу, подорвала их лидерство в мире, несмотря на огромное американское превосходство по экономическому и военному потенциалам, на подавляющее влияние США в международных союзах и организациях.

Запуская новый этап своих экономических и демократических реформ, Россия способна одновременно оказать большое позитивное влияние на формирование новой системы международных отношений. Разумеется, это возможно при том неслучайном условии, что Москва будет ясно представлять себе, чего хочет. Если она, как и подобает великой державе, станет придерживаться твердых принципов и вести себя последовательно и предсказуемо. Если она сможет адекватно представлять себе окружающий мир и точно соизмерять свои желания и возможности.

Уникальный доступ к информации

Компания East View Information Services, Inc., надежный поставщик информации, предлагает электронные полнотекстовые базы данных периодики России и стран Ближнего зарубежья:

Центральная пресса России

- Около 60 наиболее авторитетных столичных газет и журналов
- Освещают события в сфере политики, экономики, науки, культуры и общественной жизни России
- Представляют широкий диапазон мнений
- Ориентированы на государственные и коммерческие структуры, ученых, специалистов, экспертов
- Глубина архива - с 1996 года
- Тексты изданий приводятся без сокращений
- Ряд изданий появляются на сайте накануне выхода из печати

Гуманитарные науки и литературно-художественные журналы

- Более 30 изданий Российской академии наук
- «Толстые» литературные журналы
- Независимые научные журналы
- Глубина архива - с 1997 года
- Для удобства цитирования сохранена пагинация печатных оригиналов
- Предназначена для ученых, политических консультантов, информационно-аналитических центров

Периодика стран СНГ и Балтии

- Авторитетные газеты, журналы и информационные ленты новостных агентств государств бывшего СССР
- Освещают внутренние и международные события
- Достоверный источник обширной и оперативной информации из Ближнего зарубежья
- Глубина архива – с 1997 года

Издавания Украины

- Единственное в мире электронное собрание газет, журналов и библиографических изданий Украины
- Политическая, экономическая и культурная жизнь страны, ее движение по пути реформ
- Взгляды и позиции различных политических сил, изменения в законодательстве
- Тенденции военного строительства, Украина и НАТО, роль Украины как военной державы
- Академические исследования, проблемы экономики, межнациональных отношений
- Глубина архива – с 2001 года

Смотрите полный список изданий по адресу: <http://www.online.eastview.com/titles>
По Вашему запросу предоставим бесплатный тестовый доступ
По вопросам подписки обращайтесь:

в России:
тел: (095) 777-6557, 318-0937,
факс: (095) 318-0881
E-mail: sales@mosinfo.ru

в США:
тел.: (763) 550-0962,
факс: (763) 559-2931
E-mail: sales@eastview.com

Отклики и рецензии

Европейская комиссия за работой. Херлуф Бидstrup, 1970 г.

“*Жизнь не требует форсирования переговоров с Европейским союзом любой ценой в ущерб их качеству и будущим результатам. По имеющимся оценкам, на данный момент еще не реализовано до половины из 112 имеющихся статей действующего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. С началом переговоров по новому базовому документу партнеры не окажутся безработными, даже если ограничатся претворением в жизнь другой половины СПС*”

ЕС и Россия: как спасти партнерство   *Сабина Фишер*
196

Новое соглашение с ЕС : экономические аспекты
Владимир Паньков
203

Дебалканизация Юго-Восточной Европы?
Татьяна Юрьева
210

Демократия – урок или приговор истории?   *Александр Кузяков*
214

Евросоюз и Россия: как спасти партнерство

Сабина Фишер

С середины 1990-х годов термин «стратегическое партнерство» применяется для характеристики связей, установившихся между Европейским союзом и Россией. Сегодня это выглядит преувеличением, поскольку жизнеспособность подобного альянса ставится под сомнение как политиками, так и наблюдателями с обеих сторон.

Развитие отношений зашло в тупик. В ЕС утверждают, что внутренняя политика Москвы и ее поведение в «едином пространстве» противоречат принятой там системе ценностей. Кремль же сомневается, что слабый и разобщенный Евросоюз вообще способен выступать в роли стратегического партнера. Стороны, однако, не могут игнорировать обоюдную важность этих отношений.

В осеннем выпуске журнала «Россия в глобальной политике»

(5/2007) Хиски Хауккала отметил, что успех сотрудничества — вопрос выживания для обеих сторон. Но некоторые сферы взаимодействия остались без внимания в последние несколько лет. Очевидно, что партнерство в сферах «мягкой безопасности», культуры и образования — задача первостепенной значимости, однако прогресс в этой области не компенсирует застоя в других, не менее важных, где наблюдаются разногласия. Мы намеренно сосредоточили внимание на вопросах «жесткой безопасности», таких, как многосторонняя кооперация, контроль над вооружениями, обеспечение совместной безопасности стран СНГ и проблемы энергетики, поскольку именно они лежат в основе разногласий между Европейским союзом и Российской Федерацией.

Сабина Фишер — научный сотрудник Института исследования проблем безопасности ЕС (Париж). Данная статья основана на материалах отчета, подготовленного в рамках более крупного проекта ИИПБ ЕС — «Эффективный многосторонний процесс: привлечение новых глобальных игроков», результаты которого опубликованы в одном из выпусков *Chaillot Paper* в начале 2008 года.

Глобальная перспектива

Среди немногих организаций, членство в которых позволяет России, ЕС и Соединенным Штатам общаться на равных, важнейшую роль играет Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. Постоянное членство в Совбезе — основа внешней политики Москвы, рычаг, который она все чаще задействует для блокирования неугодных ей инициатив, прежде всего американских. Россия проявляет растущую заинтересованность в своем более активном участии в деятельности ООН. В «Обзоре внешней политики Российской Федерации», опубликованном МИДом РФ в марте 2007 года, критически отмечается не слишком заметная роль России в миротворческих и гуманитарных миссиях ООН.

Взаимодействие в рамках Совета Безопасности не оставляет простора для многостороннего сотрудничества, поскольку политика Москвы в первую очередь преследует национальные интересы и направлена на укрепление собственных позиций на международной арене. Россия во многом не готова (да и не стремится) к многостороннему процессу. Евросоюзу и отдельным его членам следует акцентировать внимание на общих подходах (благо условия для них регулярно возникают в связи с ситуациями вокруг Ирана, Северной Кореи и палестино-израильского конфликта), тем самым последователь-

но вовлекая Россию в многосторонние дебаты в рамках ООН.

Европейский союз и его страны-члены должны со всей серьезностью отнестись к устным обязательствам Москвы относительно ее участия в миротворческих и гуманитарных операциях, обещающих стать новой сферой активного общения и сотрудничества. Правда, им придется столкнуться с порой радикальными расхождениями во взглядах. Москва добивается, чтобы ООН признал право проводить миротворческие операции за такими образованиями, как СНГ, Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества, считая их способными осуществлять подобного рода деятельность на территориях входящих в них стран.

Это не может не вызвать споры внутри Евросоюза. Оказывая техническую поддержку развивающимся государствам, Россия не руководствуется принципом политической обусловленности, в то время как ЕС провозглашает ответственное госуправление и приверженность демократии основой политики оказания помощи. Поэтому координация деятельности в этой сфере потребует открытого обсуждения не только целей, но и основных принципов совместной работы.

К концу 2007-го в состоянии глубокого кризиса оказались многосторонние механизмы ядерного нераспространения и контроля над

вооружениями. Трения между США и Россией вылились в ожесточенные дискуссии вокруг американского плана размещения элементов противоракетной обороны в Польше и Чехии. Если в 2002 году Москва практически не препятствовала выходу США из Договора об ограничении систем ПРО (Договор по ПРО) то сегодня она все чаще возражает Вашингтону. Высокие представители российского МИДа даже призвали к выходу из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), а военные пригрозили перенацелить ядерные ракеты на европейские страны, если Америка осуществит свой план. В июле 2007-го Россия объявила о приостановке своего участия в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и в качестве альтернативы польско-чешскому варианту предложила Вашингтону совместно использовать радиолокационную станцию в Габале (Азербайджан). Американцы отреагировали на это сдержанно, отметив, что не исключают использования Габалинской РЛС, но лишь в дополнение к элементам, размещенным в Польше и Чехии. Переговоры Владимира Путина и Джорджа Буша в Сочи в апреле 2008 года к прорыву также не привели.

На переговорах по иранской и северокорейской ядерным программам Россия нередко занимает двойственную позицию. Поддержав Вашингтон в его стремлении не дать

Тегерану завладеть ядерным оружием, Москва, тем не менее, противится жестким экономическим санкциям, так как заинтересована в контракте на строительство АЭС в Бушере. Помимо всего прочего Россия предложила создать на своей территории международный консорциум по обогащению урана, чтобы обеспечить Ирану возможность мирного использования ядерной энергии и предотвратить разработку военной программы.

В смысле ликвидации данного кризиса возможности ЕС весьма ограничены, поскольку все решения принимают США и Россия. У Евросоюза по-прежнему нет единой позиции ни в отношении американских планов по размещению элементов ПРО, ни касательно российской реакции на них. Правда, на саммите НАТО в Бухаресте европейские страны высказались в поддержку американской инициативы по ПРО.

На сегодняшний день позиции Европейского союза и России совпадают лишь в сфере противостояния иранской ядерной программе. Поэтому ЕС следует вплотную заняться проектом международного консорциума и вовлечь все заинтересованные стороны в серьезные переговоры на эту тему. Сказанное в равной мере относится и к Габалинской РЛС. Россия и США вряд ли согласятся на взаимные условия в той форме, в какой они были высказаны в начале 2007 года, но переговоры

укрепят многосторонний процесс и дадут надежду на компромиссное решение. В беседах с Москвой и Вашингтоном Брюссель должен неустанно подчеркивать важность многостороннего подхода к проблемам нераспространения ядерного оружия и контроля над вооружениями.

Региональная перспектива

В последние годы усилилась региональная напряженность в отношениях между Евросоюзом и Россией. По мере того как Европейский союз укрепляет свои позиции, Россия пытается сохранить экономический и политический контроль над территорией бывшего СССР. Идет борьба за влияние на «единое пространство». Здесь мы снова можем засвидетельствовать расхождение основных принципов, стратегий и целей. Но есть и общие угрозы, вызванные экономической и политической нестабильностью в «едином пространстве».

Ликвидация затяжных конфликтов в Азербайджане, Грузии и Молдавии — это, пожалуй, главнейшая задача в сфере региональных отношений. Ее успешное решение может стать ключом к урегулированию многих других проблем. Российская политика направлена на поддержание статус-кво: таким образом, Москва получает мощные рычаги политического, экономического и силового воздействия на стороны, участвующие в конфликте. К тому же Кремль не располагает

долгосрочной стратегией отношений с отколовшимися регионами и потому еще больше опасается перемен.

ЕС жизненно заинтересован в разрешении затянувшихся конфликтов, препятствующих прогрессу и стабильности в регионе, но глубокие внутренние разногласия ослабляют его позиции. Стремясь повысить свои акции, Брюссель направил двух спецпредставителей на Южный Кавказ и в Молдавию, разместил Миссию по пограничной помощи на рубеже между Украиной и Молдавией и немногочисленную Миссию по обеспечению верховенства закона (*EUJUST-THEMIS*) в Грузии. В рамках трансформационной политики добрососедства проводится работа по формированию благоприятной внутренней обстановки в странах, пострадавших от конфликтов. Но все это в основном изолированные меры, вызванные к жизни не долгосрочной стратегией, а давлением со стороны местных сил.

Евросоюз должен более последовательно добиваться расширения полномочий по разрешению конфликтов не только в Приднестровье, но и в других «горячих точках». Тот факт, что Москва после некоторых раздумий признала Миссию по пограничной помощи Европейского союза, должен подвигнуть Брюссель к более активным действиям на разных уровнях, включая укрепление доверия, пограничный контроль и посредничество при переговорах.

Наибольший потенциал для совместной работы в сфере устранения затяжных конфликтов создает, пожалуй, совместная миротворческая деятельность. Россия всегда стремилась к более тесному сотрудничеству с ЕС в рамках Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО). Сегодня Евросоюзу представился случай привлечь Москву к участию в проектах, которые со временем могут перерасти в совместную миротворческую деятельность. Это явилось бы крупным шагом на пути к формированию общего пространства в сфере внешней безопасности, позволило бы продвигаться в сторону стабилизации раздробленного, подверженного кризисам региона.

Главным камнем преткновения остаются разногласия по поводу состава и командной структуры объединенных миротворческих сил. Москва требует сотрудничества «на равных», то есть равного участия в командовании объединенными силами ЕПБО и России. Европейский союз отстаивает принцип автономного принятия решений, исключающий такую возможность. Чтобы дать старт сотрудничеству, сторонам придется вступить в открытый диалог по этому вопросу.

Энергетика и экология

После распада СССР бывшие советские республики, включая Россию, очутились в сетях энергетической

взаимозависимости. Российская Федерация обладает монополией на транспортировку газа из Центральной Азии в Западную Европу. Республики, расположенные в западной части бывшего Советского Союза, почти полностью зависимы от российских энергопоставок. Правда, их преимуществом является тот факт, что через их территории пролегают маршруты российского экспорта в Евросоюз.

Сама же Россия попадает во все большую зависимость от центрально-азиатского газа. В условиях технологической отсталости и постоянно растущего собственного потребления ей уже в среднесрочной перспективе будет нелегко обеспечивать внутренний рынок и одновременно выполнять экспортные обязательства. Российская Энергетическая стратегия на период до 2020 года предусматривает ряд мер, направленных на решение этой проблемы, включая расширенное использование других видов ископаемого топлива. Но пока неясно, будут ли эти меры способствовать стабильности внутреннего снабжения, с одной стороны, и экспорта — с другой. Учитывая политические последствия, спровоцированные резким скачком внутренних цен, жизненно необходимые реформы газовой отрасли в настоящий момент вряд ли осуществимы.

С начала 1990-х зависимость Европейского союза от российских газопоставок неуклонно растет. Но их

условия все меньше устраивают обе стороны. ЕС стремится к либерализации российского энергетического (и особенно газового) рынка, тем самым подготавливая почву для участия в нем своих компаний. Защищая транспортную монополию в энергетической сфере, Москва отказывается ратифицировать Транспортный протокол к Европейской энергетической хартии, и этот отказ уже на протяжении десятилетия вызывает острые разногласия. Российская сторона выдвинула ряд аргументов против ратификации хартии и Транспортного протокола, ускользнувших от внимания Евросоюза. На обвинения в свой адрес она отвечает, что Европейский союз и сам пытается ограничить деятельность российских компаний на своем рынке, нарушая принцип равенства участников.

Как ЕС, так и Россия зависят от торговых отношений в энергетической сфере. Евросоюз не сможет быстро диверсифицировать импорт газа (к тому же в этом случае ему придется иметь дело с потенциально менее стабильными партнерами). Быстрая диверсификация экспорта потребует от России огромных вложений, которые она не сможет себе позволить в обозримом будущем. Москва попросту обречена на торговлю со своим главным клиентом. Вывод прост: стабильные и эффективные энергетические взаимоотношения лежат в основе интересов обеих сторон.

Важнейшая предпосылка для развития энергетического сотрудничества — взаимная либерализация. Чтобы гарантировать непрерывность внутренних и внешних поставок, России следует модернизировать свой энергетический рынок. Учитывая относительную отсталость в технологической сфере, совершенно очевидна заинтересованность Москвы в контролируемом раскрытии рынка и более тесном сотрудничестве с энергетическими компаниями из Европейского союза и ряда промышленно развитых стран. Это касается не только производства и транспортировки, но и прежде всего рационального использования энергии, которое должно стать одним из основных пунктов повестки дня в России.

Если ЕС добивается смягчения российских позиций по вопросу о либерализации энергетического рынка, в его интересах доказать, что обвинения в протекционизме не соответствуют действительности. Прошлогодняя инициатива Еврокомиссии, преследующая цель разделить производство и распределение энергии, может стать значимым шагом на пути к либерализации европейского энергетического рынка. Однако пока неясно, есть ли смысл затруднять отдельным иностранным компаниям доступ к европейским сетям (ср. «Положение о Газпроме»), если эти меры не подкрепляются конструк-

тивными шагами по достижению взаимопонимания.

Европейская энергетическая хартия представляется лучшим из существующих средств снятия напряженности в энергетическом вопросе. Она содержит правила инвестирования и недискриминационной торговли, а также посреднический механизм — важные рычаги регулирования энергетических отношений не только между Евросоюзом и Россией, но и со странами транзита. Чтобы вновь запустить процесс ратификации хартии, Европейскому союзу необходимо серьезно рассмотреть российские претензии к Транспортному протоколу, начать соответствующие переговоры и быть готовым частично пересмотреть хартию, обусловив таким образом присоединение к ней России.

Вопрос энергосбережения и модернизации российского энергетического сектора тесно связан с проблемой экологии и климатических изменений. Недавние исследования выявили резко негативное воздействие глобального потепления на российское сельское хозяйство, экономику и условия деятельности населения. Есть и положительные моменты — к примеру, заметное снижение затрат на отопление, но ущерб намного превышает выгоду. Поэтому в долгосрочной перспективе Россия должна быть весьма заинтересована в успешном применении мер против потепления. Киотский протокол предус-

матривает целый ряд механизмов, благоприятствующих энергосбережению, которое также поможет России решить проблемы и задачи энергетического сектора.

Еще в 2004 году Москва после длительных переговоров ратифицировала Киотский протокол. Российские компании заинтересованы в механизме совместного выполнения его требований, допускающем создание софинансируемых предприятий и призванном облегчить приток иностранных инвестиций и обмен технологиями и ноу-хау в энергетической сфере. Для ЕС это должно стать исходной позицией для стимулирования сотрудничества с Россией в сфере энергосбережения и защиты окружающей среды, в деле формирования совместных европейско-российских предприятий. Особый упор нужно сделать не только на сокращении выбросов углекислого газа, но и на повышении энергоэффективности. Безусловно, успех этой стратегии зависит от того, станет ли энергосбережение двигателем экономического роста как в России, так и прежде всего в странах Евросоюза. Более активное и плодотворное сотрудничество в данной сфере поможет российскому правительству осознать свою задачу по диверсификации экономики и сокращению зависимости от энергоэкспорта.

Не во всех случаях отношения между Европейским союзом и Россией можно характеризовать как

«стратегическое партнерство». Общие ценности уже не составляют прочной базы для таких отношений. Прагматика экономического сотрудничества теряется на фоне бесконечных столкновений и разногласий на региональном и глобальном уровне. Состоявшаяся передача власти в России не сулит перемен во внутренней и внешней политике. В обозримом будущем нет оснований рассчитывать на установление подлинного стратегического партнерства, построенного на демократической основе и наце-

ленного на многостороннее сотрудничество во имя стабильности и мира на нашей планете. И все же тесная взаимозависимость, возникшая после распада Советского Союза, представляет собой значительный потенциал для плодотворной кооперации на всех уровнях отношений ЕС – Россия. Если стороны сумеют использовать этот потенциал, появится реальная возможность формирования в будущем крепкого стратегического партнерства.

Новое соглашение с ЕС: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Владимир Паньков

Десятилетний срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, послужившего углублению и расширению отношений между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами – с другой (далее: СПС-1), истек 30 но-

ября 2007 года. Поскольку обе стороны письменно не уведомили друг друга о денонсации настоящего соглашения, как минимум, за шесть месяцев до его истечения, оно автоматически продлено на один год.

Официальные переговоры по вопросу о новом соглашении до сих пор

В.С. Паньков – д. э. н., профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений Государственного университета – Высшей школы экономики, заведующий Центром мирохозяйственных связей Всероссийского научно-исследовательского института внешнеэкономических связей ГУ – ВШЭ.

не начались (формальной причиной, как известно, послужила позиция Польши), но рано или поздно какой-то документ должен прийти на смену СПС-1.

В п. 9.2 Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010), представленной Правительством России на саммите РФ – ЕС в Хельсинки (октябрь 1999 г.), говорится, что Москва будет вести дело к достижению последующей договоренности с Евросоюзом. Имеется в виду взаимное обязательство по совместной разработке и заключению «нового широкоформатного соглашения о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в XXI веке» (далее: ССПС), которое должно прийти на смену СПС-1. Насколько реалистична данная цель, по крайней мере в экономической сфере, в свете сложившихся на сегодняшний день отношений?

С точки зрения коренных долгосрочных интересов обоих партнеров предпочтительнее заключить ССПС, нежели модифицированное и усовершенствованное СПС-1 в виде СПС-2. Однако в последние 3–5 лет Брюссель, по-своему толкуя те или иные стороны политической и социально-экономической системы России и не сумев «переварить» серьезное возрастание ее роли в мире, в меньшей степени склонен к поиску компромиссных решений. Европей-

ский союз превратился и в гораздо менее предсказуемого партнера, поскольку переживает переломную фазу реконструкции системы своего управления.

В такой обстановке, подчас усугубляемой тактически неудачными ходами Российского государства и бизнеса, обеим сторонам непросто совместно намечать и принимать меры, наполняющие их сотрудничество поистине стратегическим содержанием. Этим обусловлена и явная аморфность «дорожных карт», принятых на саммите РФ – ЕС в мае 2005-го, – по сути, простых деклараций о намерениях, отмечающих определенные этапы на пути к четырем «общим пространствам», которым даже не дано более или менее четких определений.

В контексте разработки экономических разделов нового базового соглашения небезынтересно выяснить, что полезного можно почерпнуть из такого рода договоренностей Евросоюза с третьими странами.

В первую очередь привлекают внимание соглашения стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) об их ассоциации с Европейским союзом (эти страны либо уже стали его членами, либо ведут переговоры о вступлении). Подобные документы получили полуофициальное название «Европейские соглашения об ассоциации» (ЕСА). Другой пример – общие соглашения ЕС об экономическом и научно-техническом сотрудни-

честве (НТС) и партнерстве с Индией и Бразилией, которых международные эксперты относят, наряду с Российской Федерацией, к странам с быстро формирующимися и развивающимися рынками. Эти документы значительно меньше, чем ЕСА, насыщены международно-правовым содержанием, носят подчеркнуто рамочный характер, почти свободны от норм прямого действия.

ЕСА качественно отличаются от СПС-1 тем, что предусматривают ассоциацию стран ЦВЕ с Евросоюзом как промежуточный этап на пути к будущему членству в нем. Однако полное присоединение России к ЕС не представляется возможным и целесообразным с точки зрения интересов обеих сторон.

Наибольший интерес как источник идей и возможных формулировок для нового базового соглашения между Евросоюзом и Россией представляет торговый раздел ЕСА, особенно те его аспекты, которые касаются формирования зоны свободной торговли (ЗСТ). Создание ЗСТ Российской Федерация – Европейский союз пока не стоит на повестке дня (должна проясниться ситуация со вступлением России в ВТО), но вопрос может приобрести актуальность в обозримой перспективе. Поскольку проблематика ЗСТ РФ – ЕС уже рассматривалась автором в настоящем издании, ограничусь отсылкой читателя к соответствующей статье (см. «Россия в глобальной полити-

ке», 2007, № 1, сс. 78–88) и некоторыми дополнениями.

Прежде всего принципиально важно, что и в ЕСА процедуры создания ЗСТ однозначно увязывались с правилами и нормами ГАТТ/ВТО, так что без членства в данной организации движение в этом направлении фактически исключалось. Даже при развитых торговых связях устанавливался чрезвычайно длительный переходный период для формирования ЗСТ. Так, в случае со Словенией, соглашение с которой было подписано в 1996 году, а вступило в силу в 1999-м, предусматривался шестилетний период для достижения этой цели, хотя к тому времени страна была уже довольно тесно интегрирована в хозяйственное пространство Евросоюза. Важным пунктом ЕСА являлась договоренность об исходных ставках таможенных пошлин, отталкиваясь от которых стороны должны проводить их снижение. Если пошлины снижались в соответствии с предписаниями ГАТТ/ВТО уже после вступления соглашения в силу, то именно эти тарифы ВТО применялись в качестве исходной базы для последующей их либерализации.

Инвестиционные разделы СПС-1 и ЕСА находятся примерно на одном качественном уровне, поскольку ориентируются на основополагающие документы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и различаются лишь в

деталей. Представляется целесообразным внести в данный раздел нового соглашения — там, где речь идет о применении национального режима (НР) и режима наибольшего благоприятствования (РНБ) к взаимным инвестициям, — четкие, не допускающие неоднозначной трактовки положения, то есть такие же, как в Соглашении об ассоциации, например, между Европейским союзом и Хорватией. Так, в статье 49 пп. 1 и 2 обе стороны с момента вступления в силу Соглашения о стабилизации и ассоциации между ЕС и Хорватией обязуются применять к учреждаемым либо уже действующим на их территории компаниям другой стороны не менее благоприятный подход, «чем в отношении своих собственных компаний».

Иными словами, в сфере взаимно мигрирующего в форме прямых инвестиций капитала обе стороны с момента вступления в силу ЕСА без всяких оговорок однозначно предоставляют для учреждаемых или уже действующих компаний другой стороны наиболее благоприятный режим, будь то НР либо РНБ. Статья 60 п. 1 ЕСА предусматривает «обеспечить свободу взаимного движения капитала в связи с прямыми инвестициями». Использование этих адаптированных формулировок (ст. 49 и ст. 60 Соглашения о стабилизации и ассоциации между ЕС и Хорватией) могло бы принести России и Евросоюзу в инвестиционной части боль-

ше пользы и открыть более широкие перспективы, нежели СПС-1.

Правда, сама по себе имплантация в новом базовом соглашении указанных положений ЕСА между Европейским союзом и Хорватией недостаточна. Особенно если ЕС и РФ намерены поставить перед собой действительно стратегическую цель формирования зоны свободного инвестирования по аналогии, к примеру, с соглашениями о Европейском экономическом пространстве между ЕС и Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ) или о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА), действующими с 1994 года. Чтобы согласовать вопрос о формировании подобной зоны, следует в первую очередь найти взаимоприемлемый подход к ограничению прямых иностранных инвестиций в некоторые стратегические отрасли экономики. Соответствующие законодательные акты в настоящее время готовятся как в Государственной думе РФ, так и в Комиссии ЕС и Европарламенте. Европейский документ, вероятно, будет во многом сходен с аналогичным законом, недавно введенным в действие в США и поставившим перед российским бизнесом (прежде всего компаниями с государственным участием) достаточно сложные проблемы. Именно этот вопрос может стать камнем преткновения на пути придания инвестиционному разделу соглашения качественно нового содержания.

Отклики и рецензии

В области трудовой миграции также следует учитывать соответствующие положения ЕСА и уже имеющийся опыт СПС-1. Важно, чтобы СПС-2 способствовало свободному передвижению профессионалов, часто выезжающих в страну (не по делам индивидуального бизнеса, а в рамках ротации кадров в международных корпорациях, имеющих свои отделения в России), и миграции профессионалов с исключительными способностями. В то же время новое базовое соглашение обеспечило бы решение таких вопросов, как перечисление соответствующими органами принимающих стран Европейского союза пенсионных взносов работающих там граждан России. По меньшей мере, тех из них, которые направляли взносы на нужды обязательного пенсионного страхования в течение ряда лет, не превышающих нормативного срока, необходимого для получения хотя бы минимальной пенсии (это время составляет в странах ЕС, как правило, не менее 15 лет).

В целом новому соглашению необходимо придать социальное измерение, которое полностью отсутствует в СПС-1 и других действующих до сих пор совместных документах.

В разделах, касающихся охраны и реализации прав интеллектуальной собственности (ИС), российский проект соглашения должен отдавать приоритет дальнейшей адаптации российских норм и стандартов соответствующим атрибутам Евросоюза.

Правда, нельзя позволить, чтобы данный процесс превратился в «улицу с односторонним движением», целесообразно учесть и позитивный опыт, накопленный Россией и третьими странами.

Специальные нормы, относящиеся к праву интеллектуальной собственности (ст. 54 СПС-1), являются декларативными и не несут особой правовой нагрузки. Вместе с тем приложение 10 к данной статье содержит ряд чрезвычайно важных норм, представляющих собой международно-правовые обязательства России в сфере ИС. Россия обещала к концу пятого года после вступления СПС-1 в силу (2002) обеспечить у себя уровень защиты прав, аналогичный европейскому стандарту, включая эффективные средства для соблюдения указанных прав. Обязательства, возлагаемые этой нормой на Россию, несомненно, смягчаются тем, что она должна стремиться гарантировать лишь аналогичный уровень защиты прав, что является более мягким требованием по сравнению с уровнем защиты, полностью тождественным европейскому.

Достаточно подробная разработка вопросов научно-технического сотрудничества в соглашениях Европейского союза с третьими странами (Бразилия, Индия) и в СПС-1, с одной стороны, свидетельствует о том, что данной проблематике следует уделить должное внимание и в СПС-2. С другой стороны, сам ха-

рактической разработки не дает оснований для активных заимствований. В ЕСА также намечены в первую очередь цели и формы НТС, но не прописаны детальные обязательства по конкретному оформлению механизма сотрудничества, особенно в части его финансирования.

При подготовке нового базового соглашения целесообразно предусмотреть комплекс конкретных мер, наполняющих содержанием четвертую из указанных выше «дорожных карт» (по экономическому пространству). Подобный шаг на деле обеспечил бы тесное и систематическое сотрудничество в отраслях фундаментальной и прикладной науки на основе совместных многолетних рамочных программ и совместного финансирования; гармонизацию законодательства, гарантирующего, в частности, право интеллектуальной собственности, формирование общеевропейского образовательного пространства на основе Болонского процесса, включая сближение систем образования, широкий обмен преподавателями, студентами и аспирантами, взаимное признание (минуя всякого рода «нострификации») дипломов о высшем образовании.

Как в экономическом, так и в научно-техническом разделах новое базовое соглашение было бы целесообразно расширить международно-правовые рамки для международной производственной и особенно научно-производственной кооперации на

уровне компаний и при содействии государства.

Пока нет оснований рассчитывать на то, что результатом переговоров России и Европейского союза станет заключение в разумные согласованные сроки амбициозного и крупномасштабного стратегического договора. Скорее можно ожидать СПС-2, содержащего более определенные, чем СПС-1, целеустановки стратегического характера. Так, в экономическую часть будущего соглашения может быть включено положение о зоне свободной торговли как перспективной цели с указанием на то, что переговоры об этом станут завершением международно-правовых процедур по вступлению РФ в ВТО. Что же касается конкретной даты формирования ЗСТ, то, возможно, стоит последовать примеру форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), в рамках которого еще в прошлом десятилетии для этого был установлен «мягкий» регламент до 2020 года.

По окончании переходного периода, предваряющего ее вступление в ВТО, Россия, не прибегая к особому соглашению о ЗСТ с ЕС, скорее всего, предпримет все возможные шаги с целью создания такой зоны. Это позволит существенно либерализовать как раз ту половину российской внешней торговли, которая приходится на Европу. (Так, особенно эффективно в этом направлении подействует ожидаемое снижение

Отклики и рецензии

средневзвешенной импортной ставки таможенного тарифа по промышленным готовым изделиям на три процентных пункта.) В итоге, вероятно, можно будет рассчитывать на симметричные шаги Евросоюза навстречу интересам России.

Российской стороне необходимо заранее продумать, в каких областях, помимо вновь и вновь вносимых на обсуждение вопросов о визовом режиме и доступе прямых инвестиций со стороны компаний РФ в европейский ТЭК, это для нас наиболее желательно. Одной из них могло бы стать взаимовыгодное согласование действий в отношении третьих стран (например, государств СНГ), которое, разумеется, отвечало бы и их интересам. Во всяком случае, вряд ли можно оспаривать то, что до сих пор остается на бумаге п. 1.8 цитированной выше Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010). Согласно этому пункту, «развитие партнерства с Европейским союзом должно содействовать укреплению России в качестве ведущей силы, способствующей формированию новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на пространстве СНГ». Скорее ЕС

до сих пор действует в противоположном направлении, причем далеко не всегда в своих интересах.

По проблематике нового базового соглашения налицо большой разброс мнений ведущих экспертов, начиная с необходимости принять и ратифицировать по формуле 1+1+27 стратегический документ преимущественно прямого действия и заканчивая предложением заключить политическую декларацию о намерениях. Между этими крайностями предлагается множество промежуточных вариантов.

Жизнь не требует форсирования этих переговоров любой ценой в ущерб их качеству и будущим результатам. К тому же упомянутая в начале статьи процедура продления СПС-1 на один год не ограничена во времени. Следует добавить, что, по имеющимся оценкам, на данный момент еще не реализовано до половины из 112 статей этого документа.

Что же касается российского проекта нового базового документа, то необходима его обстоятельная проработка специально созданной для этого рабочей группой высокого уровня с привлечением ведущих экспертов. И перед ней не должна стоять задача делать судьбоносные ходы в условиях жесткого цейтнота, что называется «на флажке».

Дебалканизация Юго-Восточной Европы

Татьяна Юрьева

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Под редакцией А.А. Язьковой. М.: издательство «Весь Мир», 2007. 347 сс.

Коллективная монография, подготовленная в Институте Европы РАН в серии «Старый Свет — новые времена» (научный руководитель серии — академик РАН Николай Шмелев), посвящена исследованию одного из самых сложных для понимания регионов Европы, привычное название которого — Балканы. В издании не только осмысляются первые пятнадцать лет постбиполярной истории Балкан (1990–2005), но и предпринимается попытка оценить перспективы решения современных проблем региона.

По мнению авторов, высказанному буквально на первых страницах книги, «сегодня регион имеет известные основания преодолеть исторически сложившийся стереотип пресловутой балканизации и стать интегральной частью европейского континента — **Юго-Восточной Европой**».

Преодоление феномена балканизации — необходимое, но не единственное условие становления Юго-Восточной Европы как полноценного региона (точнее, субрегиона).

Необходимо обретение и осознание регионом общих характеристик, обуславливающих его внутреннее единство. В настоящее время их нет, так как на Балканах сосуществуют два типа государств. К первому относятся «посткоммунистические» страны с присущим им комплексом проблем переходного периода. Ко второму принадлежат Греция, Кипр и (частично) Турция; каждое из этих государств имеет свою специфику и разную степень вовлеченности в Европу.

Эти две группы стран обычно рассматриваются порознь, но в рецензируемой монографии предметом анализа стал регион в целом. Такой подход позволил преодолеть априорную академическую «заданность разрыва» пространства Юго-Восточной Европы и проследить истоки и современное состояние тенденции к межбалканскому сотрудничеству.

Первые признаки регионального взаимодействия, наметившиеся на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века, были сведены на нет возрождением этнического национализма и последовавшим кризисом 1990-х. (С постъюгославского пространства настроения подозрительности в отношении соседей перекинулись и на Грецию.)

Отклики и рецензии

Авторы монографии по-разному приходят к выводу о том, что наиболее вероятный путь стабилизации Юго-Восточной Европы — интеграция всех государств региона в Европейский союз. Различия в оценках касаются не общего вектора развития региона, а сроков и конкретного наполнения этого процесса.

В разных тематических разделах книги просматривается стремление выявить общие закономерности развития, формирование которых и дает надежду на преодоление феномена балканизации. Очевидно, что главное внутрорегиональное препятствие — возрождение национализма, точнее, его деструктивной составляющей на постъюгославском пространстве. Вторая сквозная тема — истоки, современное состояние и перспективы национализма в Юго-Восточной Европе в двух его измерениях — позитивном и негативном.

По мнению авторов, для постепенного включения этого региона в общеевропейские процессы, необходимы согласованные действия региональных и внерегиональных акторов «на таких основных направлениях, как недопущение попыток насильственной перекройки карты Балкан, целенаправленное развенчание негативных стереотипов соседа (“образ врага”) и не в последнюю очередь оказание помощи в экономическом развитии Балканского региона».

Специальный раздел монографии посвящен сравнительному анализу культурно-исторического развития Юго-Восточной Европы и роли национализма в межэтнических и меж-

государственных отношениях. Вывод о том, что «национальные различия и порожденные ими специфические интересы гораздо более устойчивы, чем это принято считать», сделан на основе анализа специфики государств данного региона. Однако это предостережение справедливо и для других частей Европы. Именно деструктивный национализм и его живучесть олицетворяют курс на фрагментацию современного мира, сопутствующую противоположной тенденции к глобализации.

В главе «Политические итоги “постсоциалистического” развития» на обширном фактическом материале показано, что четыре основных типа перехода к демократии, выделенные в современной западной «транзитологии», весьма условны и формальны. Применительно к исследуемому региону предлагаются другие параметры, основанные не на теоретических построениях, а на практике переходного периода, уже пройденного бывшими социалистическими государствами Юго-Восточной Европы. Сформулированные обобщения дают пищу для размышления над общими проблемами и закономерностями переустройства бывших социалистических государств.

Придя к выводу об устойчивости процесса преобразований на постъюгославском пространстве по демократическому образцу, авторы не исключают «попятного движения» при «утрате европейской перспективы или в случае взрывной дестабилизации ситуации в отдельных странах и в регионе в целом».

Отклики и рецензии

Особняком стоят две главы, посвященные Греции и Кипру. Их особенность обусловлена иной логикой анализа, который хотелось бы видеть теснее «встроенным» в общую проблематику монографии. Сказанное не снижает самостоятельной ценности данных разделов, как познавательной, так и аналитической.

Наконец, важное место занимает рассмотрение процессов интеграции стран региона в НАТО и Евросоюз, а также вопросов их взаимоотношений с Россией. Авторы стремятся «понять подлинные мотивы настойчивости руководителей постсоциалистических государств, добивающихся членства в НАТО и ЕС, оценить возможности, открываемые для них на этом пути, и этим же порождаемые новые проблемы». По прочтении данной главы создается впечатление устойчивого дисбаланса двух встречных процессов — стремления «назад, в Европу» и обеспечения достойного приема «вновь прибывающим».

С одной стороны, призыв «назад, в Европу», сформулированный Вацлавом Гавелом еще на рубеже 1980-х и 1990-х годов, был характерен и для умонастроений правящих элит государств Юго-Восточной Европы — за исключением президента Сербии Слободана Милошевича. Но и в Сербии после ухода Милошевича возобладал этот выступающий, по сути, как безальтернативный вектор внешнеполитической ориентации.

С другой стороны, в Европейском союзе и Североатлантическом альянсе не просматривалось ранее и не

просматривается ныне детализированная политика содействия странам региона в переходе к принципам и стандартам, принятым в этих двух структурах. Силовые акции НАТО, инициированный Евросоюзом Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы, другие его региональные инициативы и, наконец, совместные документы НАТО и ЕС начала 2000-х о сотрудничестве по стабилизации Балкан свидетельствуют о намерении Запада переустроить государства региона по своим стандартам, но не о ясном представлении о путях осуществления такого намерения. Отсюда и метания от внеправовых силовых акций к интеграционным инициативам и наоборот.

Реальная отдача от опробованных Западом на Балканах моделей стабилизации, как показано в монографии, более чем скромная. Новое тому подтверждение — самопровозглашение независимости Косово, идущее вразрез с основополагающими принципами международного права. Большинство авторов так или иначе анализируют вероятные последствия признания косовской независимости Соединенными Штатами и западноевропейскими государствами, и все они приходят к выводу о крайне неблагоприятном воздействии этого шага на ситуацию в регионе и за его пределами.

В «российском блоке» политика Москвы обоснованно критикуется за своего рода «реактивность», выразившуюся в отсутствии самостоятельных инициатив, в зависимости от перипетий развития самой России. Представляется, что эта глава не вполне свободна от эмоциональ-

Отклики и рецензии

но-политизированного восприятия и оценки российской действительности. Кроме того, именно сейчас, по прошествии времени, логично было бы увязать периодизацию и оценку балканского курса Российской Федерации с общими проблемами становления внешней политики нашей страны в 1990-х годах

Не могу согласиться с оценкой позиции России в ходе косовского кризиса (1998–1999) как сомнительной. Полагаю, что Москва тогда получила стратегический выигрыш на отдаленную перспективу, твердо заявив о недопустимости разрушения правовой основы международных отношений. Это – не сознательное нагнетание конфронтации с Западом по конкретному вопросу региональной политики. Это – одно из первых проявлений системного расхождения России с теми, кто склоняется к односторонним силовым действиям в обход международного права. Тогда впервые наиболее отчетливо проявилась характерная черта пост-биполярного миротворчества: на собственно региональный конфликт наложился другой – между самими миротворцами. Значение возникшего тогда «конфликта в квадрате», его дестабилизирующий эффект вышли далеко за пределы собственно балканской проблематики.

Отдельная глава посвящена «пост-косовскому» этапу балканской политики России, однако начинается она с общего размышления о роли Юго-Восточной Европы для внерегиональных акторов: не только для России, но и для ее партнеров-оп-

понентов в лице НАТО и Европейского союза. В главе обобщен большой фактический материал о смене парадигмы российской политики на Балканах – переход к прагматическому экономическому освоению этого региона после прекращения там с 2004-го российского военного присутствия в составе международных миротворческих сил. При этом авторы исходят из неизменности общего курса всех государств региона на евро-атлантическую интеграцию, но полагают, что такая перспектива не является близкой. Поэтому обоснованно звучит вывод о том, что «главный интерес России в Юго-Восточной Европе состоит в том, чтобы заблаговременно экономически закрепить в сфере предстоящего расширения ЕС, использовать транзитный потенциал региона к взаимной выгоде и по возможности заблокировать потенциальные или актуальные антироссийские тенденции».

В целом монографию можно отнести к исследованиям нового поколения. Их отличительная черта – осмысление региональных экономических, социальных, внутри- и внешнеполитических процессов в рамках своего рода «двойного» компаративного подхода.

С одной стороны, проводится сопоставление внутрорегиональных ситуаций и факторов. С другой – содержащийся в исследовании обширный материал открывает путь к сравнительному анализу данного региона с другими частями формирующейся Большой Европы.

Демократия — урок или приговор истории?

Александр Кузяков

Гарольд Роджерс-мл. Очерк истории демократии от Ближнего Востока до западных цивилизаций. М.: Культурная революция, 2007. 200 сс.

Специфика понятия «демократия» как политической категории допускает множество трактовок. Наиболее успешные попытки раскрыть содержание этой формы правления, как правило, опираются на незаурядный политический опыт и, что немало важно, на исторические факты.

Этим требованиям в значительной степени отвечает рецензируемая книга. Автор, который работал и общался с несколькими президентами США, не понаслышке знаком с правилами политической игры и обладает соответствующим опытом. Свидетельством же его познаний в истории служит не только историческое и правовое образование, полученное в Станфордском университете, но и ряд публикаций.

Компактный и в то же время насыщенный труд исследователя охва-

тывает широкие пласты истории, начиная с Месопотамии, Египта, Греции и Римской империи, Европы Средних веков и Нового времени вплоть до современных Соединенных Штатов и попыток установить демократию на Большом Ближнем Востоке.

Это компенсирует недостатки перевода на русский язык, оставляющего желать много лучшего, не говоря уже о наличии досадных опечаток. Можно смириться и с неудобством, связанным с необычной манерой автора сжимать изложение буквально до телеграфного стиля. Впрочем, именно эти недостатки оборачиваются некоторыми преимуществами для читателя: практически без изменения оставлена подача исторических реалий и терминология, принятые в американском научном сообществе, что создает особый колорит при погружении в ту или иную эпоху. В случае переиздания потребуются серьезная доработка книги, которая яв-

---

А.В. Кузяков — к.ф.н., ответственный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

ляется, безусловно, злободневной в свете дискуссий о целесообразности внедрения демократии силовыми методами.

Несомненным плюсом является обращение к трудам маститых американских и зарубежных историков (Бернард Льюис, Томас Фридман, Эдвард Бёрнс, Карл Деглер, Дэвид Маккеллог, Джеймс Биллингтон, Фарид Закариа, Ричард Пайпс и др.). Разумеется, интерпретация современной демократии немислима в отрыве от истории страны, которую автор называет «изначальной демократией» и даже «первой демократией в истории» - Америки.

Фактическое обоснование автором этого отнюдь не очевидного положения все же позволяет разобраться в сущности современных процессов глобализации, нащупать болевые точки в диалоге цивилизаций. Вообще, книга заслуживает отдельной подробной дискуссии.

Позиция автора наводит на размышление об истории демократии как в первую очередь истории конфликтов, в процессе которых она принимает множество разных форм. Словом, это хроника борьбы за власть, войн (в том числе гражданских), революций, международных столкновений и процессов национального освобождения. Вместе с тем это и своеобразная летопись конфликта идей, ценностей — религиозных, экономических, политических, социальных.

Роджерс-младший обнаруживает себя убежденным сторонником одной из до сих пор дискутируемых на Западе гипотез Макса Вебера, когда утверждает, что реформация «способствовала возникновению современной цивилизации» (с. 58). Протестантская революция, отмечает автор, вылилась в политические движения, подпитываемые ростом национального самосознания, — в открытую борьбу с деспотизмом в Англии и Франции и свержение испанской тирании в Нидерландах (с. 61).

Религиозные войны в Европе сопровождались торговым и промышленным переворотом, интеллектуальной революцией. Философия эпохи Просвещения в лице Жан-Жака Руссо, по убеждению автора, «заложила фундамент стремлений к современной демократии» (с. 71). Его теория демократии, а также либеральные идеи Локка, Вольтера, Монтескье стали интеллектуальной основой Французской революции (с. 72). Революционными событиями и национальными движениями, духом свободы отмечен весь XIX век. На этой почве сложилась тенденция рассматривать демократию как форму правления, «при которой мы обладаем правом говорить, писать и делать все, что нам заблагорассудится, пока и поскольку мы не наносим ущерб ближнему» (сс. 80–81). Но здесь кроется и серьезная опасность, если восприятие демократии остается поверхностным. Автор показывает, как

легко неокрепшие демократии могут превращаться в диктатуры, плодить анархию либо терроризм.

Особое место в книге уделяется становлению народовластия в Соединенных Штатах. Демократические идеи были восприняты там еще в XVII столетии, когда «английские переселенцы принесли с собой в Америку некий буржуазный дух, который Макс Вебер называл протестантской этикой» (с. 101). Почти половина населения времен американской революции состояла из кальвинистов, «насаждавших буржуазные экономические ценности». Пуритане толковали библейский завет как договор Бога-правителя со своими подданными Адамом, Ноем и Авраамом и «потому понимали демократию как соглашение между правителем и управляемым» (с. 103), что предполагало ответственность и участие в управлении каждого. Очевидно, что современный американский индивидуализм восходит к пуританскому наследию. И в Америке, и в Европе целая эпоха в развитии демократии отмечена борьбой за свободу индивидуального выбора, определяемого Вебером как «борьба богов», борьба ценностей. С такими ценностями американской революции, как идеи справедливости, равенства и свободы, связано появление одного из первых документов современной демократии — американской Конституции. Отдельные ее формулировки не те-

ряют актуальности и по сей день. Поэтому трудно не согласиться с автором, который усматривает уникальность Войны за независимость в Северной Америке в том, что она инициировала волну революций, «которые все еще продолжаются во всем мире» (с. 107).

Солидаризируясь со знаменитой формулой Джона Адамса, который писал, что «революция произошла в умах и сердцах народа», Гарольд Роджерс-младший убедителен и в другом своем выводе. Он пишет, что демократия определяется не избирательным цензом и не статьями Конституции, а озабоченностью широких масс граждан политическими проблемами и их активным участием в общественной жизни (с. 112). По мнению автора, народный суверенитет не утверждается в исторически кратчайшие сроки — это достаточно длительный процесс, который и в США еще далеко не завершен: «демократия в Америке все еще развивается по мере того, как политические органы обнаруживают и по возможности исправляют несправедливость по отношению ко всем слоям общества» (с. 196). В то же время не отрицается и тот факт, что современной Америке присущи имперские амбиции: «она с самого начала была империей, созданной в постоянных войнах, сначала с индейцами, а затем с Англией, Испанией и Мексикой» (с. 127). А в XX веке Соединенные Штаты стали

Отклики и рецензии

предпринимать «попытки подкрепить свое понимание глубинного естественного права военными средствами» (с. 128).

Несомненно, важен для российского читателя раздел книги, посвященный истории и развитию демократии в России. Роджерс-младший ссылается на заявление президента РФ Владимира Путина о том, что Россия сделала окончательный выбор в пользу демократии (с. 130). Однако представленный в книге очерк российской истории нацелен на то, чтобы показать, почему «демократии так трудно пустить там корни» (с. 146). В отличие от Западной Европы и Америки, двигавшихся начиная с XVII столетия в русле веберовских схем рационализации и индивидуализма, отмечается «неразвитость самоуправления городов Московии», которые «не обладали юридической, налоговой или административной автономией», а также отсутствие «капиталистической этики честности, трудолюбия и предприимчивости» (с. 155).

С екатерининских времен, пишет Гарольд Роджерс-младший, утвердился либерализм, отдававший предпочтение конституционной законности, а не отдельному человеку (с.165). Наряду с закрытостью общества, преградившей путь развитию экономики и с последствиями которой начал бороться еще император

Пётр I, автор указывает, в частности, на коррупцию как на симптом более глубокого заболевания Российской империи — беззакония.

Совсем не является неожиданным, по мнению автора, то, что груз истории, в том числе сравнительно недавней, до сих пор довлеет над современностью. После 1991-го, утверждает Роджерс-младший, Россия скатилась к «выборному самодержавию, когда свободы обеспечиваются в теории, но нарушаются на практике, поскольку коррупция заложена в самой сути ее политической и экономической системы... Путин оказался в роли приходского священника против группы проституток» (сс. 171–172).

Автор предвидит немалые трудности, с которыми столкнется Россия в своем продвижении к демократии: пока что пройдено лишь полпути (с. 197). Причина — в стремлении получить конечный продукт других цивилизаций, игнорируя возможности внутреннего роста и понимания, не усвоив «традиции упорядоченного философского дискурса», критического духа западной культуры (см. с. 173). Трудно согласиться, равно как и не согласиться, с выводом о том, что прошлое России сдерживает достижение демократических целей. Но это уже наши собственные уроки и задачи истории, которые придется усваивать и решать самостоятельно.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ Сергей Александрович (председатель)	д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН, декан факультета мировой политики и мировой экономики ГУ – ВШЭ
АРБАТОВ Алексей Георгиевич	член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
АХТИСААРИ Маргги	президент Финляндии в 1994–2000 гг.
БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (заместитель председателя)	д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
БЕРГСТЕН Фред	доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
БИЛЬДТ Карл (в личном качестве)	министр иностранных дел Швеции
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	академик Академии горных наук
ГРИГОРЬЕВ Владимир Викторович (в личном качестве)	советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
ЖУКОВ Александр Дмитриевич (в личном качестве)	заместитель председателя Правительства РФ
ЗВЕРЕВ Сергей Александрович	президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
ИВАНОВ Игорь Сергеевич (в личном качестве)	к. и. н., профессор МГИМО (У) МИД России
КАЙЗЕР Карл	профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
КОЖОКИН Михаил Михайлович	к. и. н., заместитель президента – председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
КОКОШИН Андрей Афанасьевич	академик РАН, заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по науке и технологиям, директор Института проблем международной безопасности РАН
КОЛЬ Гельмут	канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
КОМИССАР Михаил Витальевич	генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
КОПЬЕВ Вячеслав Всеволодович	к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий

КУЗЬМИНОВ Ярослав Иванович	к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ
ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика», президент фонда «Русский мир»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., глава общественного комитета «Россия в объединенной Европе»
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	член-корреспондент РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США

ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., советник ректора МГИМО (У) МИД России
ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич	д. э. н., директор Центра демографии ГУ–ВШЭ
ДУБИНИН Юрий Владимирович	профессор МГИМО (У) МИД России, заслуженный работник дипломатической службы РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Института энергетики и финансов
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент ЗАО ИК «Тройка Диалог»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	генеральный директор (президент) ООО «Промышленные инвесторы»
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
ЗЮЗИН Игорь Владимирович	к. т. н., генеральный директор ОАО «Мечел»
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих IATA, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: **46708, 46709, 46710**

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: **15577, 11119, 16497.**

Агентство «**Деловая пресса**»

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru

или письмом по адресу:

Фонд исследований мировой политики
103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **250 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

	<p>АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал индекс издания</p> <p style="text-align: center;">Россия в глобальной политике</p> <p style="text-align: center;">(наименование издания) Количество комплектов</p> <hr/> <p style="text-align: center;">на 2008 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда </p> <p style="text-align: center;">Почтовый индекс (адрес)</p> <hr/> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																													
	<table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px;">ПВ</td> <td style="width: 20px;">место</td> <td style="width: 20px;">литер</td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> <td style="width: 20px;"> </td> </tr> </table> <p>ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА</p> <p>на ~~газету~~ журнал индекс издания</p> <p style="text-align: center;">Россия в глобальной политике</p> <p style="text-align: center;">(наименование издания)</p> <p>Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов _____ руб. _____ коп.</p> <p style="text-align: center;">на 2008 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда </p> <p style="text-align: center;">Почтовый индекс (адрес)</p> <hr/> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	ПВ	место	литер													1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
ПВ	место	литер																																						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																													

Журнал можно приобрести в магазинах:

В Москве:

- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- В киосках «МН-Пресс»
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА

В Санкт-Петербурге:

- «Дом книги», Невский пр-т., 28

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

■ Агентство «Информнаука», тел. (495) 787-3873

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

Внимание!
Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь
 II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Извещение

Кассир

Квитанция

Кассир

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302
(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ОТП Банк», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"
(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302
(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002
(номер счета получателя платежа)

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"
(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

R/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)